

СЛЕД В ИСТОРИИ

ЦАРЬ СОЛОМОН

РОЛЬФ БЕЙЕР

Annotation

О царе Соломоне знают все. Он вошел в мировую историю как обладатель несметных богатств, строитель Иерусалимского храма, автор поэтической «Песни песней» и носитель великой Мудрости. Мало кому известна другая сторона этой незаурядной личности: мрачный мститель, запятнавший себя убийством брата и кровной местью. Его слава покоится на подневольном груде народа, из которого он выжимал все возможное для своих блистательных дел. Что стоит за легендой — сказочный образ или историческая фигура?

Неожиданный и интригующий читателя ответ дает известный немецкий исследователь, автор уже любимейшей всем книги о царице Савской.

Для широкого круга читателей.

Valhalla Club
HALAV

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Рольф Бейер](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Рольф Бейер

ЦАРЬ СОЛОМОН

Рольф Бейер

ЦАРЬ СОЛОМОН

РОСТОВ-НА-ДОНУ

«ФЕНИКС»

1998

Моему другу Юргену фон Эзенвейну посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Царь Соломон многолик. Тем, кто любит женщин, он представляется искусным любовником; тем, кто ищет мудрости, — мудрецом; тем, кто страстно желает мира, его правление кажется беспримерной эпохой мира. Самое главное дело Соломона — строительство храма в Иерусалиме — олицетворяет один из важнейших символов человеческих надежд и стремлений.

Соломона называют также великим поэтом, который воспевал творения природы, в притчах и песнях прославлял мудрость любви, мудрость жизни и мудрость мира. *Соломоново решение* стало крылатым выражением. Окруженный легендами, продолжает жить таинственный визит безымянной царицы Савской, приехавшей в Иерусалим, чтобы испытать Соломона своими загадками. Богатство Соломона — золото, серебро, драгоценные камни, дворцы и крепости и, в конце концов, трон слоновой кости — отбрасывает ослепительный свет, озаряющий Соломона и его дела, скорее сказочное, чем реальное. Не часто историческая фигура предстает посредником надежд и страстей, дающим и исполненным желаний, которые были и остаются недостижимыми для потомков. Но сияющий свет быстро превращается в мерцающий, отбрасывающий расплывчатые тени. Так меняется и образ царя: любовь к женщинам кажется старческой глупостью, богатства — приобретенным, но не заработанным состоянием, неумная страсть к строительству — это выжатый народ, который стонет от подневольного труда. Его политика религиозной терпимости оборачивается тогда изменой традиционной вере Господу, его повсюду превозносимая мудрость — странным общением с демоническими силами.

Но Соломон предстает перед нами не только в запутанной игре идеализаций и демонизаций, в которых его истинный образ может поблекнуть или исчезнуть. Его царствование ставится на службу политическим интересам. «Так Соломон был господином над всеми государствами, от Евфрата до Филистимен и вплоть до границ Египта» — на это утверждение из Библии еще и сегодня ссылаются влиятельные еврейские круги для исторической легитимации «великих израильских интересов». Лежит ли на нем проклятие или благословение — вопрос истории будущего. А вот является ли ссылка на великое царство Соломона правомерной, на этот вопрос ответ должен быть получен здесь и сейчас.

Оживить истинного Соломона и его время — трудное предприятие, так как условия для смелого дела неблагоприятны. Только Библия дает нам сведения о Соломоне; остальные древние источники молчат. О нем нет ни единого слова ни в текстах, ни в надписях, хотя Соломон, по всей вероятности, должен был жениться на египетской принцессе. Такое молчание источников Древнего Востока побудило некоторых исследователей вообще усомниться в существовании Соломона.

Но осторожно! Давайте-ка посмотрим немного внимательнее на израильских царей, которых называют в древневосточных источниках, исключая Библию. Первым был засвидетельствован североизраильский царь Омри, он правил примерно 50 лет после смерти Соломона, что зафиксировано на так называемых скрижалях Меша, которые находятся сегодня в Лувре. Стела, названная по имени моавитянского царя Меша, повествует о победе жителей Моава над домом Омри. Вторым царем из небиблейского источника был североизраильский царь Ахав (871–852 до н. э.). Царь Ахав появляется на скрижалях ассирийского царя Салманасара III (858–824 до н. э.) как один из тех царей, которые были поработены ассирийским царем. Еще в одной записи Салманасара III указывается североизраильский царь Йеху (845–818 до н. э.), причем его называют *платящий дань*. Ассирийский царь считал это событие в 841 до н. э. настолько важным, что велел его изобразить на черном камне, который находится сейчас в Британском музее. Царь Йеху лежит, поверженный, перед победоносным ассирийским царем, потеряв всякое величие. Подпись под картиной: «Дань от Йеху, сына Омри: Я получил от него серебро, золото, чашу из золота, остроконечную вазу из золота, кубок из золота, ведро из золота, олово, царский жезл...».

Мы могли бы продолжить дальше и привести другие небиблейские свидетельства с общей чертой: они показывают царей Израиля исключительно как побежденных, взятых в плен, приносящих дань. Лишь *статус побежденного* вводит их во внебиблейские документы, и вот это, кажется, и объясняет, почему царь Соломон не мог быть представлен вне Библии. Царь Соломон не был ни побежден, ни пленен; он не отдавал дани; он не вел ни одной войны. Таким образом, быть включенным во внеизраильские источники ему помешало именно его дело мира.

Только Библия сообщает о царе Соломоне: первые 12 глав Книги Царств (3 Царств 1-12) и более короткое параллельное сообщение в историческом произведении «Летописи» (2 Паралипоменон 1–9), кроме этого, еще короткая запись о рождении (2 Царств 12)^[1]. Но свидетельства из Библии можно считать историческими источниками весьма условно.

Книги Царств были написаны добрых четыре столетия спустя после правления Соломона, даже еще позже, через семь столетий после смерти Соломона. Для библейских авторов Соломон был фигурой давнего прошлого, лишь одной из многих, которые приходили и уходили в израильской истории.

Хотя библейские авторы и писали историческую книгу, для них в первую очередь важны были не исторические свидетельства. Авторы Книги Царств искали ответы о причинах ужасных катастроф, которые разразились над Израилем: угасание североизраильского государства в 722 до н. э. по вине ассирийцев, но прежде всего ужасное разрушение Иерусалима и Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором в 587 до н. э. Храм Соломона представлял собой груды развалин; предметы культа были разбиты, расплавлены или увезены в Вавилон. Иудейская верхушка пережила судьбу вавилонского пленения.

Авторы Книги Царств исходили из перспективы катастрофы, в которой были разрушены последние остатки от Соломонова наследия — царство, государственная независимость, величественные строения Иерусалима. Их взгляд на историю Израиля был не нейтральным взглядом историков-архивариусов, которые фиксировали и передавали *Sine ira et studio*^[2], а религиозно обусловленным «взглядом на катастрофы», который хотел исследовать, как могло произойти падение империи, разрушение Иерусалима и храма Соломона.

Ответ библейских «историков» был прост, жесток и однозначен: народ Израиля изменил чистой вере Господу. Итак, катастрофы были Его мстью. И цари Израиля беспощадно критиковались с этой точки зрения. Большинство из них осуждалось в религиозном плане. И Соломон не мог скрыться от осуждающего прямого взгляда, так как он, по мнению «историков», религию променял на иных, чуждых богов. Отношение авторов книги Царств к Соломону является поэтому «злым», рожденным из боли и страданий за тот вред, из-за которого дело Соломона окончательно было отдано на разрушение. А нас продолжает тревожить, насколько соответствует исторической правде образ Соломона, прошедшего горнило мучений.

Сомнения правомерны. Так, параллельное сообщение во 2-й книге Паралипоменон рисует другой образ Соломона. Не удивительно, так как когда авторы летописей писали о Соломоне, катастрофа Израиля казалась уже преодоленной: Вавилон был лишен власти, а персидский царь Кир позволил находящимся в изгнании евреям вернуться в Иерусалим, как написано в знаменитом указе Кира в 538 до н. э. Бывшему государству

иудеев была предоставлена ограниченная автономия. Началось восстановление разрушенного Иерусалима, позже было разрешено воздвигнуть городскую стену. Но прежде всего надлежало построить новый храм. На него были направлены надежды пророков, о чем свидетельствуют видения храма у Захарии, все усилия религиозных функционеров, желавших иметь в первую очередь государство первосвященников. Библейские летописцы происходили как раз из этих священнических кругов.

В их фантазии преображался образ царя Соломона и его эпохи. Им Соломон представлялся преимущественно богопослушным царем, который построил первый храм, ввел храмовый культ и установил культовый уклад жизни. Отход Соломона от чистой веры в Господа полностью завуалирован в Книге Царств. И летописцы-священники рассказывали историю Соломона не как историки, а формировали образ Соломона, соответствовавший их культовым интересам.

Итак, мы снова возвращаемся к вопросу, как рисовать исторически верный портрет Соломона. Трудностей добавляет то, что личность Соломона грозит раствориться в его делах. Есть сообщения о том, что он родился, но ни одного слова о его детстве и юности, становлении. Более или менее описываются только эпизод положения на царство, кое-что о периоде укрепления трона, показана жестокая борьба за власть, одно и то же, что вызывает у нас скорее отвращение. В остальном только фантастические и путанные записи о том, что было, и чего, вероятнее всего, не было: сверхогромном количестве жен — 700 и наложниц — 300, сказочном богатстве, поездках в легендарную страну Офир, строительстве храмов и дворцов, стихах, судебных приговорах и молитвах, а между ними списки чиновников, записи об административных делах, о договорах.

При этом удивительно слабо прописана личность Соломона, в отличие от его отца Давида, история жизни которого сопровождалась драматическими конфликтами, грандиозными страстями и отвратительными слабостями. В отличие от Саула, первого царя Израиля, жизненный путь которого глубоко трагичен, Соломон, казалось бы, наоборот, не дает никакого материала для создания легенд и романов. И все-таки кто бы из писателей ни отважился приблизиться к Соломону — будь то Жерар де Нерваль или Стефан Гейм, — он приходит к негативному образу Соломона, что, само собой разумеется, с историческим Соломоном вряд ли имеет что-нибудь общее.

Наша дилемма расширяется. Исторически верного изображения Соломона по причине безнадежной ограниченности источников, кажется,

найти не удалось, живая биография Соломона, которую можно было бы воспринимать как человеческую правду, тоже для нас закрыта. Но стоит обратить внимание на разношерстный характер источников, странные умолчания, обрывки в тексте и противоречия в библейских преданиях — здесь наш шанс. Все указывает на то, что у библейских рассказчиков был в распоряжении обширный материал, который они брали, перерабатывали и трактовали. Многие из старых сведений были упущены.

Библейские авторы указывают на то, что «прочие события Соломоновы и все, что он делал, и мудрость его описаны в книге дел Соломоновых» (3 Царств 11.41), на «записи Нафана пророка и пророчества Ахии Силомлянина и видения прозорливца Иоиля о Иеровоаме» (2 Паралипоменон 9.29), в которых о Соломоне говорилось больше и по-другому. Эти источники, которые следовало бы отнести непосредственно ко временам Соломона, к сожалению, утрачены. То, что дошло до нас, — более поздние исторические произведения, где перерабатывался старый материал, но многое из того, что больше не отвечало интересам повествующего, упускали. Наша задача — освободить «исторический первый камень», заставить заговорить то, о чем умолчали тексты.

Возможно ли такое вообще? Ответ прояснится, когда мы рассмотрим весь комплекс преданий о Соломоне наиболее тщательно, к чему, собственно, Стремилось не одно поколение исследователей.

В первом комплексе преданий Соломону посвящена история наследования трона Давидова. Она, вероятно, была составлена уже во времена Соломона и излагает трагическую историю дома Давида, историю о насилиях и борьбе за власть (2 Царств 9-20). Соломон появляется лишь в конце этой истории, когда он возведен на трон и закрепляет свою власть необыкновенно жестокими средствами (1 Царств 1-2), оказываясь кровным мстителем и братоубийцей. О положительных делах Соломона в истории наследования трона Давидова не говорится ничего. Напротив, Соломон-убийца подвергается однозначной критике. И хотя царствование в принципе не ставится под сомнение, создается впечатление, будто Соломону, братоубийце и кровному мстителю, хотели показать темную сторону, чтобы образумить его.

Примечательно, что вопрос о Соломоне-убийце всегда обходят. До сегодняшнего дня нет никаких достоверных исследований, которые бы проливали свет на причины его мрачных деяний. Эту задачу мы рассмотрим в первой главе, причем здесь разворачивается психодрама Соломона, которая выставляет его представителем «архаичного сознания». Взрывная сила доказательств состоит в подтверждении того, что даже

библейские авторы уже больше не осознавали архаичности в характере Соломона.

Второй комплекс преданий (1 Царств 3-10), напротив, дает измененного Соломона. Не страшный, а мудрый, богатый и терпимый Соломон завладевает сценой, тот Соломон, кто слагает стихи и притчи, строит храмы, дворцы и города, добивается удивительных результатов в дипломатии и торговле, управлении и экономике. Положительный образ Соломона второго слоя преданий дошел до нас весьма фрагментарно: архивные сведения в форме списков, сообщений о постройках, распорядительные записи пестро перемешиваются с подробными рассказами о мудрости Соломона. Вообще кажется, что сведения взяты из той «книги дел Соломоновых» (1 Царств 11.41), о которой мы уже упоминали.

Основной интерес данной книги — обнажение «исторических камней» положительного, может быть, и идеализированного, образа Соломона второго слоя преданий, чтобы понять, как царь-убийца мог превратиться в антипода из 2-й главы, — приводит к абсолютно необычным результатам, которые еще ни разу не становились темой в полемике о Соломоне.

Но надо иметь в виду еще и третий комплекс преданий. Его можно найти в 11-й главе Книги Царств, где говорится о конце Соломона. Становятся видимыми границы возможностей царя, предлагаются пояснения, как мог произойти распад Соломоновой мирной империи. Появляется противник Иеровоам из Ефрема; пророк Ахия Силомлянин обещает ему царствование над североизраильскими племенами, которые отделились от Иудейского царства. В этом третьем слое преданий Соломон вновь рассматривается весьма критически, но не с позиции иерусалимских придворных кругов, а с точки зрения североизраильской и пророческой оппозиции. Третий комплекс преданий предостерегает нас от поверхностной идеализации Соломона. Во всяком случае, нам недостаточно библейской интерпретации, будто религиозные причины — прежде всего уход Соломона от веры в Господа — несут ответственность за окончательный крах. На самом деле друг другу противостояли различные «идеологии царя», которые привели к распаду Соломоновой великой империи.

В четвертом слое преданий сопоставляются три уже названных комплекса тех авторов, чья рука чувствуется повсюду. Все имеющееся у них они объединили в произведение, которое сегодня представлено в Библии. Эти же авторы перед лицом катастрофы 587 до н. э. переработали имеющийся у них материал.

В науке их называют «дейтерономистическими редакторами», поскольку они ориентировались на буквальное толкование 5-й книги Моисея — Второзакония (дейтерономии). Взяв себе в помощь и положительные и отрицательные данные, имевшиеся у них, они лепили свой образ Соломона. По их версии, Соломон относится к тем царям, которые отошли от чистой веры в Господа. То, что Соломон не вписывается в их точку зрения на катастрофу, очевидно. Разве Соломона не должны были бы наказать еще при жизни за отход от Господа? Во всяком случае, таково было мнение дейтерономистических критиков, но им пришлось все же согласиться против своей воли, что Соломона, несмотря на его царскую жизнь, постиг мирный конец.

У этой книги есть еще одна задача. Она состоит в том, чтобы убрать вуаль, которой дейтерономистические редакторы окутали «исторического» Соломона. Но это значит противоречить в важных местах библейскому преданию, тому, что сегодня предстает перед нами. Но то, что, на первый взгляд, выглядит как разрушение, в действительности позволяет нам восстановить облик «исторического» Соломона.

При этом мы делаем потрясающее открытие: дело жизни Соломона по какой-то до сих пор неясной причине обязано миру. И в отношении чего-либо это не просто показатель, поскольку, к сожалению, вовсе не мир, а война является тем, что испокон веку будит изобретательность и одновременно сковывает ее. Так, древневосточные и античные исторические описания в значительной степени или даже целиком можно было назвать военными репортажами. И библейские исторические описания Ветхого Завета не являются исключением. Мир же, напротив, остается вне страниц исторических книг.

Не является ли мыслительным феноменом человеческого сознания то, что мир остался бледной тенью нераскрытой темы? Даже малые дети играют в войну. Царь Соломон, наоборот, предлагает сделать возможной контр-картину по отношению к подавленной или неразвитой истории мира. Показать это и есть основная задача данной книги.

Однако библейское повествование, которое мы на сегодня имеем, не охватило и не оценило по достоинству живую, мощную силу дела мира Соломона. Хотя и не скрывает, что при Соломоне господствовал мир, однако мир воспринимается только как «отсутствие войны», а не как жизненный принцип, пронизывающий всю деятельность царя, даже те деяния, которые отвергаются библейскими авторами.

В нашей книге речь идет о царе мира, и ему пока что не отводилось должного внимания со стороны официальных исследователей. Но не

следует держать царя Соломона вне общественного интереса. Благосклоннее к нему во все времена относилось «неофициальное» знание, которое идеализировало его в блеске и славе, наивно восхищалось его богатством, прославляло его мудрость, строительство храма превращало в символ исполнения надежд, хотя храм и разрушен до основания. Может быть, в простом понимании содержится больше правды, чем в ученых трудах, где только и подчеркиваются недостатки царя.

Восстановление «исторического» Соломона поможет представить жизнь и дело этого царя таким образом, чтобы проследить шаг за шагом определяющий все его дела путь мира. Мы не поддадимся при этом соблазну идеализировать и переоценивать действия царя, так как он выступал не как миротворец, а как братоубийца и кровный мститель. Но можно ожидать удивительное открытие причин, а также мотивов, которые помогут нам понять, кем же на самом деле был Соломон.

Но мотивы — это одно, а осуществление — другое. Итак, мы войдем в политическую жизнь царя Соломона, чтобы исследовать, какова была его матримониальная, торговая и экономическая политика. Характерно, что в области «поверхностной» реконструкции истории до нас продвинулись довольно далеко. Однако мы считаем, что пока не удалось отыскать следов деятельности Соломона в административной и войсковой реформе, строительстве городов-крепостей и т. д. Изучение мирной позиции Соломона позволяет нам также увидеть в новом свете самое важное его достижение — строительство храма в Иерусалиме. Библейские авторы, по нашему мнению, неадекватно приняли мирный характер строительства храма.

Абсолютно недооценена библейскими авторами религиозная политика Соломона, толерантная позиция которого была осуждена как отход от чистой веры в Господа. Как же в реальности обстояли дела с «религией Соломона»? Это будоражащий сознание вопрос с весьма озадачивающими ответами, которые помогают почувствовать, насколько глубоко дело мира Соломона затрагивает жизненный нерв израильской религии. Наша идея такова: Соломон не в ослеплении старости, а еще во времена строительства храма проявлял к Астарте, богине финикийцев, более чем просто симпатии и в отличие от пророков и истово верующих в Господа мог уступить место в израильской вере богу Ваалу. Его дело мира означало не бездумное отгораживание от опыта, а переосмысление того, что другие пережили как угрозу и справились с ней.

А как обстоят дела с накопленным опытом самого Соломона? Его ощущение жизни опиралось на открытость и широту, выражающиеся в

том, что традиционно принято называть *Соломоновой мудростью*, а в более поздние времена даже *Соломоновым просвещением*. Но в чем, собственно говоря, состояла *Соломонова мудрость*? Наш ответ открывает не известные доньше перспективы, в свете которых и визит таинственной царицы Савской получает новое объяснение.

Действительно ли она приехала, чтобы испытать мудрость Соломона загадками, или же она испытывала его совсем другим способом? Была ли она демонической фигурой, как ее хотела видеть более поздняя иудейская легенда, или основательницей ислама, как внушает Коран? Что влекло ее, чернокожую царицу, в Эфиопию, куда ее препроводили после освобождения Соломоном? Царица Савская открывает нам экзотические широкие перспективы.

Последние годы жизни Соломона кажутся омраченными крахом, так, мы не можем не заметить, что он был «человеком противоречий». Примирился ли Соломон со своим возрастом, может быть, он автор той библейской книги пророков, которая знает о «бренности жизни»? Дать ответ на эти вопросы пытается последняя глава.

Глава 1

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦАРЬ СОЛОМОН!» — УБИЙЦА СОЛОМОН

Соломон был зачат в результате запретной страсти и преступления. Его мать Вирсавия стала нарушительницей супружеской верности. Его отец, нарушивший супружескую верность, убил мужа своей любовницы. На этом мрачном фоне произошло рождение Соломона. Ребенок приходит в мир с самого начала отягощенный наследием судьбы. Неизвестно, когда и где он узнал о преступной связи своих родителей, так как нет никаких сведений о детстве, юности и периоде возмужания Соломона.

Однако есть свидетельства того, что на него возлагались надежды. Его называли Соломон («миролюбивый»), так, будто хотели изгнать мрачную тень пагубных страстей. Придворный пророк Нафан дал ему имя Иедидиа,

«по слову Господа» (2 Царств 12.24). Имена эти — знаки надежды.

Как всякий сын, Соломон должен был особо относиться к тому, что отец и мать отяготили его заветами, влиянием и возможностями. Наследство Соломона было не из легких, так как образы отца-убийцы и матери-прелюбодейки огромным камнем давили на него.

Тот, кто хочет знать о сыне, должен, естественно, знать и об отце с матерью. Итак, мы расскажем историю Давида и Вирсавии, без которых Соломон не стал бы тем, кем он стал. Нужно показать Давида как можно более точно, ведь Соломон был полной противоположностью своему отцу.

Давид, отец Соломона

Давид еще совсем молодым пришел ко двору царя Саула, того самого царя, который после столь блестящего начала впал в тяжелое старческое уныние. Давид пришел играть на гуслях, дабы игрой своей и пением смягчить «злого духа», овладевшего царем. Саулу понравился красивый юноша, тоска покидала его, когда Давид играл и пел. Давид был очень красив, но это не значит, что он обращался лишь к музам. Он стал оруженосцем царя. Свое боевое крещение он получил в сражении с Голиафом, единоборцем врагов-филистимлян. Давид случайно попал в сражение. Он собирался пасти овец своего отца Исаии. Ему еще не доставало возраста, когда начинают носить оружие, в отличие от своих братьев, которые находились на военной службе израильтян.

И вот стоит в долине дуба вызывающий ужас Голиаф, которого легенда наделила трехметровым ростом, облаченный в чешуйчатую броню, медный шлем и медные наколенники; при нем его страшное копье, конец которого отлит из железа. Напротив него Давид, одетый в одежды Саула, с мечом его. Это мешает ему при ходьбе. Итак, он снимает с себя все, берет пять гладких камней из ручья и кладет их в свою пастушескую сумку. С сумкой и пращой в другой руке приближается к Голиафу, который делает ошибку, обычную для всех героев. Он презирает молодого воина, который кажется красивым, но скорее всего изнежен, да еще и смуглый. Но победа достается Давиду, когда камень из его пращи попадает противнику прямо в лоб.

Мы не знаем, что произошло с мертвым Голиафом. Был ли он похоронен в каменном саркофаге, повторяющем форму человеческого тела, которые дошли до нас как свидетельства культуры филистимлян? Мы не знаем, но предполагаем, что филистимляне достигли более развитого

уровня культуры. В то время, как израильтяне своих мертвецов клали в гроб без всяких затей или хоронили в специальных пещерах-гробницах, филистимлян хоронили в «гробах-людях». Как будто они рассчитывали жить после смерти, если камень обретет форму тела и одновременно увековечит их.

Победа Давида приписывается помощи бога Израилева, так, во всяком случае, пожелало библейское предание. Но подтверждается ли исторически сражение Давида и Голиафа? Мы вправе усомниться, поскольку в списке «воинов Давида» умерщвление Голиафа приписывается не Давиду, а некоему Елханану (2 Царств 21.19). Ну что ж, может быть, всем известная история с Голиафом не что иное, как миф о герое во славу Давида.

Это было бы слишком просто. Из легенды так и просится правда: борьба между двумя мирами! Пастух-кочевник выступает против «оседлого» городского воина. Там Голиаф, хорошо вооруженный воин из филистимлянского города Гефа, здесь Давид, вращающий пращу. Физическая сила и военные доспехи городского воина против пастушеской сумки, пращи и хитрости маленького кочевника.

Яхве, бог Израиля, на стороне кочевника — как это было еще в начале истории Израиля, когда Авраам, Исаак и Иаков кочевали по стране, когда люди с Моисеем во главе поднялись и кочевали по Египту и пустыне. И хотя израильтянам была обещана «земля, где текут молоко и мед», все же оседлость — крестьянская и городская — всегда вызывала у израильтян необъяснимую тревогу.

Боязнь «оседлой» цивилизации сопровождает историю Израиля с самого начала и находит свое выражение в непонятой еще и до сегодняшнего дня истории убийства Авеля братом его Каином, после того как Яхве отказался от жертвы Каина, но принял жертву Авеля. Целые поколения исследователей пытались постичь решение Яхве. А все очень просто: «Авель был пастухом, а Каин стал землепашцем», — кратко сообщает Библия (Бытие 4.2). Яхве получал удовольствие от жертвы кочевника Авеля, а жертва оседлого Каина была отвергнута. Более того, Каин пожинал славу родоначальника градостроителей и кузнецов (Бытие 4.17).

Итак, Каинову печать несут на себе уже в древней истории оседлые горожане и кузнецы. То, что вскрывается в братоубийстве Каина и продолжает жить в судьбе строителей и кузнецов-каинитов — противоречие между кочевничеством и оседлыми цивилизациями, — повторяется в битве кочевника Давида и горожанина Голиафа. Информация, которой мы обязаны истории с Голиафом, говорит о многом:

Израиль по сравнению с городами филистимлян выглядел отсталым, был, как бы мы выразились сегодня, «развивающейся страной».

Но вернемся к Давиду. Военная слава послужила основой придворной карьере, которая, правда, скоро оборвалась, поскольку царь Саул опасался Давида как конкурента царской власти. До царя дошли песни, где Давид ставился выше Саула: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!». Эти слова огорчали Саула тем больше, что исходили от женщин, которые пели эти песни, водя хороводы. Давид — гусляр, герой сражений и любимец женщин, по сравнению с ним старший по возрасту и впавший в меланхолию царь действительно выглядел не лучшим образом. Дело дошло даже до покушений на парня, которому улыбалось счастье. Несколько раз Саул метил в Давида копьем, потом послал его в составе «отряда смертников» против филистимлян. И когда это все не помогло, он подготавливает смертельный заговор.

Но у Давида есть друзья. Мелхола, дочь Саула, любит его, приносит ему необходимые сведения и помогает тайно выбраться через окно. Позже она становится его женой. Несколько раз предупреждает Ионафан, сын Саула, их связывает нечто большее, чем просто мужская дружба. Оба заключают союз на всю жизнь, обмениваются одеждой, связывают свои сердца — как осторожно пишется в Библии (1 Царств 18.1). Царь Саул разгневался на Ионафана: «Сын негодный и непокорный! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессеевым на срам себе и на срам матери твоей?» (1 Царств 20.30). Это плохо скрываемый намек на гомоэротические отношения между ними.

Позже Давид скажет в плаче по погибшему Ионафану: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень добр для меня, любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2 Царств 1.26).

Давид тайно покидает царский двор и отправляется в непроходимые пустынные области в западной части Иудейского нагорья. Он прячется на «родине», но не ищет защиты у своего рода в Вифлееме, а собирает вокруг себя всех притесненных и всех должников и всех огорченных душою, и было с ним около 400 человек, и он становится начальником над ними. Давид уводит людей в безопасные для них места, пустыню Ен-Гадди. В их задачу входило защищать окрестности от нападения филистимлян. За это Давид требует от своих земляков дань, например, в пустыне Маон под Хевроном, где он вступает в переговоры с Навалом, из рода Халева, очень богатым человеком. Тот не хочет добровольно давать «то, что найдет рука его», и уже тем более не «убежавшему отсюда слуге». Мечь Давида наверняка настигла бы его, если бы Авигея, красавица жена Навала, не

попросила бы милости и не сделала бы Давиду дорогие подарки, равные дани. Когда Навал узнал об этом, он со страху умер. А Давиду ничего не оставалось, как жениться на Авигее.

Давид завязывает любовные отношения с чужеземными девушками, перевозит своих родителей к моавитянам — по традиции, врагам израильтян. Но преследования Саула становятся слишком опасными, так что ему ничего не остается, как бежать к филистимлянам — смертельным врагам Саула. Он появляется у Анхуса, царя Гефского, откуда был родом Голиаф, как будто вовсе и не было позорной смерти Голиафа и поражения филистимлян. Давид служит у них наемником и не гнушается никакими наводящими ужас актами насилия, на какую бы землю Давид ни нападал, он не оставлял в живых ни мужчин, ни женщин.

Таким образом, Давид не только, говоря современным языком, партизан-террорист, он предатель своего народа, марионетка в руках филистимлян, и все это для того чтобы ослабить царя Саула. В городе Секелаге он становится господином и обязуется служить со своими людьми Анхусу. Успешно сражается против амаликитян, которые угрожают не филистимлянам, а иудеям. Давид, следовательно, ведет двойную игру, даже готов выступить на стороне филистимлян против Саула. Но полностью Давиду все равно не доверяют и перед началом сражения его отправляют прочь. Саул находит свой ужасный конец у подножия североизраильской горы Гелвуйской. Он пронзает себя мечом около городской стены Беф-Сана, а его оружие филистимляне после боя положили в капище Астарты.

Как могло произойти, что, несмотря на бездумное сотрудничество с филистимлянами, Давид после смерти Саула был провозглашен царем? Разве что во время своей службы у филистимлян Давид не порывал отношений с южноизраильскими племенами. Так, рассказывают, что он переправлял им тайно часть добычи; кроме того, его женитьба на Авигее представляется продуманным политическим ходом, посредством которого он хотел выстроить дружеские отношения. Не только кармилитянка Авигея становится его женой, но подготавливается новый брак с Ахиноамой Изреелитянкой. Однако все это вряд ли может покрыть то, что Давид служит врагам Израиля.

Далее, Давида в Хевроне вначале объявляют только царем Иудейским. И только через семь лет его признают царем североизраильтян. Решающую роль сыграли, вероятно, военные достижения. Давид окружил себя сильным наемным войском, которое могло лучше отражать грозящую израильтянам опасность, чем традиционная армия отдельных племен,

когда все «свободные и честные мужчины» призывались на войну лишь временно.

Организация Давидом постоянного наемного войска — первоначально набранного из сомнительных личностей — было революционным новаторством, которое стало необходимым после смерти Саула. Еще весьма слабый во времена Саула союз племен нуждался в обновлении, особенно это касалось войск, чтобы более эффективно отражать притязания высокоорганизованных соседних городов-государств. Итак, все сходило на Давиде: он выучился у филистимлян современному военному делу, собрал вокруг себя наемное войско и проявил себя талантливым военачальником.

Важную роль сыграли войска во время, пожалуй, самой успешной операции Давида — овладения Иерусалимом, тогда еще независимым городом, в котором жили иевусеи. Каким образом Иерусалим перешел в руки Давида, вопрос спорный. Библейское предание опирается на военную хитрость, после того как начальнику войска наемников Иоаву и его воинам удалось войти в город через траншею водоснабжения. Другие исходят из того, что Иоавом было нарушено водоснабжение Иерусалима. Водяной бассейн был найден при раскопках в 1867 г. и назван по имени археолога Уоррена. Он соединял защищенный стеной город иевусеев с источником, который существует поныне и называется «источник Марии», потому что Мария, должно быть, стирала здесь пеленки Иисуса. Однако новые исследования библейских текстов показали, что завоевание Давидом Иерусалима могло быть иным. Слово *sinnor*, переводимое всегда как «резервуар», согласно новым филологическим исследованиям, означает «произнесение клятвы». В соответствии с этим выводом, Давид пришел к овладению городом мирным путем — дав клятву, гарантирующую мир и дружбу.

Как бы то ни было, овладение Иерусалимом наряду с новой организацией войска представляло собой еще одно революционное новаторство. Давид завоевал город, который нельзя было отнести ни к одному из племен израильтян. Он находился как раз на границе между южными иудеями и северными израильтянами. Но прежде всего Иерусалим стал городом не в силу какого бы то ни было решения племен, а за счет деятельной натуры царя и преданных ему людей. Тем самым Иерусалим с самого начала был царским городом, в котором израильские племена с их жизненными устоями не могли развернуться в полной мере. Значение этого нельзя недооценивать. Вместо слабого племенного союза выступало царство, создавшее себе столицу, из которой Северный Израиль

и Южная Иудея управлялись царем.

Из Иерусалима Давид окончательно отвел угрозу филистимлян, идущую от побережных районов. Отсюда он поработил аммонитян и моавитян в восточной Иордании и идумеян, располагавшихся на границе с южными землями. После этого он успешно ходил против Хадад-Эзера, царя Зобы, действовавшего на юго-востоке, и против царя Дамасского. Войны были вероломными, результат однозначный: при Давиде Израиль стал внушающей уважение крупной державой, владеющей самыми обширными землями как никогда больше в истории.

В семье Давиду, напротив, не везло. В повествовании о наследовании трона (2 Царств 11; 1 Царств 2) излагается трагическая семейная ситуация, история о жажде жизни и ослеплении властью. Старший сын Давида, по имени Амнон, обесчестил сводную сестру Фамарь, красавицу, которую прогнал спустя короткое время: «И услышал царь Давид обо всем этом, и сильно разгневался, [но не опечалил духа Амнона, сына своего, ибо любил его, потому что он был первенец его]» (2 Царств 13.21).

Авессалом, второй сын Давида, чувствует себя призванным отомстить за позор сестры. Он убил Амнона и бежал.

Теперь от Давида зависело, распространит ли он закон кровной мести на Авессалома. Но сердцем Давид был привязан к юноше, несмотря на его проступок, до такой степени, что спустя годы они помирились. Странная слабость к своим неудачным сыновьям характеризует Давида. Поэтому он просит предупредить Авессалома, когда тот начинает готовиться к мятежу. Авессалом заводит себе колесницы, набирает 50 скороходов и ведет себя на глазах у Давида как судья Востока. Он показывал себя тем, что стоял по утрам у ворот Иерусалима и искал правды, но при этом говорил о царе, что тот не спешит выслушать тех, кто шел к нему на суд. Он налаживал тайные связи с израильскими племенами, раздувая старую неприязнь к царскому двору: «Так вкрадывался Авессалом в сердце израильтян», — коротко и выразительно (2 Царств 15.6). Давид безучастно наблюдает за этим.

Потом начался открытый мятеж. Давид вынужден покинуть Иерусалим, а Авессалом занимает его место. У всех на виду он идет в гарем Давида и насилует наложниц, чтобы подтвердить право на царскую власть. Известно, что тот человек, который берет себе гарем царя-предшественника, сам становится царем. Однако ситуация меняется, когда Давид использует свой однажды обретенный опыт с наемниками. Но этим он скорее демонстрирует отцовскую слабость к Авессалому, которого хотел бы пощадить, несмотря на ужасное предательство. Иоав не выполняет наказа Давида и убивает Авессалома, когда тот, убегая на муле

и запутавшись своими длинными волосами в ветвях дерева, повисает на нем. Давид, кажется, сражен гибелью сына: «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой, Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!» (2 Царств 18.33).

Никогда царь Давид не оправится от этого удара. Отзвук семейной трагедии омрачает последние годы царя.

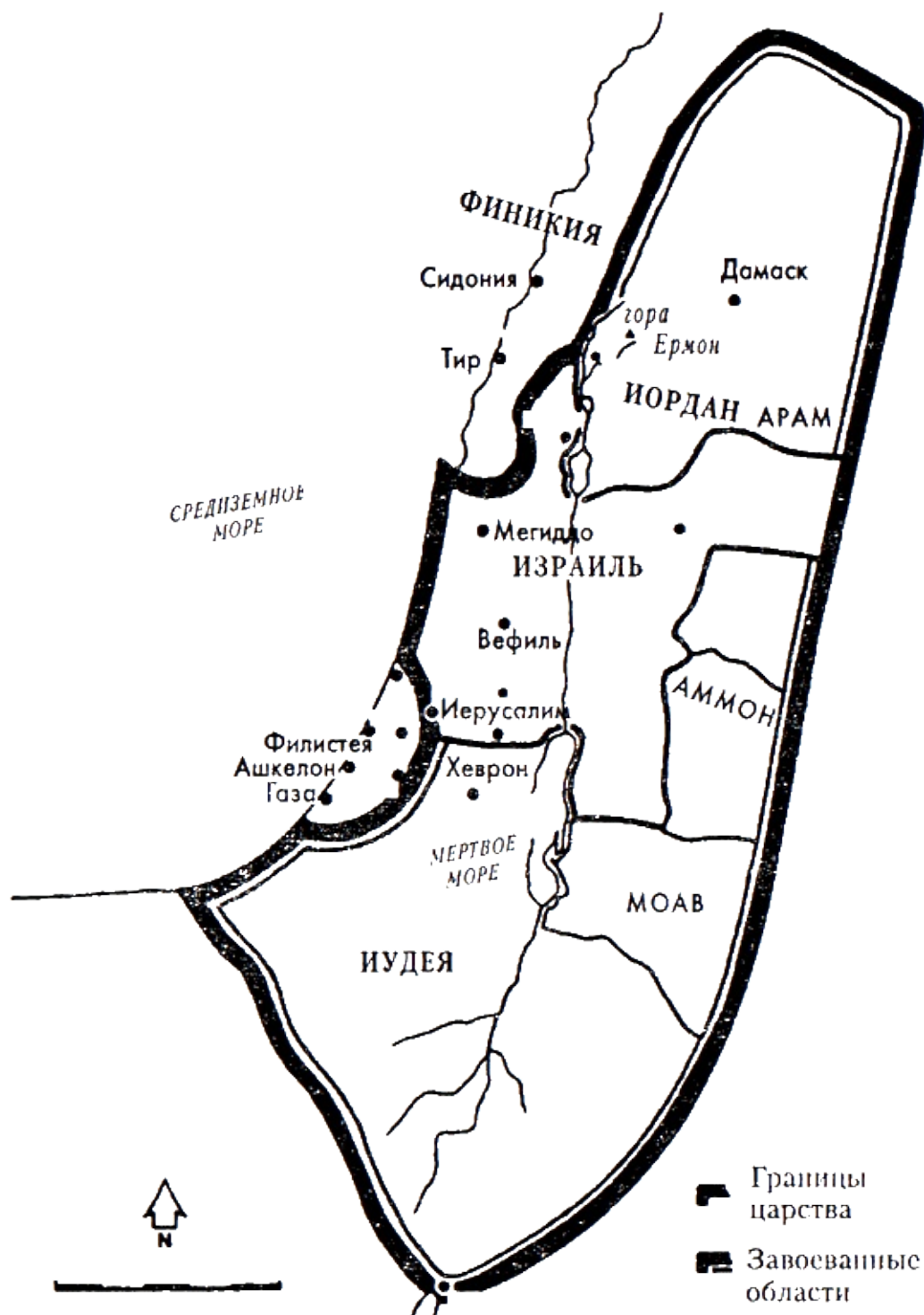

Рис. 1. Царство Давида

Все мало, сколько ни скажи о царе Давиде, деяния которого неоспоримы — объединение израильских племен в единое государство, создание центрального правления и новой организации войск, возвышение Иерусалима до царской столицы. Давид — это личность, объединившая в себе две формы: кочевой образ жизни, так сказать, партизанский, и восточную городскую и царскую культуру, которая появляется в Иерусалиме. Но, кроме этого, фигура неоднозначная, имеющая и сильные и слабые стороны: сильный царь и слабый отец, жестокий воин, который распорядился производить обрезание у врагов, и великодушный победитель, пощадивший царя Саула в пустыне под Ен-Гадди.

Тени над Соломоном

Как появляется на сцене Соломон, какое место он занимает в трагедии семьи, как строятся его отношения с отцом? Ответ, вероятно, разочарует читателя: о Соломоне мы не узнаем почти ничего, он для нас чистый лист. Ничего не сообщается о его кровосмесительных отношениях, как у его брата Амнона, в нем нет мятежно-бунтарского, как у его брата Авессалома, ни каких юношеских геройских поступков, и уж вовсе ничего не говорится о военных делах — не то, что его отец Давид. Мы не знаем, как Соломон выглядел. О Давиде известно, что он был красив, смугл и носил бороду; Авессалом знаменит красивыми длинными волосами, а об Амноне мы знаем, что из-за запретной страсти к сводной сестре он чах изо дня в день. О Соломоне же — ничего подобного!

Соломон не дал впутать себя в трагедию своей семьи. И все же с самого начала существует скрытая связь как раз с той трагедией, что разворачивается вокруг него. Таким образом, мы приходим к Вирсавии, матери Соломона, с которой и началась трагедия царской семьи Давида.

Вирсавия появляется, когда Израиль был втянут в войну с аммонитянами. Царь Давид поручает своему испытанному военачальнику Иоаву идти походом на Равву в Иордании, а сам остается в Иерусалиме. Однажды вечером он прогуливается на кровле царского дома, что было в духе восточных традиций. Тут он видит купающуюся женщину с красивой фигурой. Он посылает разведать и узнает, что это Вирсавия, жена Урии, который служит в войске Давида. Это не мешает Давиду пригласить Вирсавию в царский дом: «И она пришла к нему, и он спал с нею» (2 Царств 11.4).

Вирсавия забеременела, последствия дурного поступка Давида приняли угрожающий характер. Урию приглашают в царский дом, заваливают подарками и отправляют к жене. Давид, надо думать, хотел скрыть свое участие в беременности Вирсавии. Однако Урия не спит с женой, а остается с солдатами, верный древневосточному обычаю воздерживаться от близости с женщиной во время военного похода. Из-за этого над прелюбодеем Давидом сгущаются все более темные тучи: Урия, иностранец, чтит своим воздержанием военное выступление, военачальник же высшего ранга давно распрощался со старой израильской традицией.

План Давида навязать Урии вызванную им беременность не удастся. Нужен новый план. Давид пишет письмо военачальнику Иоаву, в котором он приказывает отправить Урию на небеса.

Урия воюет под городом Раввой, погибает в результате преступного заговора, и это выдается за судьбу воина. Когда Вирсавия слышит о смерти мужа, то она устраивает плач по погибшему. Потом Давид делает ее женой.

Последние события не представляют ничего само собой разумеющегося и нуждаются в пояснении. Ведь и факт нарушения супружеской верности и связанное с ним преступление Давида невозможно скрыть. Придворный пророк Нафан, который в знаменитом предсказании обещал дому Давидову «вечное царствие», выступает уже как пророк беды, бичует злодеяния Давида и объявляет о наказании. Оно страшно. Ни Давид, ни Вирсавия не несут наказания, зато сын, рожденный от этой преступной связи, вскоре умирает: «И порази́л Господь дитя».

Конечно, Давид пытается отвести беду; он постится, спит на земле, но когда узнает, что ребенок умер, то встает, оmyвается, натирается маслами: «пошел к Вирсавии и утешил ее, и зачала она». Спустя девять месяцев Вирсавия разрешилась Соломоном.

Кто хочет понять, что произошло, должен отдавать себе отчет в чудовищной логике событий, которым Соломон обязан своим рождением, — «лабиринту непостижимостей». Вместо Давида и Вирсавии смертоносное проклятие получает невинный первенец. Где же справедливость? Все четко, просматриваются архаичные причины: вина и наказание, злое деяние и его последствия не выстраиваются в «справедливую зависимость», так как наказание настигает не виновников, а невинное существо, которое находится вне порочной связи. Пораженный богом ребенок — это жертва, которая, как все жертвы в архаичных культурах, должна быть невинной, чтобы взять на себя вину и наказание виновных. Жертва, человеческая жертва — мрачное предупреждение, что и в Израиле вполне может произойти событие, которое, казалось, не

возобновится, по крайней мере после того как Исаак, сын Авраама, был спасен (Бытие 22).

Умерший ребенок позволяет предположить еще одну архаичную связь, до наших дней не установленную: древневосточную традицию ритуала царя-двойника. Ассирийские, вавилонские и хеттские документы свидетельствуют о странном обычае: если, например, царю угрожала смерть по причине лунного или солнечного затмения, на трон усаживали царя-двойника — обычно это был человек из народа. Он должен принять на себя ужасную кару, которая предназначалась для царя. Когда наступало затмение, двойник умирал насильственной смертью, а «истинный» правитель оставался живым и невредимым.

Упомянутый ритуал подмены царя дошел до нас из описания ассирийского царя Ашурхаддона (680–669 до н. э.). Однако ритуал подмены царя упоминался уже в XIX веке до н. э. в вавилонских источниках. В качестве царя-двойника был посажен на трон придворный садовник, который, однако, смог удержаться у власти и после смерти настоящего царя. В других случаях взять на себя злую судьбу царя обязывали сумасшедшего, пленника или высланного из страны преступника. Иногда вместо человека использовалось изображение, которое сжигалось, или приносилось в жертву какое-нибудь животное, подобно козлу отпущения из Библии — нагруженному неотпущенными грехами всего народа (а не только царя), изгоняемому в пустыню для избавления от проклятия.

Но давайте вернемся к истории умершего сына Давида и спросим себя, не стоит ли за ним подмена жертвы. Тогда надо было бы рассматривать царского сына-первенца как подмену царя, который отвел бы проклятие от настоящего царя (Давида) и взял бы его на себя. И действительно, существуют некоторые примечательные параллели: когда новорожденного сразила болезнь, Давид покидает трон и укладывается на землю. Тем самым он символически отказывается от царствования. Нечто похожее описывается в одном хеттском ритуале подмены царя: «Царь полностью обнажается и падает ниц».

Когда сын умирает, Давид оmyвает себя, натирается маслами и надевает другие одежды. В хеттском ритуале говорится: «Он совершает омовение и надевает праздничные одежды».

И библейское и хеттское предания отмечают в ритуале подмены царя сходжение с трона, омовение и смену одежд. Однако библейский автор не понял глубинного смысла этого действия. У него слуги царя видят вначале молящегося и постящегося Давида, а после смерти ребенка — полностью

изменившегося, который не без цинизма произносит: «Разве я могу возвратить его?» (2 Царств 12.23).

Теперь свет проливается и на удивительное продолжение истории, которая ведет к рождению Соломона. Библейское предание опять объясняет это психологически: Давид хотел утешить Вирсавию. Однако странно, что тем самым оправдывается связь, основанная на супружеской неверности и убийстве.

Все становится понятным, если мы воспримем смерть сына-первенца как «человеческую жертву», подмену царя, ведь только этим можно снять грех и искупить вину. Необычное поведение Давида объясняет не духовное признание: «А жизнь продолжается», а древний ритуал подмены царя.

Сообщается о рождении Соломона, но потом он исчезает из истории, чтобы снова появиться, когда борьба за трон подойдет к концу. Впечатление, при этом возникающее, удручает: никоим образом не освещено детство Соломона, история его архаична и полностью поглощена фигурами матери-прелюбодейки, отца-убийцы и брата-покойника.

Магия имен

Неотвратимость рока, сотканного из прелюбодеяния, убийства и смерти брата, нанизывается на рождение Соломона. Можно ли изменить ход судьбы? Об этом думали те, кто стоял у его колыбели. На это указывает единственное сообщение, связанное с рождением Соломона: значение имени. Примечательно, что сына Давида нарекли двумя именами: Давид назвал его Соломон («миролюбивый»), а придворный пророк Нафан называл его Иедидиа («по слову Господа»).

надежде на любовь Господа. Так рождение сына становится знаком, который, кажется, устраняет вину и снимает наказание.

Двойное имя, однако, имеет и еще один смысл. Оно в духе древневосточной традиции. Есть целый ряд примеров, когда восточному царю при вступлении на трон давалось одно или несколько тронных имен. Например, в Египте, начиная с эпохи Среднего царства, фараону давалось «Великое имя». Это делали жрецы, которые обнародовали имя, провозглашая повелителя.

«Великое имя» фараона Гарамгеба (1340–1314 до н. э.), например, состоит из пяти частей. Перечень открывает Гор, намекая на воплощение бога-сокола Гора, и еще более усиливая его определением «золотой». Второе имя величает его как «любимца обеих повелительниц», таким образом фараон связан с богинями Нижнего и Верхнего Египта. Потом он, понятно, провозглашается «царем Верхнего и Нижнего Египта». «Сын Рэ (Ра)», это имя он получает как династическое. Иногда давались четыре «великих имени», как, например, фараону Сесострису I (1971–1930 до н. э.): на его изображении слева сверху имя Гора, под ним «Царь Верхнего и Нижнего Египта» сопровождается словами «Власть бога Рэ осуществляется», справа сверху «имена двух повелительниц», под ними имя, получаемое при рождении.

Что же означает наречение Соломона двумя именами? Очевидно, имеется в виду преждевременное провозглашение Соломона царем. И хотя об этом открыто не говорится, такое можно предположить. Кстати, Давид носил пятичленное тройное титулование: «Давид (1), сын Иессеев (2), муж, поставленный высоко (3), помазанник Бога Иаковлева (4), сладкий певец Израилев (5)» (2 Царств 23.1).

Последующим царям при возведении на престол давалось по одному имени: Елиаким становится царем Иоакимом (4 Царств 23.34), а Матфания — Седекией (4 Царств 24.17). А потом только Мессия, тот самый, ожидаемый с нетерпением, желанный образ отчаявшихся и униженных израильтян, получает от пророка Исаии (около 735 до н. э.) — точь-в-точь как при титуловании египетских царей — четыре имени: «Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Исаия 9.6).

Одно из титулованных имен, «Князь мира», должно нас особенно заинтересовать, так как однозначно возвращает к Соломону, ибо мы чувствуем, что в имени кроется какая-то сила. То же происходит и с Соломоном. Имя — не пустой набор звуков. Конечно, магическая сила

имени давно нами забыта. В культуре, где все и вся делаются предметом бесконечных пересудов, вряд ли кто вспомнит об истинной власти слова. Непонятным нам стал поэтому завет, запрещающий злоупотреблять «именем Господа». А иначе как объяснить то, что не следует произносить имени Господа всуе, болтая о том, о сем?

Имена сына Давида демонстрируют «магическое» понимание слова. Но этим значение имен не ограничивается. Речь шла об абсолютно конкретных надеждах, которые в них вкладывались. В собственном имени «Иедидиа» звучит традиционное имя Бога — Яхве, посредством чего устанавливается связь с традиционной верой в бога израильских племен. В царском имени «Соломон» просматривается не только слово *Schalom* (мир), но и название города — «Иерусалим».

Итак, имя «Соломон» опирается на иевуссейско-ханаанейскую традицию, которая вначале даже противоречила израильским преданиям. Двойное имя «Иедидиа Соломон» исполняет обязанности знака надежды в том смысле, что должно слиться то, что разделено, соединиться то, что принадлежит друг другу, — хананейские и израильские колена.

Биографически имена не говорят ни о чем, они сообщают только о значении, которое придавалось сыну Давида. Здесь появляется еще одна трудность: как правило, второе имя дается при вступлении царя на престол. А в предании о Соломоне говорится о двойном имени уже в рамках истории рождения. Поэтому некоторые исследователи связывают двойное имя не с рождением Соломона, а с последующим восхождением на престол, где в одном месте, вскользь, упоминается о «великом имени» Соломона: «И слуги царя приходили поздравить господина нашего царя Давида, говоря: Бог твой да прославит имя Соломона более твоего имени и да возвеличит престол его более твоего престола» (3 Царств 1.47). Но почему у библейских авторов наречение Соломона двойным именем происходит при рождении Соломона, а не восхождении на престол? Наш ответ исходит из уже неоднократно сделанного наблюдения, что о рождении Соломона не дошло никаких преданий, за исключением наречения двойным именем. И напротив, сколь помпезно изображены подобные события в истории египетских фараонов!

«сверхъестественное» зачатие царского дитяти были исключены, осталось только безобидное наречение, которое отделилось от тройной церемонии и стало приписываться истории рождения. Египетское «рождение бога» против Соломонова «рождения слова». В такой несколько обостренной форме можно резюмировать библейскую концепцию имени «Соломон». В двойном имени сына Давида сохраняется только сила слов. Правда, они весят много: они скрывают, повторим еще раз, прелюбодеяние матери и убийство отца, они хотят также увековечить политические деяния царя — объединение израильских племен в Иерусалимское царство; они указывают далеко в будущее, где (см. у пророка Исаии) мессианское «царство мира» нашло воплощение в имени Соломона, «князе мира».

Перед нами же встает вопрос, насколько Соломон вырос в понимании сложности своего предназначения? Оправдал ли он надежды, заложенные в его имени, или все пошло впустую?

Бесцветный Соломон

Прежде всего нет указаний на то, что Соломон окажется на высоте своего имени. Относительно трагической истории семьи создается впечатление его позиции наблюдателя. В спор Амнона и Авессалома он не вмешивался. Принимал ли он вообще чью-нибудь сторону, остается невыясненным.

Соломон всплывает из библейского молчания лишь когда остро встает вопрос о наследовании трона. Его отец на пороге смерти — дряхлый, несостоятельный, с окоченевшими членами. Прекрасная молодая женщина Ависага Сунамитянка обязана по обычаям того времени согреть его. В это время разгорается страстная борьба за право стать преемником. Адония, старший из оставшихся в живых сыновей Давида, желает стать царем. Как и его умерший брат Авессалом, разъезжает он на колеснице по Иерусалиму; как и Авессалом, окружает он себя 50 слугами. Давид велит предостеречь его, как это было в свое время с Авессаломом — еще одно доказательство, насколько мягким отцом он был.

Давид не вмешивается также и когда Адония окружает себя пышной свитой: командующим ополчением Иоавом и священником Авиафаром, высшим религиозным авторитетом. Это дает почву для раздумий, так как оба представляют традиции древнеизраильского племенного устройства: Иоав, который вел войны Давида в традиции племенных войн, и Авиафар, хранитель ковчега.

Такое впечатление, что Адония возглавил сторону, которая желала, чтобы древнееврейская традиция учитывалась больше, чем это допускала политика царя Давида, ориентированная на Иерусалим. Адония смог также привлечь на свою сторону братьев и внушительное число последователей из числа граждан Иерусалима.

В один прекрасный день сторонники встречаются у Змеиного камня близ источника, который сегодня известен как «Колодец Иова». Он находится в долине Кедрона, примерно в 300 метрах юго-восточнее города Давидова, за городскими стенами. Там готовится праздничная трапеза: зарежут овец, волов и тельцов — царский пир, каким мы уже его знаем из древнеизраильской истории.

Маловероятно, что известные авторитеты и приближенные объявили Адонию царем. Однако как раз это утверждают представители другой стороны, которая любым способом хочет помешать Адонии стать царем.

Речь идет о самых высших представителях иерусалимской придворной партии — пророке Нафане, главнокомандующем армиями Ванее, предводителе телохранителей Давида, и священнике Садоке, который представлял революционные традиции хананейских иевуссеев в Иерусалиме. В вопросах царской власти речь идет не столько о личностях, сколько о различных политических и религиозных концепциях, которые противостояли друг другу.

В то время как царское пиршество за городом шло полным ходом, став таким образом свершившимся фактом, придворный пророк Нафан советует матери Соломона Вирсавии вмешаться. Та кланяется Давиду и напоминает дряхлому мужу о данном им ранее обещании сделать царем их общего сына. Давид собирается с силами для принятия решения и назначает Соломона своим преемником.

Спешно зовут рабов и отправляются к источнику Гион, в начале южной части города, не так далеко от центра, как Змеиный камень. Соломона сажают на мула, священник берет рог с маслом и совершает помазание Соломона на царство, раздаются звуки труб и сторонники из народа кричат: «Да здравствует царь Соломон!». Шум царского провозглашения достигает Змеиного камня, там Адония вынужден признать себя побежденным. Его преждевременная попытка возвыситься потерпела крах.

Во время всей этой борьбы Соломон представляется удивительно бесцветным. Будто бы он и не получил ничего от предприятия Адонии. Нет никакой инициативы. Он даже не садится сам на мула, и его сторонникам приходится его усаживать. Активность проявляют другие: придворный

пророк Нафан, священник Садок, главнокомандующий Ваня, телохранители Давида и частично население, которое принимает Соломона, поддерживая криками ликования. Даже дряхлый Давид более активен, но прежде всего — уже далеко не молодая мать Вирсавия.

Соломон не кажется активным борцом за корону, как Адония, и уж абсолютно не похож на своего когда-то молодого отца, который шел к царскому сану не задумываясь и не оглядываясь. Нет, Соломона подталкивают к престолу и сажают на него другие. Налицо, таким образом, слабое восхождение, не предвещающее ничего хорошего.

Однако историю о восхождении Соломона на престол можно рассказать иначе. В то время как все вовлечены в интриги друг с другом и друг против друга, Соломон, кажется, на удивление не затронут всем этим — ни сдерживаемым честолюбием, ни страстным желанием властвовать. В отсутствие мира Соломон выглядит мирным, что делает ему честь. Его мнимые бесцветность, пассивность и отстраненность стали бы тогда признаком «идеального» царствования, которому не дадут снизойти в человеческую повседневность.

Возведение Соломона на престол описывается в идеальном смысле. Соломон осуществляет престолонаследование не самолично, как Адония, а провозглашается царем по желанию отца. Подчеркивается законность наследования в противовес самовластной борьбе за царство. В то время, как Адония на колеснице, в сопровождении телохранителей, требует общественного внимания, Соломон довольствуется мулом.

Законность господства основывается на харизме Соломона, что отличает его от других властвовавших в Иерусалиме личностей. Это не Моисей, который вывел из Египта под религиозным знаменем Яхве группу израильских племен, получивший свод законов на горе Синай, когда обратился к Богу с просьбой помочь его народу, испытывавшему лишения кочевой жизни. Он не похож на так называемых Великих Судей, которые показали себя в войнах и закрепили за своими племенами земли Израиля. Он не Саул и не Давид, они стали царями благодаря военным успехам.

У Соломона не было каких-то особых выдающихся качеств, которые сказались на его правлении. Одна-единственная заслуга — сын Давида. Таким образом восхождение на престол Соломона означает поворот в истории Израиля, который можно назвать революционным. Место харизматического лидера занимает традиционная узаконенная форма власти.

Предание подтверждает такой характер Соломонова правления. В то время как Саул и Давид были тайно помазаны пророком Самуилом до

возведения на престол, помазание Соломона было совершено священником Садоком *после* возведения. Религиозная легитимация проходила в спешке уже после всего. И само помазание было уже не то, каким оно было раньше.

А как обстоит дело с ролью народа? Народ не выступает здесь на передний план. С Давидом и Саулом все происходило по-другому. Возведение на трон Саула описывается трижды. Сказочное повествование рассказывает, что Саул в поисках потерявшихся ослиц, принадлежавших отцу, попал в неизвестно какой город, где был тайно помазан на престол Самуилом — пророком и священником (1 Царств 9). Согласно другому преданию, Саул был избран народом в Мицпе посредством жребия. Третье предание гласит, что Саул был назван царем после победы над аммонитянами в Галгале (1 Царств 9). Народ при этом играл важную, даже решающую роль.

Итак, Саул был харизматическим «народным» царем, равно как и Давид, отец Соломона. Его возведение на престол происходило в два этапа: он был провозглашен царем в Хевроне сначала южнопалестинскими иудеями, а потом североизраильскими племенами, оба раза посредством определенного ритуала, где племена занимали важное место. Совсем по-другому у Соломона: народ мог подтвердить его восхождение лишь потом, как свершившийся факт. И здесь не было согласия, так как часть населения ликуя приветствовала противника Адонию. Одним словом, полномочия Соломона явно хромали.

Возведение Соломона на престол можно описать еще как осуществление чисто «человеческого проекта». Все события вокруг Соломонова восхождения происходят на редкость поспешно, являясь скорее окончанием интриги, чем торжественной церемонией. Это бросается в глаза, если мы обратимся к иудейской тронной церемонии, которая очень поэтично описывается во втором псалме. Царя препровождают в святилище и бог Яхве возводит его на престол традиционным: «Ты мой сын, сегодня я тебя зачал».

К царской церемонии относится также передача диадемы верховным священником, так происходит во времена возведения на трон царя Иосии (840–801 до н. э.), через добрых сто лет после возведения Соломона. Царю также был вручен «указ», своего рода «царский документ», в котором перечислялись все царские «великие имена». И то и другое, передача диадемы и «царского документа», идут от египетской традиции и в Египте проводились очень помпезно. Бог Амон коронует фараона Аменофиса III (1417–1377 до н. э.). Ибисоголовый бог письменности Тот вырезает в

колонне «царский документ»: «Говорит Тот, владеющий божественным словом: я наделил твое великое имя и свидетельство ему силой и мощью, дабы все чужие земли от тебя в страхе пребывали, и ничего вокруг не укрылось от твоего взора...».

О вручении диадемы или «царского документа» Соломону не может быть и речи; нет даже обязательной коронации, которая, например, в Египте, была кульминационным пунктом в назначении царя. Так, коронация Хатшепсут (1501–1489 до н. э.) образует главный мотив на ее стеле в Карнакском храме: царица стоит на коленях перед богом Амоном, который возлагает на нее голубую корону.

Рис. 4

Бог письменности Тот запечатлевает «царский документ»

Храм в Карнаке, XV в. до н. э.

В сравнении с ними возведение на престол Соломона не кажется ни торжественным, ни церемониальным. Очевидно, все элементы «египтизации» намеренно удалили от Соломона. Его коронация лишена всякой помпезности. Только одно указывает на влияние Египта — церемония очищения в источнике Гион. Предание о Соломоне не дает нам

прямого указания на ритуал очищения, но он играл важную роль во время возведения фараонов на трон. Так, например, на рельефе большого храма в Карнаке изображено очищение живой водой фараона Сета I (1317–1301 до н. э.), при этом бог Гор говорит: «Я очистил тебя жизнью и силой, чтобы твое правление длилось столько, сколько правит Рэ (бог солнца)».

Производилось ли подобное очищение у источника Гион, мы не знаем. Одно место в псалме, правда, дает некоторое указание: «Из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу» (Псалом 109.7).

Лишенное торжественности возведение Соломона на престол представляется в сравнении с ранними египетскими и более поздними иудейскими ритуалами чем-то из ряда вон выходящим, знаком того, что царствование Соломона было «человеческим проявлением». Это усиливает впечатление, что с полномочиями Соломона дело обстояло не лучшим образом. И поэтому перед нами возникает вопрос, следовало ли оставить все как есть или Соломону удалось бы усилить свои позиции?

Соломон — кровный мститель

Тот, кто ратует за бескорыстие Соломона при его восхождении на трон, будет очень удивлен, если проанализирует меры Соломона, которыми тот сохранял свою власть. Тогда уж ничего не останется от образа «мягкого» Соломона, изображаемого всего лишь сыном, точнее, «маменькиным сынком». Бесцветный Соломон превращается за одну ночь, таково впечатление, в брызжущего энергией. Сведения об этом имеются в 3-й Книге Царств (2-я глава) и представляют нам темную сторону жестокого, можно сказать, злого Соломона, что вообще не согласуется с более поздней идеализацией мудрого и мирного правителя.

Так, Соломон после возведения на престол приказывает Ване убить Иоава, сторонника Адонии. Иоав скорее всего знал, что ему предстоит. Ведь он в конце концов бежит в скинию Господню и хватается за рога жертвенника. Обычно это означало просьбу о пощаде, так как жертвенник считался с давних пор убежищем. Однако ни для Соломона, ни для Ваней это, кажется, не имеет никакого значения. Соломон подтверждает свое решение, и Ванея не задумываясь убивает.

Убийство Иоава бросает зловещую тень на характер Соломона. Сначала этот поступок напоминает о присущей Востоку жестокости, которая беспощадно используется под знаком сохранения власти. Было достаточно, что Иоав потерпел поражение на стороне Адонии.

Следовательно, он должен был умереть, хотя нигде не сообщается о том, что после восхождения Соломона на престол он был замечен в каких-либо попытках свергнуть правителя.

Библейское предание дает возможность познакомиться с еще одной жестокостью Соломона и пытается его оправдать. Он — вот попытка снять вину — только выполнял последнюю волю своего отца (3 Царств 2.5). Иоав запятнал себя убийством, когда коварно убил своих соперников Авенира и Амессая. Убийство коснулось семьи Давида, ведь Авенир встал под защиту Давида, а Амессай был сыном сводной сестры Давида.

Действительно ли обоснованна попытка снять вину с Соломона? В конце концов Соломон мог бы привлечь Иоаву к ответу. Тот факт, что этого не делается, связан, возможно, с тем, что Иоав, с точки зрения того времени, тоже имел свои причины убить Авенира и Амессая. Авенир убил брата Иоаву по имени Асаил (2 Царств 2.23). А отец Амессая сблизился с матерью Иоаву, но не женился на ней (2 Царств 17.25). Одним словом, кровавые дела Иоаву подпадали под закон о кровной мести. Давид же, напротив, кажется, поправил его, когда пощадил Иоаву. Соломон считает это позором, поскольку он более жесток, чем его отец.

Убийства, совершенные Иоавом, как и убийство Иоаву Соломоном, должны были произойти по закону кровной мести, всепожирающего начала, о значении которого мы и сегодня вряд ли имеем правильное представление. Кровная месть в архаичных культурах имела ужасающие последствия. Они были направлены не против отдельного обидчика, а всей его родни, иногда целого рода. Об индивидуальной ответственности еще не могло быть и речи, независимый в отношении рода карательный орган, такой как, например, «государственное право на наказание» не был создан. Кровная месть влекла за собой, ввергала втянутую в нее семью в нескончаемую обязанность совершать насилие и уничтожать. Не помогло даже, когда Авенир отчаянно возвал: «Вечно ли будет пожирать меч?» (2 Царств 2.26). Кстати, разрушающие последствия кровной мести были известны очень давно. Прежде всего следует упомянуть левитов, пожалуй, самую загадочную общность в Израиле, которая, будучи рассеянной среди всех израильских племен, всегда появлялась там, где происходила кровная месть. Моисей призвал их, когда начались пляски вокруг идола — «золотого тельца». Верные слуги Господни, они убивали всех сынов Израильских, если те осквернили единобожие почитанием идола (Исход 23.25). Нашелся левит, который призывал к племенной войне против города Гивы Вениаминовой вследствие надругательства над его женой, мало того, он послал во все пределы Израилевы разрезанные члены своей

жены (Судей 19.29).

Несмотря на то, что левиты сами решительно провозгласили око за око, зуб за зуб, среди них нашлись и такие, кто был обеспокоен масштабами развернувшейся кровной мести. Свидетельство тому 48 левитских городов, из которых, по различным подсчетам, от 3 до 6 (Второзак. 4.41; 19.2) считались городами-прибежищами для людей, подпадавших под кровное мщение. Но в них не могли находить пристанища злодеи, а только те, кто убивали человека без намерения.

Если мы посмотрим на местоположение городов левитов и городов-прибежищ, то быстро поймем, что они были исключительно вблизи границ того царства, которое создал Давид. Итак, уже при царе Давиде, должно быть, предпринимались значительные усилия, чтобы смягчить опустошительные последствия кровной мести. В каком бы блеске предстал молодой Соломон, если бы выслал убийцу Иоава в один из городов-прибежищ, обустроенных его отцом.

Возможно, Иоав был не только убийцей, но и злодеем, который убивал свои жертвы намеренно, даже исподтишка. И это затрудняло его перевод в прибежище для убийц. Но для Соломона был возможен еще один выход: пощадить Иоава по праву царя и царской милости. Стоило только посмотреть на свою собственную семью. Разве Авессалом не заслужил кровной мести, после того как убил собственного брата Амнона? Но Давид воздерживается от использования ее в отношении Авессалома. Прервать гибельный ход кровного мщения было уже во времена Давида правом царя и использовалось в его собственной семье с целью примирения. Соломон тоже мог бы выбрать царское помилование вместо кровного мщения. То, что он этого не сделал, представляется клеймом на характере молодого Соломона. Находясь в тисках закона о кровной мести, Соломон совершил еще одно кровавое деяние — убийство Семея. И этот грех библейское предание хочет отпустить ему, так как наказание Семея, а не убийство, как и наказание Иоава, причисляется к полномочиям Давида, согласно завещанию. Семей, из рода Саула, не смог вынести, как Давид обошелся с последними саулидами. Когда Давид бежал во время восстания Авессалома, Семей усмотрел возможность выразить свою ненависть к нему. Он подошел к бродившему по иорданской местности Давиду, бросая в него камнями и злословя его: «Уходи, уходи, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился... и вот, ты в беде, ибо ты — кровопийца...» (2 Царств 16.7, 8).

Мы не будем доискиваться, имело ли проклятие Семеем Давида справедливое основание. Более существенным нам кажется то, что

делается вид, будто наказать Семея Соломону велит завещание. И опять не понятно, почему Давид сам не осуществил мести, а позволил Семею ускользнуть от нее. Может быть, Давид считал, что проклятия Семея справедливы. Верил же он, что сам Господь уполномочил его (2 Царств 16.11). Итак, он не дает своим слугам наказать Семея. Но могла ли месть перейти, согласно завещанию, к Соломону, если сам Давид о мести и не думал? С психологической точки зрения, неувязка.

Соломон велит убить Семея не сразу после своего восхождения на престол. Вначале он посадил его в Иерусалиме под домашний арест, обещая убить, если тот покинет город. Через два года он узнает, что Семей ушел из Иерусалима, чтобы вернуть двух солдат, бежавших из города Гефы. Это и оправдывает смертный приговор. Семея убивает Ванея по возвращении приговоренного в Иерусалим.

Все это в высшей степени недостоверно, поскольку Семей никогда бы не вернулся в Иерусалим, если бы ему грозили арест и смерть. Нет, Соломон велел убить Семея, самолично вынеся ему приговор.

Соломона должны оправдать как якобы имеющееся отцовское завещание, так и нарушение Семеем условий ссылки. Не Соломон должен нести ответственность, а Давид и Семей, который оказался не в состоянии выполнить царское распоряжение. Чем же тогда на самом деле объяснить смерть Семея? Вполне возможно, Соломон побаивался обрести в лице Семея опасного противника, который был в состоянии возглавить оппозицию.

Соломон — братоубийца

Убийство Иоава и Семея остаются убийствами, хотя библейское предание и пытается их оправдать. Однако даже Библии не удается отпустить самое страшное злодеяние Соломона: убийство брата и противника Адонии. Мрачную картину кровной мести дополняет грязное убийство брата. И здесь уместно было бы, на первый взгляд, снова вспомнить о восточной жестокости. Но углубленное исследование приводит нас к другой оценке.

После обескураживающего восхождения Соломона Адония бежал к жертвеннику, и Соломон его пощадил: «Если он будет человеком честным, то ни один волос его не упадет на землю; если же найдется в нем лукавство, то умрет» (3 Царств 2.52).

Адония вел себя спокойно и был отпущен домой, может быть, даже

под домашний арест.

Брат Соломона, кажется, действительно старается быть незаметным до тех пор, пока однажды не посещает Вирсавию. Доверчивую мать Соломона он уверяет в преданности ее сыну, однако просит поддержать его в женитьбе на Ависаге Сунамитянке, последней наложнице Давида. Вирсавия откликается на просьбу и сообщает о желании Адонии Соломону. Она предстает перед своим сыном и царем, а Соломон велит принести для матери царя престол, знак высокого уважения, которым пользуется Вирсавия. Однако когда она передает желание Адонии жениться на Ависаге Сунамитянке, Соломон не только не соглашается, но даже приказывает убить Адонию. Обоснование: «А зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адонии? Проси ему *также* и царства; ибо он мой старший брат» (3 Царств 2.22).

Соломон чувствует за желанием Адонии жениться заговор, который мы обозначим как «Овладение гаремом», поскольку Ависага была из гарема Давида. Адония претендовал на царствование, овладев гаремом, после того как женится на Ависаге — так примерно рассуждал Соломон. Адония еще не отказался от притязаний на престол и с помощью тончайшей стратегии с женитьбой предпримет еще одну попытку подступиться к его царству, — думал он.

Соломон действует мгновенно и безжалостно. Он посылает Ванею, известного уже нам палача, убить брата, и приговор моментально приводится в исполнение. Соломон становится решительным, даже по отношению к собственному брату, когда речь идет о сохранении власти. Убийство Адонии представляет собой следующую главу в истории борьбы за наследование тронов, которыми столь богат древний Восток.

Бесспорно, убийство брата Соломоном было жестоким поступком. Однако можно ли его объяснить только борьбой за власть? Такая трактовка не может убедить, ведь она не поясняет, почему Вирсавия, которая до тех пор так осмотрительно и определенно представляла интересы Соломона, поддержала сторону Адонии. Поведение Вирсавии дает нам первое доказательство того, что за желанием Адонии жениться не обязательно стоял политический заговор.

О чем же тогда шла речь? Когда Соломон безжалостно отклоняет просьбу о женитьбе Адонии, он отвергает прежде всего желание и волю своей матери. Таким образом поведение Соломона представляет собой твердый шаг по пути «обрезания» материнского влияния. Это усиливается тем, что Вирсавия выступает как личность, осознающая свою силу. Для нее приносят личный престол, поскольку она именуется «гебира», т. е.

«верховная властительница», которой отводится официальное место в государстве. Статус гебиры уважался не только в Иерусалиме, но и хеттами, сирийцами, пожалуй, и в Ассирии. Часто создается впечатление, что гебира замещает малолетнего сына. Но и после его престолонаследия она сохраняла значительное влияние на царя. Место, которое занимает гебира, настолько значительно, что как закон почти всегда при вступлении на престол иудейских царей называется имя их матерей.

Мы точно знаем, когда Вирсавия выступила в роли гебиры, однако все указывает на то, что выдвижение Соломона в наследники трона привело к упрочению ее положения. Таким образом, Вирсавия является для Соломона не только матерью, но и гебирой. Могущественная мать желает оказывать влияние на сына, который до сих пор был абсолютно от нее зависим. Однако Вирсавия допустила ошибку. Соломон оказался сильнее, чем могла представить себе его мать.

Убийство Адонии помогает Соломону выйти из-под влияния матери. Конечно, он освобождается от влияния своей властной матери с помощью бесчеловечного поступка, однако как раз жестокий характер «обрезания» соответствует психологии того времени, а нынешнему восприятию вряд ли удастся его постичь. Осознание собственной значимости, «идентификация», как бы выразились сегодня, происходит у Соломона на архаичный манер через разрушение. Убийство брата тащит за собой «убийство» материнской воли. Потому и становится понятной эта ужасная связь. Архаичная колыбель самосознания и отождествления должна была поддаться воздействию жестокими делами, далекими от какой бы то ни было идиллии и чувствительности. Охраняюще-защищающая власть матери разбивается о жестокость сына, борющегося за самостоятельность.

Убийство Соломоном Адонии проясняет еще одно архаичное положение. Адония не просто брат Соломона, он наследный брат. Ему, Адонии, как старшему сыну полагается унаследовать престол. Так он оправдывает свои притязания. Правда, в Израиле, строго говоря, никогда не было возведения на престол по отцовской линии в определенной последовательности, в том числе и в будущем. Однако убийство Адонии означает больше, чем просто утверждение притязаний на власть: оно указывает на процесс дальнейшего отделения от «близости к отцу», которую Адония хотел использовать для себя против Соломона.

С Адонией умирает не только ближайший к отцу сын, но и сын, похожий на отца, которого Давид любил выше всякой разумной меры. Как и Авессалом, Адония собрал вокруг себя силы, обязанные союзу древнеизраильских племен. Как и Авессалом, он представляется

энергичным, самоуверенным и решительным. Итак, Адония, как и Авессалом, были схожи с отцом в воинственности в противоположность Соломону, который во время своего вступления на трон выглядел таким бесцветным и незначительным.

Как в этой связи можно квалифицировать убийство Адонии Соломоном? Ответ прост: посредством убийства Соломон древним жестоким способом освобождает себя от привязанного к отцу брата и одним махом сражает не только воинственно настроенного брата, но и воинственного отца.

Соломоново братоубийство откровенным образом означает двойной «процесс обрезания» — от своей матери, воле которой он сопротивляется, и от отца, убивая самого близкого к отцу и самого похожего на него сына. Однако даже эти оба параметра убийства еще не полностью проясняют архаичный фон Соломонова поступка. Обращает на себя внимание то, что в архаичных культурах братоубийства случались очень часто. Мифы ли, история — примеры встречаются нам самые разные.

Из греческой мифологии мы знаем Атрея и Фиеста, из греческой истории — Этеоклеса и Полинейкеса, из римской истории — Ромула и Рема. Из Библии нам известны Каин и Авель. Признаком войны братьев является братоубийство, «архаичные» масштабы которого еще не достаточно освещены. При этом бросается в глаза, что братоубийцы не осуждаются, например, с точки зрения морали, ни в мифах, ни в истории, а вызывают противоречивое уважение. Братоубийца Каин стал родоначальником градостроителей, ремесленников и художников. Братоубийца Ромул становится основателем Рима. Братоубийце отводится культуруотверждающая роль.

Уже эти несколько примеров демонстрируют одновременно безнравственное отношение к братоубийству, и мы призваны подвергнуть более глубокому объяснению этот странный взгляд древних на преступление. Тут нам поможет повод к убийству Адонии, его желание проникнуть в бывший Давидов гарем при помощи женитьбы. Адония этим своим желанием попадает в удивительную близость тем трагичным феноменам, которые с давних времен ложились бременем на дом Давида.

Во всех этих феноменах речь идет о кровосмешении внутри семьи. Так, уже Амнон вероломно поступил со своей сводной сестрой и Авессалом демонстративно овладел гаремом своего отца. У Адонии было желание связать себя с Ависагой Сунамитянской. Обращает на себя внимание, как в семье Давида, близко-родственные, каждый с каждым, беспрепятственно прокладывают себе дорогу: Амнон со своей сводной

сестрой, Авессалом с уже более старшими женами отца, Адония с юной и последней наложницей отца. Семья Давида напоминает перегретый садок для высиживания, в котором отдельные члены семьи не могут развить своей собственной индивидуальности и пробиться к своей собственной личности.

В архаичных культурах всегда боролись с кровосмешением, будь то запрещение инцеста, который еще и сегодня считается самым сильным социальным табу, либо регулирование браков, чтобы в браке не соединить несоединимое. Только не допустив смешения можно обеспечить гармоничное развитие отдельной личности.

«Смешение внутри семьи» архаичные культуры не воспринимали снисходительно. Это отчетливо прослеживается в странном обычае архаичной истории — убийстве близнецов. Близнецы воспринимались как знамение рока, как «одинаковые», они вызывали ужас. Так, в античности дело дошло до убийства близнецов, о чем свидетельствуют многие источники. Убийство близнецов — это крайняя форма «семейной тождественности», требующая наказания.

Другой формой тождественности являются братья. Брат — это хотя и другой, но «то же самое в семье» воспринималось как нечто ограничивающее, от чего надо было освободиться тому, кто хочет найти самого себя. Этими обстоятельствами объясняются удивительно частые случаи братоубийства и борьбы братьев — признак архаичной формы освобождения из удушающей хватки семейных уз.

Убийство Адонии Соломоном носит все признаки насильственного процесса освобождения: Соломон освобождается, во-первых, от влияния матери, отклоняя ее «смесительное» предложение — соединить Адонию и Ависагу Сунамитянку; во-вторых, от влияния отца, велев убить самого близкого к отцу и самого похожего на него сына; в-третьих, убив брата, он устраняет «смешение внутри семьи», которое могло произойти вследствие завоевания гарема. Этот страшный процесс освобождения, вряд ли доступный современному сознанию, не поняли составители библейского предания, так как глубинные архаичные пласты становления Соломона в политической борьбе за верховную власть ими даны поверхностно. И только если раскрыть библейские недомолвки, можно попытаться понять истинную самость Соломона.

Вызывает беспокойство связь Соломона с архаичным миром, в котором поиски себя и самостановление соприкасаются с насильственными формами. Выберется ли он из этого мира? Сможет ли преодолеть неизбежность кровной мести и войти в светлое будущее?

Окажется ли достойным своего «великого имени», уповающего на надежду и олицетворяющего мир и любовь?

Глава 2

«ЧТОБЫ РАЗЛИЧАТЬ, ЧТО ДОБРО И ЧТО ЗЛО» — СОЛОМОН, МУДРЫЙ СУДЬЯ

Пока что, встречаясь с Соломоном, мы оказывались перед удивительно противоречивой личностью: с одной стороны, бесцветное создание, которое, кажется, безучастно дает посадить себя на трон, а с другой — грозное чудовище, которое в духе архаичной традиции узаконит кровную месть и братоубийство. Это захватывающий феномен древнеизраильской истории, что такая противоречивая фигура превращается в тот блестящий образ просвещенного царя, поразительным образом олицетворяющего мир и терпимость, мудрость и открытость миру.

Превращение никак не объясняется в библейском предании, просто

пересказывается. Как понять переход с точки зрения психологии, этого библейские источники не дают. Чтобы подойти поближе к разгадке удивительного превращения из отсталого, бесчеловечного мстителя и братоубийцы в царя мира, необходимо наиболее полно осветить те предания, которые рассказывают о мудром царе Соломоне.

Жертвоприношение в Гаваоне

Рассказ о мудром Соломоне начинается с жертвоприношения в Гаваоне, одном из самых значительных Божиих скиний собрания (batah) в Израиле, расположенном в 12 км севернее Иерусалима, примерно там, где сегодня находится арабская деревня Эль-Джиб. Само собой разумеется, что археологам было очень важно найти это святилище на высоте; к сожалению, до сих пор результатов нет. Но это и неудивительно, так как устроено оно было, вероятно, очень скромно.

Однако раскопки в других местах дают некоторые результаты. Скинии собрания на высоте делались из скальной породы, которая иногда обрабатывалась. Они считались священными символами богов. Такие скинии находят, например, в хананейских городах Гезер и Хацор и датируют примерно 1500–1200 до н. э. Несомненно, к святилищам кроме скиний принадлежали еще и жертвенники, которые предназначались для праздников, проводимых на открытом воздухе.

Весьма вероятно, что израильские святилища, которых очень много, походили друг на друга. Любой крупный город в Израиле имел такое святилище. Они сохранялись довольно долго, их обслуживали священники и левиты. Еще пророк Осия выступал против культа на высотах, но разрушение мест культа приписывается израильскому царю Иисусу Навину (639–609 до н. э.). Он сделал это, чтобы свести весь культовый обряд в Иерусалимский храм.

Из библейского предания не понятно, почему Соломон посетил именно Гаваон. Это связано с тем, что дейтеронимистические редакторы считали сообщения о жертвоприношении в Гаваоне фактом не очень приятным и, не вдаваясь в подробности, попросту перескочили через них. Для них единственно допустимым местом для жертвоприношения был Иерусалим. Жертвы на «Больших высотах» — как раз именно в Гаваоне — были, с их точки зрения, большим прегрешением. Сколь-нибудь приемлемое уточнение дает библейская 2-я книга Паралипоменон (1.4): на высоте, в Гаваоне, была Божия скиния собрания, которую устроил Моисей

в пустыне. Но, к сожалению, об этом сообщал летописец, который, как уже говорилось, освещал события спустя 700 лет после правления Соломона.

Чтобы понять церемонию жертвоприношения в Гаваоне, нам придется нарушить молчание источников. Гаваон был хананейским городом, который сдался царю Иосии без боя. Это привело к союзу жителей города и израильских племен. С тех пор гаваонитяне жили в мире с Израилем, но как подданные должны были платить дань — деревянными мотыгами и черпаками. Зачем Израилю черпаки?

Ответ дают раскопки под руководством Джеймса В. Причарда. Уже на первом этапе раскопок в 1956 году были обнаружены монументальные оросительные системы, для которых строителями было вынуто 3 тысячи тонн известняка. Был найден знаменитый Гаваонский пруд, где когда-то стояли с одной и другой стороны Иоав, уже известный нам главнокомандующий Давида, и Авенир, командующий Саула. После смерти Саула они активно добивались власти. Вначале это была игра, в которой каждая сторона выставила против другой по 12 человек. Когда все были убиты, между обеими сторонами началась война. Иоав со своими наемниками победил североизраильского Авенира (2 Царств 2.12).

Таким образом, Гаваон связан у Соломона с двумя воспоминаниями: с одной стороны, это место, где заключили дружественный союз между израильтянами и хананеями, а с другой — театр военных действий между сторонниками Давида и приверженцами Саула. Кроме того, при царе Сауле был нарушен заключенный когда-то мирный союз между Иосией и гаваонитянами. «Саул хотел истребить их по ревности своей о потомках Израиля и Иуды» — кратко и выразительно (2 Царств 21.2).

Это, в свою очередь, не давало покоя царю Давиду. Чтобы восстановить дружеские отношения с гаваонитянами, он отважился на поступок. Им были выданы семь человек — двое сыновей и пятеро внуков Саула: «и они повесили их [на солнце] на горе пред Господом. И погибли все семь вместе; они умерщвлены в первые дни жатвы, в начале жатвы ячменя» (2 Царств 21.9).

Если Соломон посещал Гаваон, то это, пожалуй, с двумя намерениями: с одной стороны, это укрепление мирного союза с хананеями, а с другой — желание окончательно сломить стремление к мщению. Отсюда и торжественная церемония, когда жертва приносилась исключительно сожжением как покаяние в грехе, умиротворение человеческих кровных жертв, которые можно оплакивать, и не в последнюю очередь как укрепление мира с хананейскими коренными жителями, которые мечтали избавиться от злоупотреблений израильтян и

их нового царя.

В этой связи нужно серьезно отнестись к сообщению, до сих пор воспринимавшемуся как не слишком важное. Те семь членов рода Саула, которых Давид выдал гаваонитянам, были повешены «на горе пред Господом», сообщает библейское предание. Как раз в то место, где произошло убийство потомков Саула, кажется, и прибыл Соломон. Соломонова жертвенная церемония в Гаваоне превратила место преступления в место примирения. Вместо силы, уничтожающей людей, выступила добрая, которая ограничивалась принесением в жертву животных. Речь идет о тысячах сожженных жертв — невероятное количество надо было заклать, чтобы положить конец силе, пожирающей людей.

Праздник жертвоприношения в Гаваоне дает нам возможность понять глубокий смысл жертвоприношения вообще. Страшная предыстория Гаваона возвращает нас еще раз к нарастающему с обеих сторон насилию. Только принесение жертвы могло остановить его. Место, залитое человеческой кровью, заняло животное, пожертвование которого взрывало круговорот насилия. Кровавые дела людей перекладывались на животное, которое должно было умереть, истекая кровью. Животное расплачивалось за насильственную суть человеческих отношений. Служба, которую сослужила кровь животных, была неизмерима. Она защищала от насилия, которое люди причиняли друг другу.

Кровавые жертвоприношения ужасают нас сегодня; любители животных с отвращением отвернутся. Но мы имеем дело с архаичным миром, в котором действовали иные законы, чем в сегодняшнем мире. Тогда проблема решалась таким образом, что человеческий грех перекладывался на нечеловеческое существо. Насилие, совершаемое над животными, не потрясало «архаичного сознания».

Возникает вопрос, были ли жертвы в Гаваоне последним словом Соломона в отношении насилия? Иными словами: остановился ли Соломон на кровавом жертвоприношении животных, чтобы уничтожить разрушительное человеческое насилие? В данный момент мы можем только задать вопрос, а поистине ошеломляющий ответ получим в главе об Иерусалимском храме.

Гаваонское предсказание

Обнаруженная нами связь между кровавым грехом и покаянием

жертвы на Гаваонской высоте в библейском предании прямо не высказывается. Библейские авторы быстро уходят от неприятного им описания праздника жертвоприношения, так как в центре внимания находилось нечто иное: предсказание во сне, благодаря которому Соломон получил право вершить суд над людьми. Так как нам в восстановлении событий знать это предание необходимо, приведем текст полностью:

«В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью и сказал Бог: проси, что дать тебе. И сказал Соломон: Ты сделал рабу твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил перед Тобою в истине и правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне; и ныне, Господи Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа; и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть; даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, — вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе; и то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои; и если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои. И пробудился Соломон, и вот, это было сновидение. И пошел он в Иерусалим и стал [пред жертвенником] пред ковчегом завета Господня, и принес всесожжения и совершил жертвы мирные и сделал большой пир для всех слуг своих» (3 Царств 3.5).

Этот рассказ принадлежит к самым впечатляющим сообщениям о предсказаниях в Библии. Однако имеются интересные отличия. Бог сообщает не о великом историческом свершении, которое можно сравнить с предсказанием Аврааму об обладании властью или предсказанием Моисею о выводе евреев из Египта.

Явление Бога Соломону не связано со сверхъестественными явлениями природы, перед ним не загорается, как перед Моисеем, терновник, Бог не является в сопровождении грозы и землетрясения, как на горе Синай. Бог является Соломону без шума, во сне. Таким образом,

божественное предсказание относится к внутренним, целиком и полностью личным переживаниям.

Повествование о предсказании существенно отличается от других аналогичных древнеизраильских историй, тем более если мы проанализируем состояние Соломона. Хотя это и было во сне, у него нет и следа того святого благоговения, которое отличает других отмеченных предсказаниями. Моисей, как известно, снял сандалии, когда приблизился к горящему терновнику, а люди Моисея едва отважились подойти к священной горе Синай.

Соломон же остается во сне удивительно уверенным. Он не теряет себя, как это позже происходит с пророками, например с Исаией, который заявит о своей нечистоте, или с Иеремией, который пугается своей молодости, или с Иезекиилем, который немеет.

Гаваонское предсказание во сне не несет никаких насильственных черт. Оно не обрушивается на Соломона, он им не раздавлен и не выхвачен из завоеванных позиций. Хотя Соломон говорит о себе: «раб», он осознает свою юношескую неопытность и чувствует величие своей задачи. Он также знает и то, что представляет династию Давида.

Уверенность в себе Давида вряд ли может быть объяснена древнеизраильскими предпосылками. Полученное однажды от Бога предсказание можно понять лишь если отойдем от израильского окружения и обратимся к египетской культуре. Там мы найдем удивительные параллели к гаваонскому предсказанию во сне.

Со времен эпохи Среднего царства, т. е. с 2000 до н. э., нам известны египетские тексты, которые называются «царские книги». В них царь сообщает своим придворным о решениях и намерениях. Часто в них говорится о предсказании, полученном царем в сновидениях, где сообщается о воле Бога. Иногда в египетских «царских книгах» подробно говорится об избрании царя, делах его молодости. Предсказание включает праздник жертвоприношения.

Чрезвычайно интересный пример находится в «царских книгах» на так называемой стеле сфинкса. Тутмос IV (1422–1413 до н. э.) обычно охотился около Мемфиса и лег отдохнуть в тени большого сфинкса в Гизах. Неожиданно им овладевает сон. Во сне божество, живущее в сфинксе, сообщает ему о будущем царствовании. Тутмос спешит в свою царскую резиденцию, чтобы сделать большое жертвоприношение.

Оба рассказа о божественных предсказаниях удивительно похожи. Мотивы предсказания господства царя и торжественное жертвоприношение в царской резиденции находим и в повествовании о

Соломоне. Параллели простираются еще дальше. В так называемой Кожаной рукописи упоминается о раннем детстве фараона Сесостриса I (1971–1930 до н. э.): «Я овладел еще птенцом и был велик уже в яйце, я жил юношей; [Бог] Рэ сделал меня господином обеих частей страны еще ребенком... он назначил меня жить во дворце еще до того, как я покинул чрево матери».

Соломой также намекает на свою молодость, но говорит не о величии, а о неопытности.

Еще более убедительны параллели, которые связаны с обещаниями Богу. Соломону обещаны богатство, слава и долгая жизнь, хотя он об этом и не просит. О том же свидетельствуют и «царские книги», где царя «одаривают жизнью». И финикийцы очень красиво описывают подобные обещания, например в надписях в Каратепе:

«И благословил [бог] Б'л Кринтрис [царя] Азита-вадду на жизнь и благополучие и могущественную силу над любым царем, кроме того, он, Б'л Кринтрис, и все боги-покровители города дают Азитавадде долготу дней и полноту лет и хорошее правление и могущественную силу над всеми царями».

Параллели настолько впечатляющи, что мы можем сказать, что гаваонское предсказание построено в духе египетских «царских книг». Предсказание во сне служит для утверждения Соломонова правления через божественное посвящение. В этом была горькая необходимость. Ведь, как мы помним, Соломоново восхождение на престол было делом рук человеческих, даже более — результатом дворцовой борьбы за личность, так мало проявившей себя. Только гаваонское предсказание окутывает Соломона аурой высокого доверия.

Появляются мучительные сомнения, не есть ли эта история одной лишь литературной фикцией, сочиненной кем-то, кто хотел идеализировать царствование Соломона. Это сомнение очень сильно, поскольку наталкивает на израильский вариант египетских «царских книг».

Чтобы внести ясность, мы должны выделить те черты, которыми они отличаются от египетских записей. Соломон просит Бога о «слышащем сердце», чтобы он мог направить свой народ и понять, что есть добро и зло. Понятие «слышащее сердце» хотя и не всплывает в египетских «книгах», известно из египетских сочинений о мудрецах. Так, в учении о мудрости Птахоте-па (2400 до н. э.) сказано: «Это сердце превращает человека в слушающего или в того, кто не слышит».

Рис. 5.

Египетское учение об ушах

Слышащее сердце было даже изображено в удивительном «учении об ушах», которое часто встречается на египетских рельефах. Никто из фараонов Египта не понимал своего царствования как должность светского судьи. Напротив, египетский царь видит себя «сыном Бога». Он отвечает перед богиней Маат за естественный миропорядок (правду как этическую норму. — *прим. ред.*), который поддерживает космическую гармонию и им, фараоном, осуществляется и гарантируется. Сет I (1317–1301 до н. э.) представляет, например, Маат в виде сидящей женщины, в волосах которой перо — таково изображение на рельефе в храме «Долины царей». О столь высоком полете Соломон не думает. Он ограничивает свою просьбу человеческими правом и законом.

Еще одна параллель возникает в пространстве Древнего Вавилона. Это царь Хаммурапи (1728–1686 до н. э.), имевший отношение к человеческому праву. В одном из писем ему напоминают: «Мардук, любящий тебя, создал тебя именно для того, чтобы ты способствовал победе справедливости».

Хаммурапи повелел даже изобразить себя на знаменитой колонне, которая находится в Лувре. Бог Шамаш поручает ему «создать в стране законодательство, препятствовать злу и уничтожать его и все плохое,

охранять силу слабых, чтобы я, Шамаш, смог являться черноголовым [людям], страну просветить, [итак] создать людям хорошее состояние».

Но различие быстро становится очевидным: у Хаммурапи поручение от Бога. Соломон же просит. Инициатива исходит не от Бога, а от царя. Право, выпрошенное у божественных сфер, становится «человеческим правом».

Но вернемся еще раз к египетским «царским книгам». Они никогда не упоминают о просьбе царя вершить правосудие. Египетские властители просят о господстве, долгой жизни и богатстве, они являются полководцами и олицетворением силы. Соломон же ограничивается просьбой о мудрости в вершении суда. Очевидно, это должно означать: Соломон старается сделать более человеческим свое правление, идее власти он противопоставляет идею права. Концепция древневосточной царской идеологии смягчается и ограничивается мудростью судьи. Таким образом, Соломон становится предтечей той идеи о правовом государстве, которая относится к великим достижениям истории человечества.

Возникает вопрос, когда мы говорим о первом государстве, опирающемся на суд: не имеется ли в виду историческая закономерность? Или это следствие идеализированных взглядов Соломона, поскольку в египетских «книгах» такая мысль не проводится? Несмотря на наличие дара «вершить суд», разобравшись в зависимостях более тщательно, летописец понимает под словом «судить» не человеческое судебное разбирательство, а «божественную справедливость».

Недалека от ответа 2-я книга Паралипоменон. Там, в частности, гаваонское предсказание описывается несколько иначе. Соломон вначале просит о «мудрости правителя», и Бог ему это обещает. Поэтому логично, с точки зрения летописца, ни единым словом не упомянуть «Соломоново решение», которое стало притчей во языцех и которым мы будем еще основательно заниматься.

В книге Паралипоменон Соломон изначально представляется не как царь-судья, а как мудрый правитель. Отсюда следует сделать вывод, что Соломоново вершение суда позднее оценивается весьма сдержанно. Это подтверждается теми местами во Второзаконии, где у царя отбирается право на судебный приговор, согласно Скрижалям Моисея: «Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судами и судом, между побоями и побоями, *и будут* несогласные мнения в воротах твоих, то встань и пойдь на место, которое изберет Господь, Бог твой, [чтобы призываемо было там имя Его,] и приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и

они скажут тебе, как рассудить» (Второзак. 17.8, 9).

В другом месте достаточно выразительно говорится, что «судьи и надзиратели» в отдельных племенах выбирались народом (Второзак. 16.18). Таким образом, царь не занимался судопроизводством. Мы знаем, что после Соломона должность судьи у царей постепенно отбиралась. Становится непонятно, каким образом в те времена, когда с большим предубеждением относились к царскому суду, была придумана легенда, где царь прямо-таки символизирует правосудие. Судейская мудрость — это историческая черта, которая характеризует царство Соломона, а не миф, посредством которого идеализируется образ царя.

И еще одну, для нас решающую мысль следует подчеркнуть. В египетских «книгах» царь просит о победе и «триумфе» над врагом. Материала, подтверждающего это, много. Так, в одной песни, предположительно связываемой с Рамзесом II (1292–1225 до н. э.), говорится о фараоне, при котором, вероятно, людей Моисея поработили в Египте: «Он завоевал земли своими победами, он в мыслях соединил обе земли. У его ног лежат девять побежденных народов, все народы приносят ему свои дары».

Победа над народами — лейтмотив египетской царской идеологии — наглядно представлен на табличке Нармера, одном из самых существенных художественных свидетельств Древнего царства (2850 до н. э.). А девять поработенных народов связано с магическим числом 9. Иногда показывают девять врагов, уложенных связанными под троном царя, как на изображении победоносного Тутмоса IV (1422–1413 до н. э.). Иногда враги представлены символически в виде девяти стрел у ног фараона. Особенно выразительно одно место из гимна Рамзесу III (1197–1165 до н. э.), в котором бог Амон обещает победу над врагами: «Главы всех чужих земель собраны в твоём кулаке, я сам простираю руки и объединяю их для тебя. Я нанизываю на веревку плена нубийских пещерных жителей десятками тысяч и тысячами, а северные народы сотнями тысяч».

Рис. 6

Связанные враги Тутмоса IV (1422–1413 до н. э.)

Сцена «триумфа над врагами» была также изображена в Храме мертвых Мединст-Абу: фараон невероятно огромный, как будто он сам победил врагов, скорее сверхчеловек, чем простой смертный. Напротив него стоит верховный бог Амон с серповидным мечом. Под его простертой рукой и его и фараона ногами вписаны имена 249 народов и городов, которые следует поработить.

Фараон с поднятой рукой или мечом проходит красной нитью в египетском изображении царей, что использовалось также в хананейском пространстве, например, на круглых печатях, найденных при раскопках.

«Победа над врагами» нашла отображение и в месопотамском изобразительном искусстве. Но властелин здесь не огромных размеров и не возвышается над своими соратниками как показано на знаменитой стеле победы аккадского царя Наран-Сина (ок. 2230 до н. э.), хранящейся в настоящее время в Лувре.

Рис. 7. Хананейские круглые печати. XII в. до н. э

Предсказание Соломону во сне не содержит ни единого упоминания о древневосточном образе врага. Соломон не просит победы над врагами, а Бог не обещает ему поражения врагов. Соломон предстает как мирный царь, из образа правления которого изгнана сама идея врага. Ему не нужно создавать себе врага, как египетским царям.

Соломон стоит особняком в израильской истории царей. Ведь цари до и после него внедряли в жизнь египетскую царскую идеологию: ведение войн находилось в центре понимания ими своей задачи. Это мы можем утверждать сколько угодно, потому что уже в упомянутом псалме (2.6) показана «иудейская царская церемония», во время которой на царя возлагается ведение военных действий самим Господом: «Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею;... проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника».

Этим «воинственным» псалмом первоначально открывалась Псалтирь, что служило признаком его чрезвычайного значения. К сожалению, мы не знаем точно, с какого времени проводилась «воинственная» царская церемония. Но можем исходить из того, что она проходила в Иерусалимском храме или в царском дворце при вступлении на престол царей после Соломона. Церемония проводилась при стечении народа, священник или посвященный пророк говорил устами Господа, обещая победу над врагами в древневосточно-египетской манере: «Царь сокрушает народы как сосуд горшечника».

В египетском царском ритуале действительно разбивались глиняные горшки, так как на них были начертаны имена народов-врагов. Остатки

развеивались па все четыре стороны. Иногда фигурку из глины снабжали надписью, а потом ее давили. «Опальные тексты», известные со второго тысячелетия до нашей эры, составляют сегодня один из важнейших источников древневосточной истории. И в пространстве Месопотамии также была известна подобная церемония уничтожения. Так гласит Саргон (ок. 2340 до н. э.), что он «страны все разбил как сосуды горшечника и в четырех направлениях взял бразды в свои руки».

Соломоново царствование стоит не просто в величайшем противоречии с древневосточным уничтожением врага, но также и с более поздней иудейской «царской церемонией», в которой осуществляется разбивание горшка (врага) по египетской традиции. Но в Гаваоне все было по-другому: Соломону предоставляется возможность обратиться к Богу с просьбой. Однако он просит не о победе и «триумфе над народами», а о мудрости вершить суд.

Теперь мы видим, что идея мира, которая освещает царствование Соломона, принадлежит к «исторической первопричине» предания о Соломоне, потому что невозможно себе представить, что в последующие времена, когда ведущей стала иудейская, читай, воинствующая, «царская церемония», была бы выдумана история «мирной царской церемонии».

Соломоново царство мира

Гаваонское предсказание во сне представляет Соломона как мирного царя — факт, противоречащий всему, что известно нам об израильских царях. Могло бы перевернуть наше представление перечисление всех войн, которые велись израильскими царями, были ли они захватническими, оборонительными и совместными. Неприятие вызывает то, что в 600 местах Ветхого Завета впечатляюще говорится о том, что народы, цари или отдельные люди нападали на других, подавляли или убивали. И удивляет то, что подобное положение дел редко привлекает внимание исследователей. Еще удивительнее тот факт, что к мирному царству Соломона тоже почти не проявляется интереса.

Тут надо бы сделать пояснение, поскольку мы до сих пор не воспринимали Соломона как мирный образ. Вспомним его войны за трон, творимую им кровную месть, убийство брата. Как же объяснить превращение Соломона из кровавого мстителя и братоубийцы в мирного царя?

Обычно все объясняется сложившейся временной ситуацией. В связи с

этим Соломон был бы типичным представителем второго поколения. Впереди выступает его отец Давид, благодаря войнам создавший великую империю, которую сын просто удерживает. Соломон был бы в таком случае всего лишь слабым сыном могущественного отца, потомок-эпигон.

Можно было бы вспомнить о том, что Израиль во времена Соломона находился в мирном окружении, а потому не существовало никаких поводов к войне. Мир при Соломоне означал не что иное как «отсутствие войны». И действительно, для тогдашних великих держав в восточном регионе наступили не лучшие времена. Египет страдал от внутренней смуты; великие царства Месопотамии погибли. В Палестине возник политический вакуум власти, что и было использовано Давидом для построения израильского Великого царства. Следовательно, Соломон был бы второразрядным хранителем великого наследства.

Однако при ближайшем рассмотрении ситуация Израиля не выглядит так идиллически. В последних записях относительно царя Соломона — в одиннадцатой главе 3-й Книги Царств — говорится о противниках Соломона. Так, на южной оконечности израильской империи образуется идумейское царство. Правда, идумеяне при Соломоне были разбиты; представитель царского рода Адер бежал в Египет и утвердился как царь в ожидании. Когда он узнал о смерти Давида и убийстве опального полководца Иоава, то возвратился в Идумею и «был он противником Израиля и сделался царем Сирии» (3 Царств 11.25).

Вторым противником Соломона был сириец Разон, царь Дамаска. В его лице у Израиля появился противник на северной оконечности, который, как покажет дальнейшая история Израиля, мог превратиться в крайне опасного. Оба царя — Адер в Южной Идумее, Разон в Северной Сирии — вели себя отнюдь не тихо.

Библейское предание рассказывает об «ущербах», наносимых обоими царями.

Поэтому не может быть и речи о том, что Соломон мог спокойно пребывать «в мире». Тем удивительнее при наличии угрозы Израилю мирная воля Соломона, и тем настоятельнее мы чувствуем себя обязанными объяснить Соломоново мирное царствование.

Итак, мы считаем, что идея мира идет от творческого развития древнеизраильских традиций, особенно двух из них: с одной стороны, он опирается на мирные процессы овладения землями израильских племен, а с другой — Соломон действует в традиции Священной войны, которую развивает «пацифистским» способом, что вначале может показаться странным. Чтобы понять эти связи, мы должны вернуться назад, в

предысторию Соломонова царства — овладение землями израильтян. Овладение их землями представляется в библейском предании преимущественно как воинственное явление. Одного взгляда в книгу Иисуса Навина достаточно, чтобы увидеть насильственное отторжение (Иисус Навин 1-12). Создается впечатление, что израильские племена завоевали всю Палестину под руководством Иисуса с грандиозным военным напряжением сил. Знаменитая битва за Иерихон положила начало, затем последовало завоевание города Гая. Хананейская коалиция царей Хевронского, Лахисского и Еглонекого была разбита при Гаваоне; потом был асорский царь в галилейском севере. «Таким образом взял Иисус всю землю» (Иисус Навин 11.23).

Корректен ли такой воинственный взгляд на завоевание земель? Сомнение уместно. Так, ученый Альбрехт Альт смог в своей ставшей известной работе показать, что овладение землями проходило абсолютно мирно. Он указывал на перечень «вражеских владений», который помещен в первой главе Книги Судей. Согласно ей, израильские племена сплошь и рядом оседали на равнинах Палестины, где находились сильные хананейские города, которые или еще не были или были очень мало заселены.

Определенно подчеркивается, что племена Иуды, откуда, по-видимому, вышел Давид, не удалось изгнать жителей равнины. Вениамитянам не посчастливилось с захватом Иерусалима, это сделал лишь Давид. Племена Манассии не удалось овладеть городом Мегиддо, а Ефрему взять город Асор. Первый этап овладения землями, весьма вероятно, прошел мирно. Израильские племена ограничивались при овладении землями населенными или слабо населенными — преимущественно в горных районах, которые были расположены вне хананейской системы городов-государств. А кто рисковал поселиться на плодородной равнине, как, например, племя Иссахар, тот должен был платить хананеям оброк (Бытие 49.14).

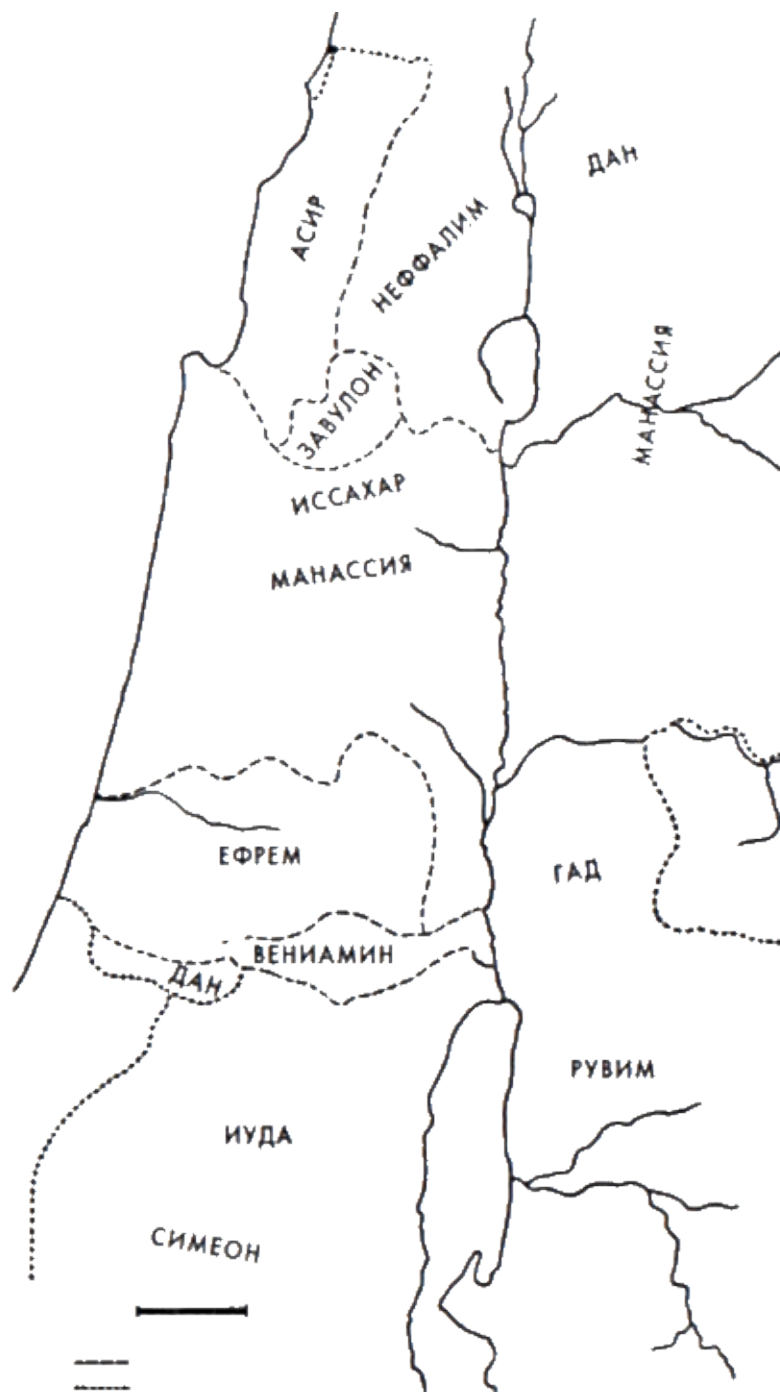

Рис. 8. Двенадцать колен (племен) Израилевых

Картину мирного завоевания дают также истории Патриархов Ветхого

Завета: Авраам, Исаак и Иаков тоже искали места для поселения, когда они, кочевые скотоводы, покидали весной засушливые степи и отправлялись в богатые водой возделываемые районы. Это событие называлось «сменой пастбищ». Как и Авраам, они искали пастбища для мелкого рогатого скота, и как Исаак, — источники воды. Порою чужеземцам удавалось приобрести земли: Авраам купил район погребений под Мамре в Южной Палестине. Исаак приобрел область с источниками под Вирсавией, расположенной тоже в Южной Палестине. И если дело доходило до военных столкновений, это имело роковые последствия для участвующих сторон. Так, племена Симеон и Левий дали вовлечь себя в военные действия за город Сихем, почему, вероятно, им и не удалось создать устойчивых племенных образований в Палестине (Бытие 34; 49.5).

Книга Иисуса Навина дает совсем иную военную картину овладения землями. Но участвовал ли в военных походах Иисуса весь Израиль? Почти все военные события под руководством Навина происходили в районе центральных палестинских колен Ефрем и Вениамин, самых маленьких из израильских племен. Когда говорится «Один из вас прогоняет тысячу» (Иисус Навин 23.10), то это было чистейшее преувеличение. Не весь Израиль, а только колена Ефрем и Вениамин, кажется, предпочитали военный захват земель.

Вымысел о всеизраильском, единственном в своем роде военном захвате земель — это продукт более позднего времени. Иногда в вымыслах заходили так далеко, что израильским племенам приписывались войны, которые они не могли вести. Это подтверждают археологические находки. Так, в городах Иерихон и Гая, которые якобы были разрушены, не осталось развалин времен овладения землями. Стены Иерихона были разрушены, но за тысячу лет до того как туда пришли израильтяне. Давно разрушенные города приписывались, таким образом, военным действиям Израиля.

Сложнее обстоит дело с хананейским городом Асором. Библейское предание очень противоречиво. В одном месте говорится, что Иисус завоевал Асор и убил царя Иовава (Иисус Навин 11.1-10), а в другом месте сообщается, что взятие Асора и убийство Иовава произошло при судье Деворе, т. е. спустя 100 лет (Судей, 4.24). Археологические раскопки в Асоре, проводившиеся под руководством Игаэля Ядина, показали действительные следы разрушений, которые можно датировать временем захвата земель израильтянами. Однако возникает вопрос, были ли израильтяне или другие народы-кочевники теми, кто разрушил Асор?

Овладение землями было для израильтян длительным процессом, который осуществлялся в первую очередь мирными, и только в

исключительных случаях военными средствами. Даже если захват был и не всегда мирным, не следует чересчур подчеркивать его военный характер. Но спрашивается, каким образом библейское предание пришло к кровавой военной картине захвата земель. Откуда этот охватывающий все воинственный дух, почему насильственные конфликты предполагаются даже когда имело место только мирное развитие?

Назовем вещи своими именами: Яхве, бог Древнего Израиля — воинствующий и жестокий бог. Трудно поверить, но в Ветхом Завете чуть ли не тысячу раз говорится о том, что Господь разгневался, и добрую сотню раз он приказывает убивать. А войны, которые вел Израиль, — и те, которые не вел, — это войны Господни. Уже переход Моисея через море показывает Яхве истинным богом войны: «Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника ввергнул в море... Господь муж брани, Иегова (Яхве) имя Ему» (Исход 15.1).

Бог решал исход войны. Сидя невидимым в скинии собрания, он движется облаком впереди войска Моисея, призванный Моисеем быть богом войны: «Восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!» (Числа 10.35).

Войны Яхве велись так называемыми Великими Судьями, если после первого, преимущественно мирного, этапа завоевания дело доходило до «расширения и закрепления земель». Были ли эти войны оборонительными или захватническими, вопрос спорный. Появляются вениамитянин Ехуд, поработивший Моав, Гидеоний, победивший мадианитян и амалекитян, Ефта из Галеада, который отразил претензии аммонитян, и, наконец, Данит Самсон, который схватился с филистимлянами. Интересно, что всем им приписываются какие-нибудь дополнительные качества: Ехуд был левшой, Гидеоний жалуется на незнатное происхождение и юношескую неопытность, Ефта — сын проститутки и, наконец, Самсон благодаря длинным волосам обладал магической силой. Царя Саула, которого не смогли победить аммонитяне, поставим в тот же ряд. Он на голову выше всех израильтян. Их предназначение к воинской деятельности возникает вроде бы случайно, это дело Бога, а не людей. «На нем был Дух Господень», — таково определение харизматического воина Божиего (Судей 3.10; 6.34; 11.29; 14.19; 15.14; 1 Царств 11.6).

С идеей «священной войны Господа» связан древний обычай. То, что в священной войне оказывалось добычей, находилось под Божьим запретом. Люди не имели права присваивать себе военную добычу; а тех, кто это делал, например, Ахан из племени Иудина, забрасывали вместе с семьей камнями и сжигали (Иисус Навин 7). Военная добыча доставалась

только Богу, в том числе и военнопленные, их без исключения приносили в жертву Богу. Трагизм положения царя Саула состоял в том, что он нарушил эту священную традицию, когда после победоносной битвы с амалекитянами пощадил вражеского царя и «все, что было ценного» (1 Царств 15). С тех пор Саул считался царем, отвергнутым Богом, и его гибель была предрешена.

Войны, таким образом, стали священными. Их ведет Бог, а народ активно не проявляет себя. Отсюда становится понятным «неисторическое» завоевание Иерихона. Не народу, который превратил Иерихон в руины, приписывается активность, а лишь вмешательству Бога. Как описывают падение Иерихона? Стены города обрушились не вследствие ведущейся людьми войны, а как результат определенного действия. Шесть дней подряд «все способные к войне» обходят город по одному разу. Священники несут ковчег. На седьмой день город обходят семь раз. Потом начинают трубить в трубы, народ кричит громким голосом и стены рушатся до основания. Иерихон был исключительно делом Бога. Итак, завоевание Иерихона следует понимать не как «историческое военное явление», а как священную войну Бога.

Священные войны были жестокими. Но удивительным образом как раз в концепции священной войны был заложен потенциал мирной власти. Уже завоевание Иерихона указывает на эту концепцию. Если войны являются священными, то военным действиям людей уже не приписывается решающей роли, они скорее обрекают людей на бездействие.

Наглядный пример этому мы находим в последующей истории. Он неразрывно связан с именем пророка Исаии. Тогда североизраильские ефремитяне создали военную коалицию с сирийцами против Иерусалима (733 до н. э.). Ахаз, царь Иерусалима, предпринимает оборонительные меры. Однако Исаия выходит ему навстречу и говорит: «Наблюдай и будь спокоен; не страшись я да не унывает сердце твое» (Исаия 7.4).

Яхве будет вести войну для Иерусалима; царь и народ должны бездействовать.

Теперь мы уже можем лучше понять мирное царство Соломона. Он, кажется, придерживается традиций, которые берут свое начало в мирной истории Древнего Израиля, тех мирных традиций овладения землями, о которых мы уже подробно говорили. Поэтому он и устраивает торжество в Гаваоне, где был заключен мирный союз между Израилем и местными хананеями. Более того, Соломон придерживается той традиционной линии в священной войне, которая обязывала людей воздерживаться от войн.

Итак, Соломон понял уроки Иерихона и стал провозвестником пророческой идеи мира, которая должна была найти великолепное воплощение в Исаии.

Только теперь становится понятно, почему Соломон смог порвать с древневосточной идеологией войны, которая означала «триумф над врагом». Творчески развивая скрытые «пацифистские» черты священной войны, он создает свое царство мира. Еще больше: в Гаваоне ему является Бог, который снял с себя воинствующие качества. Гаваонский Яхве, бог Соломона, уже не бог войны, который безжалостно «приносит в жертву» пленных. Бог Соломона меняет свой жуткий облик, и приходит озарение в виде божественного опыта, в основе которого лежат мир и справедливость, опыта, который в своей чистоте и ясности является единственным в своем роде. Только в Гаваоне Соломону, очевидно, открылось, что же есть мир, только начиная с Гаваона рушится обязательность кровной мести, которая делает его мстителем и братоубийцей. Лишь в Гаваоне Соломон становится свободен от своего отца; он не ведет больше войн, как тот, и превращается в мирного царя.

Так и остается Соломон блестящей личностью в древневосточной и израильской истории. Прорыв к царству мира не несет ничего ничтожного или идеализированного. И все же нам известно, в каких зловещих и жестоких глубинах пришлось побывать братоубийце и кровному мстителю Соломону, прежде чем начался прорыв к идее мира.

Соломоново решение

К сожалению, прорыв к идее мира в Гаваоне до сих пор еще не был оценен по достоинству. Ограничивали все просьбой Соломона о мудрости вершить суд, следы которой мы показываем читателю на примере одной истории, относящейся к гаваонским событиям.

Речь идет об особенно трудном случае выявления правды, когда не существует свидетелей. Две женщины, которых, что примечательно, представляют блудницами, оспаривают материнство одного и того же ребенка, так как обе одновременно разрешились от бремени. После того как один ребенок умер, обе женщины претендуют на оставшегося: «Мой сын живой, а твой сын мертвый», утверждают обе (3 Царств 3.22). Тогда Соломон велит принести меч, чтобы разрубить напополам оставшегося в живых ребенка. Каждая получит половину. Тогда женщина, сын которой был жив, сказала царю, так как ее материнское сердце запало любовью к

сыну: «О, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его». А другая говорила: «Пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите». И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте; она — его мать» (3 Царств 3.26).

Соломоново решение стало притчей во языцех. Но оно не единственное. Исследователь Гуго Грессман опубликовал в 1907 году работу, в которой он смог указать на 22 аналогичных решения. Часто находятся судебные дела с таким же или похожим решением: живой ребенок должен быть или разрезан, или разорван. Различается только контекст. Иногда речь идет о ревнивых женах одного и того же мужчины, которые претендуют на материнство, исходя из этого в случае с Соломоном женщин называют блудницами.

Аналогичные случаи имеются исключительно в индийском и восточноазиатском пространстве. Ничего подобного не происходило в соседних с Израилем государствах, включая Египет. Однако надо учесть, что индийские и восточноазиатские параллели намного моложе, чем история с Соломоновым решением. Опираясь на этот факт, можно было бы сделать вывод, что мудрость Соломона как судьи достигла и азиатской территории. Весьма заманчиво, но, разумеется, неверно. В связи с тем, что история является примером судебской мудрости, она могла рассказываться без привязки к определенным месту и действующему лицу.

Особенность заключается не в самом случае и не в решении, а в отношениях. Знаменательна для начала реакция людей, которые «боялись царя» (3 Царств 3.28). Что могло произойти, если бы материнская любовь не победила? Тогда Соломон велел бы убить ребенка и разделить на две части, свершилось бы ужасное преступление, которое, очевидно, могло быть совершено под знаком поиска истины. Больше того, выяснилось бы, что приговор истины жесток. «*Summum ius, summa iniuria*» («Высшее право — высшая несправедливость») — в эту формулировку древние римляне позже свели отягчающие обстоятельства любого судебного процесса. И блаженный Августин знал, когда говорил: «Каждый судья — это осужденный», положение, в которое попал бы Соломон, если бы истинная мать лишила ребенка жизни. Поэтому неудивительно, что люди, предполагая, что приговор обернется к ним своей страшной стороной, боялись царя.

Следует еще немного задержать внимание на этой страшной альтернативе, чтобы почувствовать другой аспект, который до сих пор ускользал от всех толкователей. Если бы вдруг материнская любовь не победила, Соломон бы убил ребенка. Этот прием разделения человеческого

существа связывает Соломоново решение с практикой жертвоприношения в Древнем Израиле. Можно привести многочисленные примеры. Авраам разрубает на части корову, козу и тельца. Едва он засыпает крепким сном, пламя огня проходит между рассеченными животными в знак того завета, который Господь заключает с Авраамом (Бытие 15). Царь Саул велит рассечь на части пару волов и посылает во все пределы Израильские, знак для созыва израильского народного ополчения против врагов — аммонитян (1 Царств II). Итак, рассечение на части соответствует практике принесения жертвы древними. То же самое произошло бы, если бы материнская любовь не победила жестокую мудрость Соломона. В конце концов материнская любовь, которой Соломоново решение устанавливает памятник, в меньшей степени олицетворяет мудрость Соломона, скорее судейский «ум».

В чем же тогда на самом деле сказывается Соломонова мудрость, если история с решением не может претендовать на исключительность и героиней ее является любящая мать. Ответ в приеме поиска истины, когда пользуются не сверхъестественным, а исключительно разумными и имеющимися в наличии средствами.

Взгляд на практику вынесения приговоров царем Саулом показывает совсем другую картину. Когда израильское войско находилось в безвыходной ситуации перед превосходящими силами филистимлян, царь Саул распорядился об обязательном соблюдении поста. Кто нарушал пост, на того обрушивалось проклятие. Ионафан, сын Саула, ничего не знал о приказе и подкрепился диким медом. Божественного наказания не последовало.

И чтобы покончить с этим, Саул велит принять «божественное решение». Должен состояться созыв всех начальников, бросается жребий между Саулом и Ионафаном. Жребий падает на виновно-невиновного Ионафана, которого сам отец приговаривает к смерти. И только протестующему народу удастся предотвратить исполнение решения (1 Царств 14). Принятие божественного решения бросанием жребия наблюдается и в других случаях. Например, Ахан, который посягает на священное военное имущество, изобличается с помощью жребия (Иисус Навин 7).

Соломон-судья положил конец вынесению приговора с помощью жребия. При Соломоне побеждает «природное судопроизводство», когда решение остается не за Богом. Соломоново решение, следовательно, означает победу «просвещенного» суда и является указателем в развитии истории права.

Более того, Соломоново решение означает крах любой формы «священного» вынесения приговора, который — насколько это можно установить — находился в руках священников. Предсказанием занимались жрецы. Такой способ обращения к Господу за решением проходил, вероятно, перед старинным культовым предметом — эфодом^[3], сделанным из металла, золота и драгоценных камней. Еще Давид предположительно спрашивал священников перед эфодом о важных решениях, которые касались преимущественно военных походов.

Особая роль в «божественных решениях» отводилась левитам. На это указывает, во всяком случае, древнее изречение из «закона Моисея»: «И о Левии сказал: туммим Твой и урим Твой на святом муже Твоем» (Второзак. 33.8).

С левитами мы уже однажды встречались, когда речь шла об архаичном предотвращении кровавых деяний. Они выступали не только как верные Яхве кровные мстители, но и способствовали смягчению уничтожающей силы кровной мести. Теперь мы видим, что левиты были выбраны также и для того, чтобы проводить божественные решения при помощи оракулов туммима и урима (Свет и Правосудие).

Если мы рассмотрим Соломоново решение в этой связи, то станет понятным, что царское судейство Соломона было направлено против божественных решений левитов. Архаичность поиска правосудия, присущая левитам, была окончательно вытеснена Соломоном из правовой жизни, так что смогла появиться просвещенная и разумная юстиция.

Остается вопрос, какие случаи разрешались царским судом. Очевидно, царскому правосудию подлежали только особо тяжкие преступления, например, когда речь шла о предательстве, государственной измене. В этом смысле поступил царь Саул, приказав умертвить священников, перешедших на сторону Давида (1 Царств 22), или, вспомним библейское предание, Соломон, расправившись с Адонией. Далее под царское правосудие попадали, пожалуй, те случаи, в которых местная власть не могла решить дело, например, когда царь Давид велел казнить убийцу Саула (2 Царств 1). И наконец, случаи, когда местные авторитеты не справлялись. Тут можно привести Соломоново решение: «сообщения сторон» противоречили друг другу и нельзя было получить свидетельских показаний.

А как относился Соломон к традиционному «малому» судопроизводству, «суду у ворот»? Он проводился в некоторых местностях Израиля еще до появления царей. Ищущий правду становился в воротах; в перенаселенных городах это было единственное подходящее место, где

собирались все полномочные граждане, обладавшие правом совещательного голоса. «Старейшины», признанные авторитеты рода, при необходимости образовывали судейскую коллегию, которая помогала в поисках истины.

Нам ничего не известно о том, взял ли Соломон «правосудие у ворот» в свои руки. Кажется, царский суд существовал наряду с «судом у ворот», знак того, что Соломон не был авторитарным государем, «диктатором правотворчества», который навязывал общинам на местах царское право. Мудрый судья Соломон уважал оправдавшие себя традиционные правовые формы.

Знание о добре и зле

Мы можем сделать еще одно, в высшей степени интересное наблюдение, если точнее проанализируем просьбу, которую Соломон высказывает в Гаваоне. Он просит о понимании того, «что добро и что зло». А как понимать «добро» и «зло»? Само определение редко исследовали, так как в Ветхом Завете об этом упоминается только два раза.

Впервые — в связи с судом у царя Давида. Вспомним: Авессалом убил своего брата Амнона, когда тот изнасиловал сводную сестру. Давиду предстоит распорядиться о кровной мести.

Но здесь появляется «умная» женщина из Фекои. Она рассказывает царю, как мы знаем, выдуманный случай. У нее было два сына, которые поссорились, при этом один убил другого. Теперь представители ее рода требуют совершения кровной мести, лишая ее последнего сына. Давида просят вынести решение и он приказывает остановить кровопролитие. Так умной феоитянке удастся удержать Давида от кровной мести. Женщина восхваляет Давида: «Да будет слово господина моего царя в утешение мне, ибо господин мой царь, как Ангел Божий, и может выслушать и доброе и худое» (2 Царств 14.17). Знание о добре и зле оказывается способностью различать, даром отделять одно от другого, умением сознательно не смешивать добро и зло, судя и осуждая. Правый суд позволил бы свершиться кровной мести, создав тем самым «злое» право, поскольку хотя виновный и понес бы наказание, пострадало бы «доброе» право невинной матери.

Если сравним «судейскую мудрость» Давида с «Соломоновым решением», то нам придется разочароваться в Соломоне. Тогда как его решение состоит лишь в умном применении средств для поиска истины,

«мудрость» Давида, напротив, подорвала основы всей правовой традиции и покончила с кровной мстью. А может быть, мудрость Соломона-судьи надо оценивать по-другому? Как же на самом деле Соломон представлял себе «знание о добре и зле»? Вера в истинность и силу материнской любви? «Мудрый судья» уже не судит свысока, а создает условия, в которых истина проявляется сама собой. Материнская любовь, на которую рискуя ставил Соломон, являет истину. Такое «знание добра и зла» — это уже не просто жесткое право судьи, а доверительное обращение к неистребимой жизненной силе, которая всегда заложена в правде.

«Знание добра и зла» появляется также в истории о рае, где Адаму и Еве запрещается есть плоды с дерева познания добра и зла: «А от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в тот день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие 2.17).

Змей тут же продемонстрировал искусство обольщения: «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3.5). Парочка, Адам и Ева, отведала запретный плод с дерева познания. Последствия известны: изгнание из рая и переход в мир боли, тяжкого труда и смерти.

История, происшедшая в раю, открывает нам совершенно новые грани «знания о добре и зле», если мы прочтем ее глазами Соломона. Имеется в виду, конечно, не его судебская мудрость. Что есть добро, что зло — установить не так просто. Ева рассматривает плоды на древе познания как «приятное для глаз» (Бытие 3.6). Связано ли зло с чувственным наслаждением, требующим подавления? Или «познание» воспринимается как сфера сексуальности? Адам и Ева, вкусив запретный плод, сразу увидели свою наготу и прикрыли срам. Познание «добра и зла», связанное таким образом с открытием стыда, этого часто неправильно понимаемого чувства сильного смущения от сознания предосудительности поступка как результата сексуальной страсти? «Познать» (*yada*) означает очень часто половой акт: «Адам познал Еву, жену свою, и она зачала, и родила Каина» (Бытие 4.1).

Но что означает в этой связи добро и зло? Вполне возможно, надо исходить из последствий познания добра и зла. Ева обрекается на родовые муки, Адам на проклятое поле, которое он возделывает в поте лица. А неприязнь между змеем и Евой становится олицетворением противоречий между человеческой культурой и природой, которые так и остались неразрешенными.

Знание о добре и зле можно было бы расширить до глубокомысленной спекуляции, что познание добра и зла означает мучительный уход из того

желанного райского покоя, где человек находится в единении с собой, природой и Богом.

Человек потерял райское счастье, когда попытался познать добро и зло. Это печальный урок, который нам дает библейская история о первых людях.

Но с Соломоном мы вступаем в другой мир. Ему не отказывают в познании добра и зла, наоборот, это знание ему предоставляется. Господь не накладывает никаких запретов на по(знание). Стремление это не приводит ни к какому счастью, оно не отдает человека на произвол судьбы, а превращает знание в качество, присущее царям, посредством чего правят и вершат суд. Проклятию прародителей, которое падает на познание, противопоставляется ясная просветительская высшая ценность знания о добре и зле.

Мы многое бы дали за то, чтобы понять, была ли известна Соломону принесшая несчастье история райского знания о добре и зле, знал ли он, каким роковым образом могло быть оценено в другом месте? Нам же, напротив, обращение Соломона к познанию добра и зла представляется стремлением в светлое будущее, которое залечит то зло, которое совершил однажды Адам. Знание о древе познания превратило Адама и Еву в смертных. Соломону же в Гаваоне была обещана долгая жизнь. Он предстает как «возрожденный» Адам, но уже не пребывающий в райском неведении, а одаренный Знанием. Любопытство выгнало Адама и Еву из рая в темный мир; в Соломоне же познание становится жизненным началом и исходным пунктом преобразования мира.

Соломон против Моисея?

Мудрость Соломона — эта мудрость просвещенного судьи составляет оппозицию архаической традиции «Священного права», которое всячески насаждалось священниками, особенно левитами. Но как относится судейская мудрость Соломона к другим известным нам израильским традициям?

Очень странно, что Гаваонское предсказание во сне сделало Соломона царем-судьей, но в нем нет ничего о тех великих откровениях, которые были сообщены Моисею на горе Синай. Никакого намека на 10 заповедей, провозглашенных Моисею. Как понимать молчание о правовых открытиях на горе Синай? Были они ему неизвестны или он ничего не хотел знать о 10 заповедях?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо посмотреть со стороны на обстоятельства, в которых принималось законодательство Моисея, и форму, в которую эти законы облекались. Посредник между Богом и людьми Моисей предназначен подготовить народ к божественному союзу. Полный страха народ скитается в пустыне до тех пор, пока не случается то, что посреди грома и молний является Яхве, гора превращается в вулкан и слышатся слова, которые глубоко запечатлеваются в сознании людей в виде 10 заповедей. Обращает на себя внимание форма заповедей: «Ты не должен...» — так начинаются отдельные заповеди — запрет верить в иных богов, запрет на изображения и имя Господа, запрет на убийство, супружескую неверность, воровство, ложь, корыстолюбие, т. е. положения о запрете строги и незыблемы. Наряду с ними есть только две положительно сформулированные заповеди: об уважении к родителям и наблюдении субботного дня.

Строгая форма запретов и заповедей называется аподиктическим правом и имеется преимущественно в израильском божественном праве. «Ты» молящегося и «Я» услышавшего молитву Господа совершенно слились друг с другом. В странах, граничащих с Израилем, право формулировалось казуистически. Сначала причина, потом следствие. В Библии тоже есть казуистические правовые положения, в «Своде законов», например закон о рабах: «Если купишь раба Еврея, пусть он работает [тебе] шесть лет, а в седьмой [год] пусть выйдет на волю даром» (Исход 21.2).

Казуистическое право предполагает превращение народа Израиля в оседлого, живущего на возделываемых землях и служит решением определенных правовых вопросов. Аподиктическое, наоборот, дает только общие указания, для образа жизни кочевников. Речь все время идет о непосредственной житейской действительности, простых правилах жизни в малых группах. Поэтому исключено, что 10 заповедей происходили из семейного права кочевников и только потом были оформлены в закон Божий, оглашенный на Синае.

Так вот, можно ли утверждать, что Соломон не знал Моисеевых Синайских заповедей, ведь не исключено, что, облеченный знанием, он просто-напросто пропускал их мимо ушей? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вспомнить о том, что правовая идея Соломона была направлена против правовой практики левитов. Однако Моисей был левитом, и именно левитам было доверено особым образом заботиться о соблюдении Моисеевых заповедей. Более того, на них возложили обязанность оглашать 10 заповедей во время торжественных церемоний.

Описание одного такого события дается в 27-й главе пятой книги Моисея, Второзаконии, тексте очень древнем, хотя литературно оформлен он был все же сравнительно недавно.

Нам следует перенестись в те времена, когда полным ходом шло завоевание земель по указанию Моисея.

Перейдя Иордан, установили жертвенник из камней, на котором написали заповеди, что Моисей огласил на горе Синай. Жертвенники-камни были установлены на горе Гевал в Северном Израиле на территории Ефрема, а также на противоположном берегу Иордана, на горе Гаризим, где должны собраться израильские племена, и левиты возгласят народу значение божественного права. Так и началось провозглашение заповедей, которые читались перед людьми во время церемонии проклятия, но в количестве 12, а не 10.

Перечень проклятий у левитов производит еще большее впечатление, чем иудейские заповеди Синай. Так, проклятие левитов падает прежде всего на тех, кто виновен в инцесте и содомии. Иудейские заповеди в первую очередь упоминают проклятие идолопоклонникам и тем, кто злословит мать и отца своего.

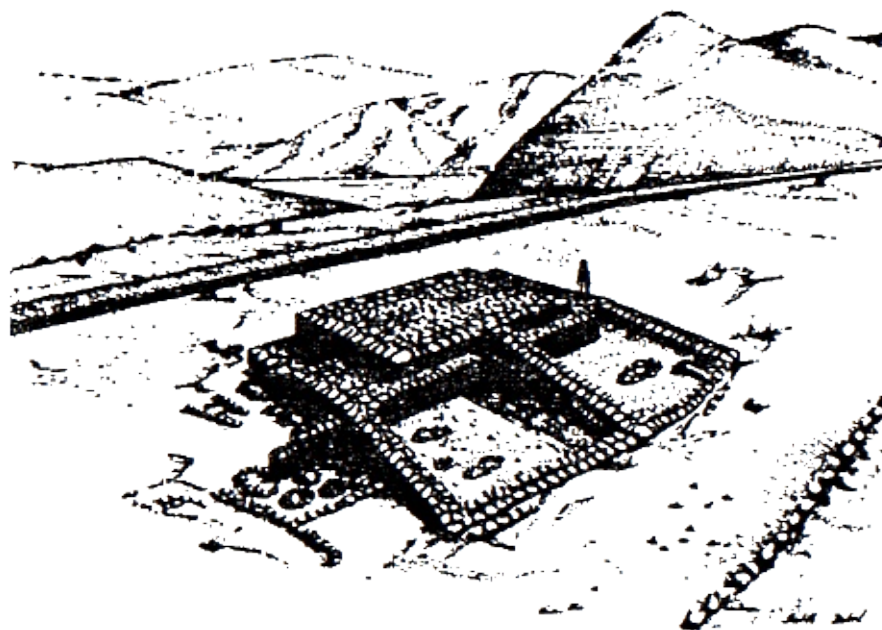

Рис. 9

Обстоятельства, которым угрожало проклятие, указывают на кочевой образ жизни, т. е. подтверждают впечатление, что первоначально речь шла о проклятиях в семейном и родовом праве и левиты все время о них напоминали, их провозглашали и следили за исполнением.

Мы можем исходить из того, что чтение заповедей левитами было частью регулярно проводившейся культовой церемонии. На это указывают также находки, выставленные в 1984 году израильским археологом Адамом Церталем, которые являлись результатом работы нескольких археологических экспедиций. В частности, он обнаружил огромное капище у подножия горы Гевал. За длинной стеной-ограждением высится впечатляющий прямоугольный камень для сжигания жертв, чья поверхность возвышается над площадкой. Толщиной 1,4 м, высотой 2,7 м, он собран из неотесанных каменных обломков — в соответствии с древнеизраильским законом о жертвеннике (Исход 20.25). К жертвеннику примыкают два двора, мощеные и окруженные стеной. Сенсационность этого открытия в том, что культовые сооружения восходят к X столетию до н. э., т. е. существовали уже во времена Соломона. Можно с уверенностью предположить, что это как раз то место отправления культа, где регулярно проводилась церемония проклятия. И Соломону не дано было знать об этой церемонии, а также о 10 заповедях? Это в высшей степени неправдоподобно.

Более того! Горы Гевал и Гаризим были не только местом для чтения левитами законоуложений Моисеевых. Там же велась и разъяснительная работа против царя. На Гаризиме огласили притчу, которая зло высмеивала сущность царей. Деревья хотели избрать себе царя. Но самые благородные из них — смоковница и маслина и вместе с ними виноградная лоза отклонили предложение на царство. В конце концов остался только неблагородный, ничтожный, бесплодный терновник, который согласился принять царство (Судей 9.7-15).

Итак, если Соломон в Гаваоне якобы ничего не слышал о законе Божьем Моисея и левитов, церемонии на горе Гевал, то вполне естественно он не принимал этого во внимание. Основания для этого налицо: суд Соломона был иерусалимским царским судом, мозаистско-левитский суд,

напротив, — североизраильским судом кочевников, который мог в любой момент обернуться против царя. Родовой суд мозаистов и левитов аподиктически представлялся как закон Божий, суд Соломона, напротив, оказывался «просвещенным». В то время, как суд на горе Гевал правит Бог, судебное заседание в Гаваоне ложится на плечи царя. При Соломоне суд подвергается «секуляризации», т. е. освобождается от религиозной прерогативы. Соломонов суд больше не нуждается в ужасных формах проклятия, чтобы придать ценность заповедям, а полагается на истину, открывающуюся в процессе судебного разбирательства. Никакие «Ты обязан...» или «Будь проклят, кто...» не являются приговором. Закон Божий человеколюбив, он апеллирует к всеобщей ответственности людей. В таком ракурсе Соломонов суд представляет собой ни с чем не сравнимый шаг вперед в истории развития Израиля, да и в истории человечества вообще, и относится к неоценимому наследию эпохи Соломона.

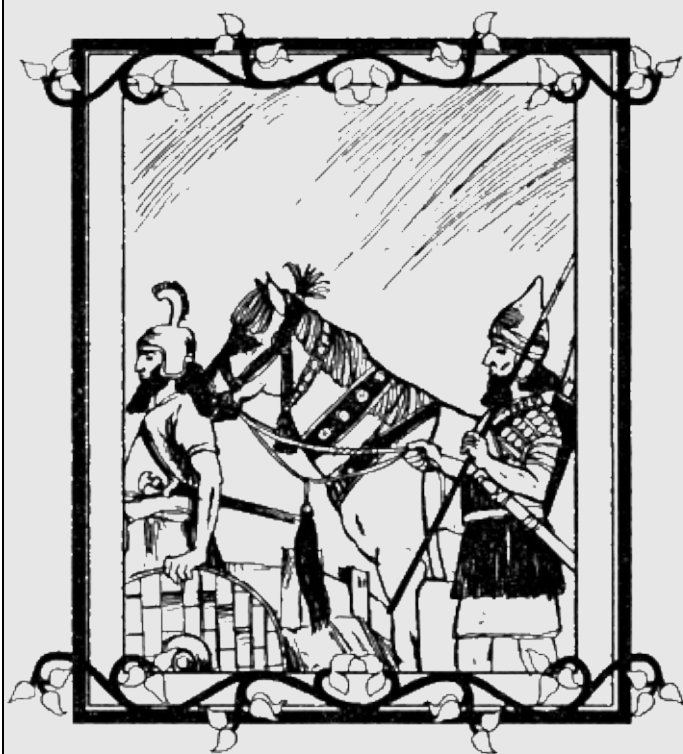
Если мы еще раз восстановим картину событий в Гаваоне, то личность Соломона обретет зримые формы.

Он начинает церемонию жертвоприношения, которое могло бы положить конец человеческому насилию; делает акцент на «мирные» пути в овладении землями, обеспечившими обоюдное процветание израильтянам и хананеям, он не ведет себя как восточный властелин, подобно его последователям, а отказывается от «триумфа над врагами»; вместо этого он понимает себя как царь-судья, который вопреки правовым представлениям левитов (Божье наказание) вводит «истинный» суд (Соломоново решение). Он не возвращается к мозаистско-левитскому закону Божьему (10 заповедей), который был подмешан к образу жизни, организованному по родовому и кочевому праву, а старается установить царский суд, соответствовавший сложным отношениям между городом и государством.

Остается вопрос, почему дело не дошло до разногласий между «новым» царским и древнеизраильским родовым судом? Сохранялись ли обе правовые системы сами по себе или произошло слияние? Ответ на этот вопрос мы получим там, где не предполагаем: рассматривая грандиозный проект строительства Соломоном храма, о чем речь пойдет чуть позже.

Глава 3

«И БЫЛ У НЕГО МИР СО ВСЕМИ СОСЕДЯМИ» — ЦАРСТВОЕ СОЛОМОНА

Царь Соломон ставит на мир, не на войну. Его воля к миру — вместе с необыкновенной новой концепцией права — в основе своей связана с его царствованием. На это нам убедительно указывают видение в Гаваоне и связанный с ним Соломонов суд. И все же стремление к миру должно воплотиться в действительность.

Чтобы получить представление о мирной действительности, нам необходимо пройти невыявленными тропами. Итак, займемся гаремом Соломона, который не был таким необыкновенным, как могло бы показаться сегодня, ознакомимся также с изменениями в управлении и

войске, что покажется скучным только поверхностному читателю, и обратимся к ведению торговли для расширения нашего кругозора.

Гарем Соломона

В Израиле полигамия была разрешена, и царь Соломон был не первым израильским царем, который мог похвастать большим количеством жен. Уже у царя Саула были наложница (2 Царств 3.7) и несколько жен. Царь Давид имел в Хевроне шесть жен (2 Царств 3.2); позже к этим добавились еще и другие жены и наложницы, среди них Вирсавия, мать Соломона. Но царь Соломон оставил позади всех царей до и после него. 700 официальных жен и 300 наложниц он мог назвать своими собственными — фантастическое число, которое, согласно восточной традиции, скорее округлено, нежели соответствует реальной цифре.

Изобилие жен стоит в одном ряду с богатством Соломона — то и другое табу для обсуждения. Лишь много позже, когда царя могли осуждать, гарем Соломона стал вызывать недовольство. В «законе для царя» властелину предписывается ограничить число жен (Второзак. 17.17). С зубовным скрежетом библейские авторы пишут, что Соломон брал в жены прежде всего чужеземных женщин. Тем самым он действовал вразрез со строгими правилами заключения брака более позднего времени, когда израильтянам запретили вступать в смешанные браки.

К сожалению, гарем Соломона представлен лишь числом, отдельные судьбы его жен не описываются. К нам не выходят ни прелюбодейка Вирсавия, ни покинутая Рахиль, ни гордая Ревекка, ни воинственная Эсфирь, как в более поздние времена. О страстях Соломона тоже ничего не пишется. Однако, должно быть, чужеземные жены сыграли роль в том, что библейское предание безжалостно: «Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам» (3 Царств 11.4).

Речь идет не о любви к женщинам, а, пожалуй, о том, что Соломон обращался к другим богам. Хотя библейское предание пытается оправдать царя — оно рассматривает провалы в вере Соломона как старческий маразм — но все же дает негативную оценку его правлению, выявляя две фазы: процветания и упадка. В итоге, виноваты оказались чужеземные жены.

С исторической точки зрения, негативную оценку смешанных браков Соломона стоит вывести за скобки. На самом деле за всем этим кроется хорошо продуманная политика, позволявшая Соломону вступать в мирные

отношения с близлежащими странами. Сразу видно, что речь идет о женах из таких стран как Моав, Аммон, Эдам, которые его отец Давид покорил в ходе войн. Сюда же относятся супружеские союзы для поддержки отношений с финикийцами и хеттами. Соломон, очевидно, придерживался девиза, который позже подхватили Габсбурги: «Пусть другие воюют, ты, счастливый Израиль, женись!».

Поскольку речь шла о политических браках, не так то просто было определить настроение, которое бы соответствовало необычной истории любви. Характер брака в политических целях способствовал тому, что женщины теряли собственное лицо. Только две женщины из гарема проступают наиболее отчетливо: во-первых, Наама Аммонитянка, она родила наследника Соломона Ровоама (3 Царств 14.21), и еще та самая таинственная дочь фараона, которая пару раз упоминается в библейском повествовании, и только в бесстрастном перечислении, вряд ли подтверждающем заключение брака по любви. Но сам факт, что дочь фараона упомянута неоднократно, говорит об уникальном событии даже для Израиля.

И по праву! Когда это было, чтобы дочь фараона выдали замуж за чужеземного царя?! «С давних времен царских дочерей Египта не отдавали никому», — с гордостью высказывался фараон Аменофис (1417–1377 до н. э.), и действительно, не известно ни одного случая, чтобы когда-нибудь дочь фараона отдавали какому-нибудь влиятельному иноземцу. Единственным исключением стал Соломон.

Понятым становится это удивляющее нас исключение лишь если обратить внимание на период упадка в Египте во времена Соломона. После того как 21-я династия (1085-945 до н. э.) допустила раскол страны, там начались внутренние волнения.

К сожалению, имени дочери фараона до нас не дошло. Неизвестно и имя ее отца, а также время заключения брака. Весьма вероятно, что женитьба прилась на ранний период правления Соломона, около 960 до н. э. (3 Царств 3.1) и он женился на дочери танитянского фараона Сиамона (около 978–958 до н. э.). Фараон Сиамон взшел на трон несколькими годами раньше Соломона и правил около 17 лет; в пользу Сиамона говорит прежде всего поход на филистимлян, живших по соседству с Израилем.

Поход фараона Сиамона прошел не без последствий для Израиля. Фараону удалось завоевать город Гй-зер, старый хананейский город, находившийся в сфере влияния филистимлян. Город был сожжен дотла — событие, которое подтверждено археологами. Им удалось обнаружить обломки камней, устилавших подножие городских ворот. Находка

датируется X столетием до н. э. — эпохой Соломона.

Разрушением дело не закончилось. Фараон передал Гизер своей дочери в качестве приданого в браке с Соломоном (3 Царств 9.16). Причину, побудившую фараона к такому великолепному подарку, уже нельзя восстановить. Быть может, поход на филистимлян поглотил все египетские ресурсы, быть может, возникла необходимость спешно возвращаться в Египет. А может быть, фараону попросту надо было склонить Соломона к мирному сотрудничеству. Там, где бессильно оружие, всегда наготове выгодный брачный союз — сильнейшее средство укрепить влияние и власть.

Соломон наверняка должен был это уяснить. Израиль и Египет вступили в дружеские отношения, до некоторой степени древневосточный Кэмп-Дэвид. Было забыто время, когда фараон заставил людей Моисея выполнять рабскую работу и помешал им тем самым покинуть Египет. Забыты также события на Черном море, когда сыны Израилевы сумели бежать, а египетское войско все погибло.

Хотя Соломон женился на дочери фараона по политическим причинам, в его гареме она находилась на особом положении. Об этом говорит то, что он построил ей дворец в Иерусалиме, факт, к сожалению, не подтвержденный археологами. Во всяком случае, легенда сообщает о могильнике, который скорее всего был построен для дочери фараона. Это сооружение находится в селении Сильван, примыкающем к Иерусалиму у восточного склона долины Кедрона. Согласно устному свидетельству местных жителей — арабов, нынешнее покрытие раньше несло пирамиду, напоминание о египетском происхождении жены Соломона.

Мы многое отдали бы за то, чтобы узнать, как проходила свадьба с дочерью фараона. Все же авторы Библии не проявили к ней интереса. И мы не знаем, справлялась ли эта свадьба в духе помпезных египетских царских свадеб, как это обстояло, например, с фараоном Рамзесом II. Его свадьба с хеттской царевной считается самой грандиозной в древневосточные времена. Рамзее выслал целую армию, чтобы она доставила дочь царя Чаттушилиса III (1282–1250 до н. э.). Сам он не отправился за ней, так как, вероятно, считал свою невесту «данью», которая должна быть ему «доставлена». Во всяком случае, отец передавал дочь смиренно преклонившись, в то время как Рамзее величественно восседал между богами Амоном и Птахом.

Хотя Рамзее и относился к ней вначале как к «дани», он ее полюбил: «Потом позже Величество увидел, что лицом она была божественно прекрасна. И возникло огромное сокровенное чудесное любовное сродство,

никем не слыханное и не знакомое никому. И ворвалась красотой своей в сердце Величества, и он полюбил ее больше всего, и берег как великое счастье. Потом распорядился, чтобы она была наречена новым именем: Царская супруга Маат-Нефру-Рэ».

В качестве «дани» дочь фараона, разумеется, не имела особого сопровождения. Но прием тем не менее был великолепным. Возможно, в псалме 44 описана именно та свадьба, о которой предание о Соломоне ничего не сообщает:

«Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих; посему благословил Тебя Бог навеки. Препояшь себя по бедру мечом Твоим, Сильный, Славою Твоею и красотой Твоею, и в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела. Остры стрелы Твои, [Сильный], — народы падут пред Тобою, — они — в сердце врагов Царя. Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя. Дочери царей между почетными у Тебя; стала царица одесную Тебя в Офирском золоте. Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира с дарами, и богатейшие из народа будут умолять лице Твое. Вся слава дочери Царя внутри; одежда ее шита золотом; в испещренной одежде ведется она к Царю; за нею ведутся к Тебе девы подруги ее, приводятся с весельем и ликованьем, входят в чертог Царя. Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле».

Мы не знаем наверняка, насколько истинно то, что песнь повествует о свадьбе Соломона и дочери фараона. Если подумать, то вполне возможно, что речь идет о встрече финикиянки, поскольку упоминается город Тир. А может, имеется в виду другая невеста, например, Иезавель, которая действительно родом из Тира и была женой Ахава?

При этом необходимо обратить внимание на некоторые детали: так, например, не только описывается блестящее появление невесты, но и подразумевается красота царя. Но еще важнее, невесте настоятельно рекомендуется забыть все, что ей напоминает о ее родине: «Забудь народ твой и дом отца твоего». Во всяком случае, в этом отношении Соломон не был так строг, ведь он позволял своим женам чтить богов своей родины, даже распорядился построить для них с этой целью у ворот Иерусалима

святилища. Во всем Древнем Востоке это единственное свидетельство столь удивительной терпимости. Толкователи Библии осудили это как идолопоклонство.

Итак, происходит удивительная вещь: хотя мы ровным счетом ничего не узнали о Соломоновых женах, нам не удалось раскопать то, что могло бы оказаться интересным для тех, кто любит совать нос в замочную скважину, — страсти, интимные подробности, отношения многочисленных жен между собой, вероятную ревность или даже соперничество, — Соломон предстает в лучшем свете единственно благодаря тому, что относился к своим женам с удивительной и небывалой по тем временам терпимостью.

Песнь песней

Библия скупа на описания, когда речь идет о женах Соломона. Совсем другой мир открывается, когда мы обращаемся к самой потрясающей в Библии Песни любви. Удастся ли нам больше узнать о женах Соломона? Откроются ли нам чувства и ощущения царя? Может ли он считаться великим знатоком в делах любви? Начало Песни, во всяком случае, позволяет нам на это надеяться, поскольку Соломон действительно называется се певцом. Но соответствует ли это действительности?

Те, кто включили Песнь песней в Библию, вероятно, были в этом убеждены, потому что уже в Книге Царств Соломона называют автором 1005 песен (3 Царств 5.12). Песнь песней считается самой прекрасной из них (Песнь песней 1.1). Большинство же исследователей относятся к этому мнению скорее скептически. Они считают Соломона «фиктивным автором», ссылаясь на аналогичные случаи, когда анонимным текстам приписывалось авторство великих, чтобы усилить и возвысить значение сказанного. Другие указывают на «псевдосоломонов язык» Песни песней, арамеизмы, вкрапления (!) греческих и персидских слов. Но что можно утверждать, когда речь идет об утонченной поэзии, где влюбленные, приняв образ несколько даже экзотический, говорят друг с другом на «чудесном языке любви».

Песнь песней — самая загадочная книга Библии, потому что может показаться понятной. У тугодумных теологов она всегда вызывала головную боль, ведь темы ее — любовное томление, боль разлуки, счастье соединения, восхваление и прославление свободы страстных и чувственных радостей, красоты, влюбленности в тело, к которым не

примешивается ничего напоминающего религиозные толкования — светское воспевание любви.

Тем, кто раньше высказывал подобное слишком явно, всегда грозила опасность. Первым толкователем, пошедшим на риск, был сирийский епископ Теодор из Суэца (350–428). Он считал Песнь песней любовной поэзией без религиозного подтекста. В 553 г. на соборе в Константинополе его трактовка подверглась проклятию.

Тем настойчивее ставится вопрос, как попала явно светская Песнь песней в Библию. Может быть, решающим оказалось то, что ее автором был Соломон? Иудейская традиция сделала Песнь песней праздничным песнопением восьмого дня пасхи, однако еще Равви Акива (ок. 150 г.) знал, что ее пели на свадьбах, и подвергал это осуждению: «Кто декламирует в свадебных домах вибрирующим (поющим) голосом Песнь песней и низводит ее до (оскверняющего святыню) пения, тому не будет места в будущем мире». Кажется, уже Равви Акива придал Песни аллегорический тайный смысл. Его путем пошла и христианская церковь. Возлюбленный в Песни песней был превращен в Христа, а Возлюбленная отождествлялась с Марией, Церковью и даже «любящей душой», которая ждет мистического соединения с возлюбленным Христом.

К аллегорическому изложению Песни песней подошли с чудовищной энергией, хитроумные и глубокомысленные комментарии были изложены в огромных фолиантах, из коих примерно 30 относятся к XIII столетию. Самый известный приписывают Бернару из монастыря в Клерво. Однако аллегорические истолкования Песни песней, связанные с Марией, Церковью и «мистической душой», слишком искусственны и притянуты за уши, чтобы убедить. Они оставляют без внимания все, что касается чувственной красоты, игривой легкости и эротического трепета Песни песней: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина... Влеки меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою» (Песнь песней 1.2–4).

Так говорит Возлюбленная Возлюбленному, и это как будто царь. Значит, все-таки Соломон? Но осторожно!

Чуть позже превращается предполагаемый царь в не находящего покоя пастуха. И уже скоро Возлюбленная на свой робкий вопрос получает утешающий ответ: «Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих? Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских» (Песнь песней 1.6).

Но с пастухом мы остаемся недолго, вот он уже превратился в садовника: «Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии, я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне» (Песнь песней 6.2).

Итак, игра превращений: Возлюбленный то царский сын, то странствующий пастух, потом садовник в идилическом саду. Затем еще одно превращение: Возлюбленный действительно появляется как царь Соломон, которого выносят на носилках из пустыни:

«Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых... Носильный одр сделал себе царь Соломон из древ Ливанских; Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его» (Песнь песней 3.7).

Итак, царь Соломон — все же Возлюбленный из Песни песней? Стоп! К сожалению, на исторического Соломона венец был возложен не матерью, и уже вовсе не на одной из его многочисленных свадеб. И весьма странно, почему бы автору Соломону говорить о себе в третьем лице. Само собой, Соломон обыгрывается. Как раз в другом месте речь идет о шестидесяти царицах и восьмидесяти наложницах и девицах без числа (Песнь песней 6.8). Но гарем Соломона — количество отличается от указанного в Книге Царств — служит Возлюбленному только для того, чтобы подчеркнуть неповторимость его любовниц. Нет, личность Соломона — царский сын, пастух и садовник — только одна из ролей, которую Возлюбленный примеряет к себе и от которой потом избавляется, когда ему вздумается. То же и Возлюбленная, представляющая себя довольно необычно: «... черна я, но красива как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня... Сыновья матери моей поставили меня стеречь виноградники» (Песнь песней 1.5).

Она предстает то смуглянкой с виноградника, то сравнивается с хороводом, то называется дочерью именитой, чья красота описывается с ног до головы:

«Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя». Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский? О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями; два сосца твоих — как два козленка, двойни серны; шея твоя — как столп из слоновой кости; глаза твои — озерки

Есеевские, что у ворот Батраббима... Голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен твоими кудрями. Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!» (Песнь песней 7.1).

Кто же мог быть Возлюбленной в Песни песней? Например, та таинственная дочь фараона, на которой женился Соломон, или царица Савская, темнокожее чудо, что пришла из пустыни испытать царя загадками! А имя *Суламифь*, которое звучит как женский вариант имени *Соломон*? Ответ прост. Влюбленные могут оказаться кем угодно. Это образы, которые переходят из одной роли в другую — Соломон и Суламифь, пастух и пастушка, садовник и садовница. Соломоном может стать любой, кто любит, а Суламифью — любая влюбленная.

Общее у персонажей Песни песней с историческим Соломоном только имя.

Так как это называется? Следует ли в связи с этим Песнь песней поместить в эпоху, следующую за Исходом в истории Израиля (около IV столетия до н. э.), как это делают многочисленные исследователи? Мы хотели бы поспорить с ними. И пусть даже Песнь песней была написана не самим Соломоном, во многих частях чувствуется тот свободный дух «Соломонова просвещения», который не был возможен в более поздние времена. Ведь застегнув сюртук на все пуговицы, трудно оценить безграничность «свободной любви», что особенно ощущается в поведении возлюбленных:

«На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его... Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, которого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватила за него, и не отпустила его, доколе не привела его в зал матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно» (Песнь песней 3.1).

Показательно, как ведет себя Возлюбленная: она выбегает на улицу и ищет любимого. Найденного ею она приводит в свои покои и тайно занимается с ним любовью. И то и другое — появление на улице, в одиночку, без сопровождения братьев или родителей, и ночь любви, тайно проведенная в отчем доме, — это нарушение «добрых нравов» времени. Но когда влюбленные об этом заботились! Добрачная любовь находит своего защитника во влюбленных из Песни песней. И любовник ищет свою

желанную на тайном запретном пути:

«Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою». Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне мараить их? Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены» (Песнь песней 5.2).

Выше общественной морали право Возлюбленной. И пусть она схвачена и побита стражами города — блюстителями строгой морали, «добрых нравов», желание любимого сильнее. Ею движет желание свободно отдаться ему, о своей невинности, которую рискует потерять, она не задумывается ни на миг. И поэтому так потрясает стон, полный боли, когда любимый уходит: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви» (Песнь песней 5.8).

Не бывает любви без любовной боли, без тоскливого стога, которые остаются и когда любимый уже здесь: «Он ввел меня в дом пира... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня» (Песнь песней 2.4).

И эта любовь познала страх, и здесь нет ничего, что не сопровождалось бы болью; уже объятие рождает страстное желание получить больше. Любви нужен пейзаж, в котором она хотела бы затеряться, где отражается то, что чувствует душа. И это должна быть не картина зимы, а весна, что грядет:

«Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей. Смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Голубица моя в ущелье скалы, покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок, а лице твое приятно» (Песнь песней 2.10).

Возлюбленная в свою очередь делается все более загадочной, становится чем-то непостижимым, таящим в себе нечто необъяснимое: «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник. Рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица... Садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана» (Песнь песней 4.12).

Возлюбленная, «запертый сад», обладает, однако, тонкой чувственностью, которую можно выразить только языком запахов, благоуханий, тех непостижимых флюидов любовной магии, с которых, кажется, и начинаются возбуждающие игры. Только один раз прорывается избыток страсти, в опасном преддверии союза любви и смерти: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, люта, как преисподня, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный» (Песнь песней 8.6).

Здесь взрываются рамки простой влюбленности и явственно проступает таинственная близость любви и смерти. Подобно смерти, любовь означает растворение одного в другом.

Мы дали возможность Песни песней самой подробнейшим образом рассказать о себе, ведь тот, кто пишет об этой Песни, ее разрушает. Совершенно очевидно, что Песнь песней — «искусственная», собрание многих песен. То, что ее приписывали Соломону, не случайность. Только в его время представлялась определенная степень свободы в любовных делах, о чем свидетельствует Песнь песней. На время Соломона приходится также открытость всему чужому и иноземному. В конце концов, Соломон был мужем дочери фараона, возможно, это ее вдохновляющее влияние. В Египте ведь многочисленные Песни песней были известны задолго до Соломона. Они, вероятно, наложили отпечаток на Соломонову Песнь песней.

Так, например, в египетской любовной поэзии влюбленные называют друг друга «брат» и «сестра», и у египтян есть сравнение возлюбленного с оленем (Песнь песней 2.9 и 17; 8.14), а возлюбленной — с садом (Песнь песней 4.12) или «кобылицей в колеснице фараоновой» (Песнь песней 1.9). Как «пламень» разгорается любовь и в Египте (Песнь песней 8.6) и там же «изнемогают от любви». Достаточно, надо думать, подтверждений, говорящих за принадлежность Песни песней к эпохе Соломона.

Остается вопрос, какая роль отводилась Песни песней в Библии? Один из ответов дал ученый Иоганн Ветцштейн в своей работе, опубликованной в 1873 году, он указывал на свадебные обычаи в арабской части Орана. В

день накануне свадьбы невеста исполняет танец с мечом под аккомпанемент песни, восхваляющей ее украшения и прелести тела. Всю неделю, следующую после брачной ночи, молодую пару чествуют как царя и царицу и распевают самые разные песни.

И в Песни песней есть место о мечях (3.8), и влюбленные являются как жених и невеста, а также как царь и царица. Но правомерно ли переносить арабский обычай XIX века на добрых три тысячи лет назад? Атмосфера добрачной свободы, которая пронизывает Песню песней, не хочет вписываться в «супружеский образ» жизни. Ведь Песнь песней — торжество любовной игры, которой еще ничего не предписано. Возлюбленная еще не стала добропорядочной хозяйкой, еще ничего не знает и, пожалуй, не хочет знать о материнстве и уходе за детьми, никакая мораль не повисает на кончике указующего перста относительно великих и малых обязанностей в супружестве, верности и покорности.

Внимания заслуживает трактовка ученого Эрнста Вюртвейна, который с полным правом указывает на строгие формы заключения брака, где вряд ли допускалась свобода. Браки, как правило, не были выражением склонности друг к другу и любви, партнеров определяли родители и род. Брак заключался — и вот тогда вполне могло произойти все то, о чем так откровенно написано в Песни песней. В этом случае она становится своего рода зеркалом, в котором соединившиеся браком могли увидеть отблеск любви, какой они никогда бы не смогли узнать и испытать перед свадьбой. Значит, Песнь песней следует рассматривать как самоучитель по эротике для юных супругов? Насколько действенной оказывалась «шпаргалочка», текст умалчивает.

Нет, этого недостаточно. Песнь песней — это восхваление естественного зова любви, древнее восточное свидетельство слияния эротики с плотскими и духовными потребностями, предписание «любовь всегда права» в противовес всем общественным нормам. А для «эпохи Соломона» это значит, что пришло время освободить любовь и все, что ей сопутствует, от религиозных нравоучений и предоставить законное место праву человека на любовь. «Срывание покрыва тайны», т. е. придание любви человеческого образа, как нельзя лучше соответствует «Соломонову просвещению», особенно после того как он зашел так далеко, что отобрал у священников право на суд. На «Соломонову эпоху» приходится «очеловечивание» не столько нравственный стороны отношений, лежащих на поверхности, сколько глубинных — в области чувств.

Отбросим в сторону эмоции и снова вернемся к тому, что гарем Соломона был выражением его усилий жить в мире со своими соседями. Но как он осуществлял мирную политику внутри государства?

Ключ к этому дает один библейский документ, отображающий деление Израиля на уделы во времена Соломона. Речь идет о том неоднократно обсуждавшемся перечне, который предстает пред нами в виде сухого перечисления, включенного в легенды о Соломоне (3 Царств 4.7).

Список не связан ни с предыдущим рассказом о Соломоновом суде, ни с последующими записями о премудрости Соломона. Этот документ и его списочный характер претендуют на историческую подлинность. Соломонов список — это единственное свидетельство административного деления страны, которое есть в Библии. Как правило, списки для историков что сухой корм. Но списки могут многое объяснить, это блестяще доказывает Соломоново деление на уделы.

Список показывает деление Израиля на 12 управляемых уделов, у каждого из которых был назначен приставник. Ошеломляющее открытие: в нем нет племени Иуды, включая столицу Иерусалим. Таким образом, деление на уделы относилось только к Северному Израилю. К чему бы это? Очевидно, в списке отражается факт, который всегда играл большую роль в истории: разделение Северного и Южного Израиля.

Уже оба восхождения Давида на трон показали нам эту двойственность. Давид стал вначале царем Иудеи и только спустя семь лет — царем Северного Израиля. Единственно благодаря личности царя объединяется то, что первоначально развивалось в отрыве друг от друга. Соломону тоже не удалось ликвидировать дуализм.

Иудея оставалась отдельным царством, на особом положении, которое игнорировало объединение в общую государственную систему. Так было с самого начала, так и продолжало оставаться. Сразу после смерти Соломона (926 до н. э.) удерживающаяся до тех пор царем империя снова распалась на два государства. Иерусалим не являлся уже столицей всего Израиля, а только государства Иудеи.

Следовательно, нужно предостеречь от того, чтобы суть государственного устройства, по Соломону, понимать как единое государство в современном смысле. С этой точки зрения, интересно взглянуть, как оценивают такое положение дел современные историки.

Так, крупный израильский историк и археолог Иоханаан Ахарони

приходит в конце концов к негативной оценке Соломонова деления на районы, которое углубляло двойственное положение Иудеи и Северного Израиля. Ахарони усматривает в неопределенности дуализма у обоих государств «самую тяжкую» ошибку Соломона. Эта уничтожающая оценка становится понятной, если исходить из нынешних общеизраильских интересов.

Сколь сложным в действительности было Соломоново государственное устройство, показывает список 12 уделов. Удивительным образом уделы со старыми израильскими названиями племен соседствуют с уделами, которые названы по городам, бывшим хананейским городам-государствам.

Итак, совершенно очевидно, что Соломон не присоединял хананейские города-государства к отдельным израильским племенам. Это тонко подмечено, так как другие свидетельства из Библии более чем ясно показывают, что хананейские города были изуродованы израильскими племенами.

Хананейские города-государства хотя и не присоединялись к племенам, но подчинялись царю или его приставникам. Несмотря на подчиненность их царскому суверенитету, Соломон уважал географическую «автономию» доизраилевских городов-государств, еще одно подтверждение того, что государство, с точки зрения Соломона, нельзя трактовать как «всеизраильское» в узком смысле.

Мы приводим здесь перечень округов, географически построенный относительно перспективе царского двора в Иерусалиме.

1. Первый царский удел расположен севернее Иерусалима и охватывает горы Ефрем, селились сыновья Иосифа Ефрем и Манассия.

2. Уделы со второго по пятый — это названия старых хананейских городов, идентификация которых пока что удалась только частично. Во втором округе идентифицированы однозначно только два из пяти: Беф-Шемеш и Шаалбим в долине Аиялон. Итак, мы находимся юго-западнее Ефрема. На эту область претендует израильское племя Дана, чьи претензии, однако, никогда не были удовлетворены (Иисус Навин 19–40; 3 Царств 1.35). И Соломон ничего здесь не изменил.

Хананейские города-государства продолжали существовать и в его времена; племя Дана, напротив, не вошло в Соломонов список. Это ясно показывает, что политика Соломона не была обращена назад. Он не поддерживал притязаний, которые могли бы побудить, например, данов занять первоначально обещанную им область — вместо городов-государств. Во втором округе располагалась также средиземноморская

гавань Яффа, через которую доставлялся лес для строений Соломона.

3. Третий удел примыкает с севера к Ефрему. Там находится город Сохо, который Альбрехт Альт смог идентифицировать на выходе из долины Набла. Это место упоминалось уже в древнеегипетских папирусах в середине второго тысячелетия, например, в палестинском перечне, который велел сделать фараон Тут-мос III после своего азиатского похода.

4. Северный удел обозначается как «Возвышенность Дора», он примыкает к третьему с севера. Дор был крупной хананейской гаванью.

5. В пятом уделе находятся крупные хананейские города-государства в долине Изрееля: Фанаах, Мегиддо и Беф-Сан. Когда-то они вместе с расположенными севернее Ефрема городами-государствами вклинивались между Средней и Северной Палестиной. Образование этого «хананейского удела» чрезвычайно интересно, постольку на эту область, и в особенности на перечисленные города-государства претендовало племя Манассии (3 Царств 1.27). Соломон не пошел на это, а выразил уважение старой хананейской традиции.

6. Следующие шесть уделов, напротив, приспособляются к традиционному делению по племенам. Шестой и седьмой уделы расположены к востоку от Восточного Иордана и образуются племенами Галаада и, вероятно, племенем Гада, имя которого, однако, не упоминается. Восьмой охватывает восточно-галилейский удел Неффалима, девятый — западно-галилейский Асира, десятый — Иссахара. Одиннадцатый — самый маленький израильский удел — Вениамина, лежит узкой просекой между Иудеей и Ефремом. От удела Вениамина взгляд направляется еще раз на расположенный напротив Восточный Иордан, где находится двенадцатый удел, южнее седьмого.

Список говорит о реализме Соломона. Он окончательно распрощался с иллюзией, что 12 колен, по традиции, образуют союз племен. Ни одного слова о племени Левий, которое уже давно было рассеяно среди других племен, ни одного упоминания о племени Симеона, которое было, очевидно, разбито во время военной попытки захвата земли в Сихеме (Бытие 34). Не упоминаются также племена Рувима, Завулону, Гада и Дана.

Соломон явно не был территориальным ревизионистом, силой создававшим то, что не имело шансов выжить. Наоборот, он ищет компромисс с хананейскими городами-государствами, которые хотя и входят в состав его царства, напрямую подчиняются престолу. Таким образом, Соломоново царство оказывается высокоорганизованным и пульсирующим образованием в нашем понятии государством — и не единым, и не национальным. Это государственный политический

эксперимент: как соединить несоединимое для обеспечения мирного сосуществования североизраильских племен и южного государства Иуды, израильтян и хананейцев при отсутствии всех претензий на реституцию израильских племен к хананейским городам-государствам.

Соломон не был политиком-реставратором, он не руководствовался застывшими религиозными догмами, и прежде всего это можно отнести к 12 племенам. Этот аспект необходимо подчеркнуть, так как многочисленные библейские авторы по данному вопросу мыслят иначе.

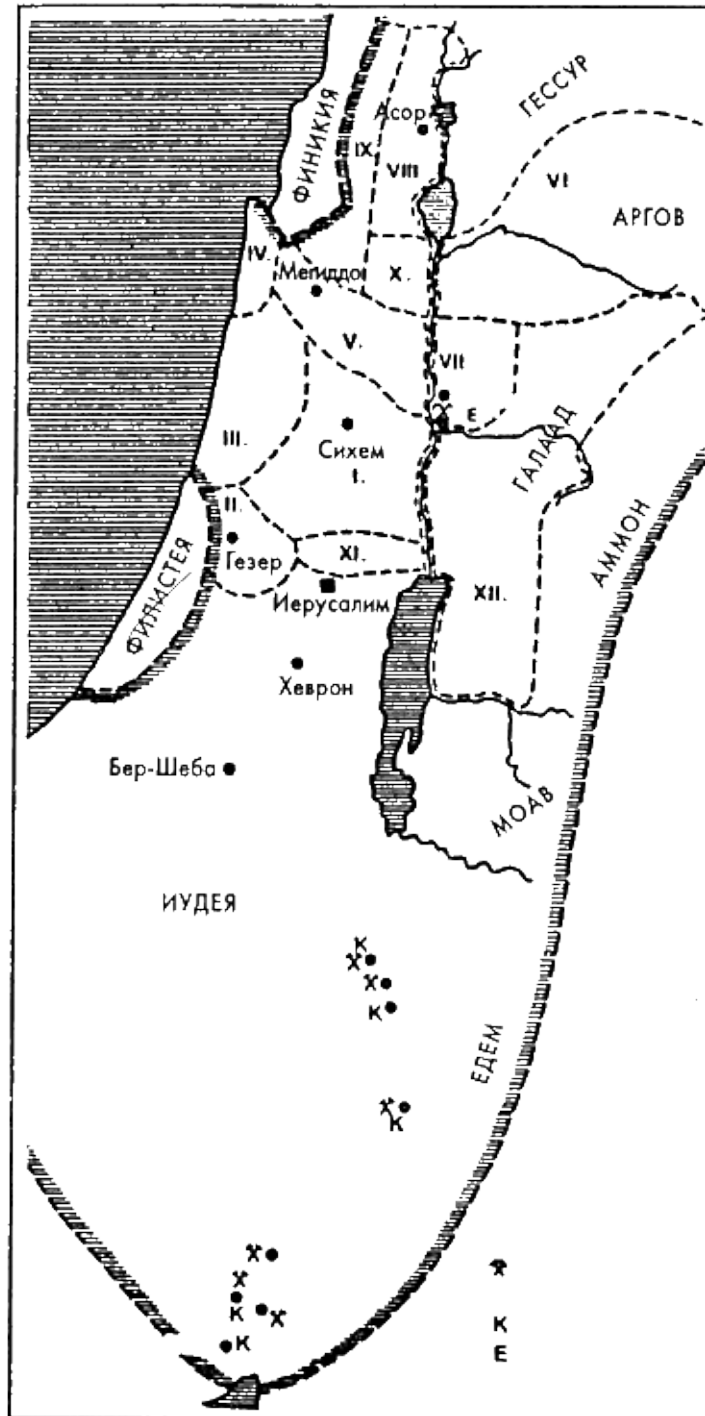

Рис. 10. Уделы, управляемые Соломоном.

Соломон никогда не руководствовался религиозно-политической идеологией 12 племен. Он был умнее всех библейских «теоретиков», потому что руководствовался политической действительностью. А мудрым Соломона назовут потому, что в своем царстве он опирался на примирение и мир.

Библейские авторы не поняли его мирной концепции. Для них реформа управления была просто средством, гарантирующим снабжение царского двора в Иерусалиме. Ведь каждый из 12 уделов должен был в течение месяца обеспечивать поддержку царского двора:

«И те приставники доставляли царю Соломону, все принадлежащее к столу царя, каждый в свой месяц, и не допускали недостатка ни в чем. И ячмень и солому для коней и для мулов доставляли каждый в свою очередь на место, где находился царь» (3 Царств 4.27).

Так говорится в приложении к списку, с конца эта запись перекочевала в начало и стала введением (3 Царств 4.7), указанием на то, что порядку уделов приписали впоследствии «функцию снабжения». Снабжение, пожалуй, происходило совсем не так, как нас хотят убедить библейские авторы. Согласно их описанию каждый из 12 уделов должен был в течение месяца являться для обеспечения царского двора. Вряд ли такое вероятно, с исторической точки зрения, ведь совсем маленькие уделы, как, например, Вениаминов, тогда должны были нести такие же тяготы по снабжению, как и большие, располагавшие значительно большими ресурсами. Мы не будем оспаривать, что на отдельные уделы возлагалась функция снабжения, однако решающий мотив Соломона в его реформе был тем самым односторонне искажен: мирная политика, направленная на примирение различных географических, исторических и национальных данностей.

Список дает нам разъяснение по поводу царских приставников, которые были поставлены управлять уделами. При этом можно наблюдать нечто удивительное: названы имена семи высших царских чиновников, имена же других пяти не называются, а лишь обозначены как «сын Х». Было предложено два объяснения этого феномена «безымянных людей». Одно объясняется повреждением текста, в связи с чем правый край списка с указанием имен оказался утраченным и осталось только такое указание на имя, как «сын Х».

Другую интересную трактовку предложил Альбрехт Альт. На основе многочисленных списков из Рас-Шамры и Египта он смог доказать, что «люди без имени» были царскими служащими, такими как воины с боевых колесниц, конюшие, священники, должности которых передавались по

наследству. Их называли не собственными именами, а именем первого обладателя должности, переходившей к сыну. Обращает на себя внимание то, что «людьми без имени» являются только приставники уделов со второго по шестой, т. е. тех уделов, которые с давних пор считались хананейскими. Вывод ясен: Соломон назначал в хананейские уделы не израильских приставников, а представителей древней хананейской знати, облеченных служебной властью. Это означает, что он не вытеснял хананейских высших слоев, а включал в царский государственный союз — еще одно доказательство мирной внутренней политики Соломона.

То, что политическая деятельность Соломона была направлена на поддержание мира, можно понять из еще одного списка, где перечисляются министры царского двора. Этот список, на первый взгляд, тоже может показаться сухим. Но более пристальное изучение дает интересные результаты:

«И вот начальники, которые были у него: Азария, сын Садока священника: Елихореф и Ахия, сыновья Сивы, писцы; Иосафат, сын Ахилуда, дееписатель; Ванея, сын Иодая, военачальник; Садок и Авиафар, священники; Азария, сын Нафана, начальник над приставниками, и Завуф, сын Нафана священника — друг царя; Ахисар был начальник над домом царским; Адонирам, сын Авды — над податями» (3 Царств 4.2).

О чем говорит нам список приставников? Во-первых, о том, что он не мог исходить из раннего этапа правления царя, ведь в должности старшего священника был не Садок, а его сын. Кроме того, называется новая, созданная Соломоном должность начальника над податями, которая могла быть введена только после разделения на уделы.

Во-вторых, список показывает, что Соломон придавал большое значение преемственности. Должности писца, дееписателя, начальника над домом царским, военачальника и священника ввел еще Давид (2 Царств 8.15; 20.23). «Друг царя» тоже появляется еще во времена Давида (2 Царств 15.37; 16.16). Вероятно, эта должность заимствована из египетской традиции. Ведь в письмах Амарны времен Эхнатона (1370 до н. э.) царь Иерусалима объясняет, что он «*guhi*» фараона. Выражение «друг царя» (*re'eh*) могло быть заимствовано из египетского обихода. С тем же успехом можно принять и месопотамское происхождение должности. Тогда «другом царя» предполагался человек, который давал советы в брачных и семейных делах. Памятуя о длительной брачной политике Соломона, можно было бы считать это приемлемым объяснением.

Соломон не забывает широко использовать приставников отца: дееписателем царя продолжает оставаться тот, кто служил еще у Давида.

Дееписателя мы должны представить как своего рода придворного герольда, «кто повторяет, призывает, оповещает», так написано в египетских источниках. При Соломоне проявились также некоторые формы наследственной знати.

Азария, который в священничестве следует за своим отцом Садоком, а также Азария и Завуф, сыновья придворного пророка Нафана, возглавлявшего сторону Соломона при возведении на престол.

С другой стороны, Соломон расширил список должностей и распределил их. Была создана должность начальника над податями, чтобы обеспечивать финансовую потребность в строительстве; далее, должность начальника над приставниками в отдельных уделах, а также должность начальника над домом царским, вероятно, надзирающим за сундуками. Как у египтян, ему доверялись также ключи, на что пророк Исаия позднее замечает: «И ключ дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет; запрет он, и никто не отворит» (Исаия 22.22).

В отличие от Давида у Соломона были два писца, которые должны были справляться с обширной перепиской, возможно, зачитывали царю документы (4 Царств 23). Крестным отцом должности был «царский писец фараона», в Египте он пользовался большим уважением. В Израиле, правда, писцы подчинялись начальнику над домами царскими. Если мы еще раз взглянем на список министров Соломона, то сразу становится заметным сильное египетское влияние.

А теперь о нескольких важных различиях в Давидовом аппарате. Прежде всего бросается в глаза, что некоторые имена не израильские: Адонирам — это финикийское имя, так же как и Авда, имя его отца. Имя писца Елихорефа и его отца Сивы могут быть египетского или хурритского происхождения. У Соломона, очевидно, не было никаких трудностей с назначением иноземцев на высокие должности — признак, уже не раз наблюдаемый нами при дворе.

Второе важное отличие от перечней Давида касается положения военачальника. Если у Давида он на первом месте, то у Соломона здесь священник, писец, дееписатель. И лишь на четвертое место попадает главнокомандующий (*al ha zaba'*), который, нужно отметить, никогда не вступает в военные действия.

Это соответствует падению интереса к военному делу при Соломоне. Три следующих наблюдения подкрепляют это мнение. Во-первых, у Соломона был только один главнокомандующий, в то время как Давид содержал два высших военных чина: Иоав — командующий войском и Ванея — главный над царскими телохранителями, бывшими в основном

чужеземцами. Отсюда пошло выражение Krethi und Plethi («критяне и филистимляне»).

Во-вторых, «критяне и филистимляне» вообще не появляются в списке Соломона. Это тем более удивительно, что они сыграли важную роль во время волнений из-за власти, так как приняли сторону Соломона против Адонии. Они были теми, кто во время возведения Соломона на престол у источника Гион сопровождал и охранял его (3 Царств 1.38). Мы не хотим этим сказать, что Соломон послал бы своих телохранителей в пустыню. Против этого говорит уже то, что он распорядился изготовить для них 500 золотых щитов, которые позднее были поставлены в доме из ливанского кедра (3 Царств 10.16). Но все же список начальников говорит о том, что «критяне и филистимляне» в последующее время у Соломона уже не представляли собой «управленческой единицы».

И в-третьих, обращает на себя внимание то, что больше не появляются и загадочные «герои» Давида, бой-цы-одиночки, которые встречались в поединке и решали судьбу целого сражения. Один из них — Елханан — нам уже встречался. Он, а не Давид, убил Голиафа (2 Царств 21.19). Умолчание о них потому столь примечательно, что «герои Давида» во время борьбы за власть тоже отдали голоса за Соломона (3 Царств 1.8).

Таким образом, список начальников Соломона говорит нам как раз о том, о чем не говорит: разучившийся воевать военачальник, который находится в постоянном запасе, урезанное войско, телохранители, которые больше не являются «административной единицей», «военные герои», которых не замечают. Сомнений нет: Соломон предпринял последовательное «разоружение».

Сухие, на первый взгляд, архивные списки времен Соломона дают нам ценные сведения о глубинных причинах ведения мирной политики: военный аспект уступает место «мирному» решению вопросов.

Внутреннее правление относится с уважением к растущим различиям между Северным и Южным Израилем и к территории хананеев. Сколь впечатляющий показатель активности мирной политики, которая потерпела поражение в тончайшем разветвлении правительственного аппарата.

Войсковая реформа Соломона

Соломон не был приверженцем политики с позиции силы. К военному делу царь относился, очевидно, более чем сдержанно. Но этому

противоречит сообщение о том, что ему принадлежит поистине революционное нововведение — армия колесниц.

Давайте вспомним: древнеизраильским племенам был единственно известен только созыв всенародного ополчения, который относился ко всем способным держать оружие и достойным мужчинам в пределах одного племени и проводился только в случае войны. По окончании войны всех вновь отпускали для нормальной жизни. Только при царе Давиде состояние войска принципиально изменилось. Было создано войско из наемников, которое первоначально набиралось из сомнительных партизан, которые присоединились к Давиду в его ранний период, а также из иноземцев, подчинявшихся только царю. Всеобщее народное ополчение, однако, продолжало существовать; оно созывалось, когда того требовали всеизраильские интересы, например, при походах на соседние народы.

В этой связи интересным является то, что Давид во время восстания Авессалома смог опереться только на войско, состоявшее из наемников-иноземцев (2 Царств 15), всех остальных Авессалом перетянул на свою сторону. Переговоры Авессалома с отдельными племенами, а также начало войны по звуку бараньего рога, во всяком случае, соответствуют порядку ведения войны народным ополчением в Древнем Израиле.

Использование наемников Давидом тем не менее не стоит принимать безоговорочно. Это подтверждает одна удивительно темная история, речь идет о проведении переписи населения, доверенной Иоаву. Тот сделал свое дело достаточно неохотно, и оно, совершенно очевидно, касалось вербовки и осмотра наемников (2 Царств 24). Таким образом, война входила в ведение царя, в то время как предоставление воинов до того ложилось на плечи верховных властей отдельных племен. Давиду было точно известно, что он нарушает древнее право племени, когда с помощью подсчета населения хотел превратить слабый союз племен в хорошо организованное военное государство. Не удивительно, что в результате прозрения пророк Гад, по велению Господа, предсказал моровую язву, которая поразит не самого Давида, а весь народ.

Интересно, что Соломон отказался от смешения в одном войске наемников и ополчения. Во всяком случае, нет ни одного слова времен Соломона об общем ополчении. Отдавая дань закону о древнеизраильском созыве ополчения, не стоит, пожалуй, забывать об ударе, который перенес Давид и помнил Соломон: раз и навсегда следовало положить конец организации войска против царя.

Дальше — больше, Соломон приложил все усилия, чтобы осовременить свое наемное войско. Во всяком случае, так было принято

считать вплоть до сегодняшнего дня. Сделать это можно было посредством создания армии колесниц. Он входит в число древневосточных могущественных государств, в которых колесницы были известны уже с середины второго тысячелетия до н. э. Царство Митанни, в Северной Месопотамии, свои подъемом было обязано использованию колесниц и таланту воинов, управлявших ими.

Из Митанни техника колесниц распространилась к хеттам и египтянам. Царь Давид относился к колеснице скорее скептически. Ему никогда не приходила мысль ввести их в боевые действия. Когда захватили боевых коней врага, то им подрезали жилы, как после победы Давида над Адраазаром, царем Сувским (2 Царств 8.4). Нет, лошади казались израильтянам не только чужими, но и вызывали тревогу. Слишком сильно засела в них традиция кочевников, имевших дело с мелким рогатым скотом. Им хорошо известны овцы, козы, ослы и мулы, лошадей же они почти не видели.

Совсем иначе было с Соломоном, он держал колесницы в Израиле по колесничным городам (3 Царств 10.26). С численностью же армии не совсем ясно. В одном случае говорится о 4 000 стойл для коней и колесниц и 12 000 всадников (2 Паралипоменон 9.25). В одной колеснице, вероятно, находились три человека, как это было у хеттов: управляющий, воин и щитоносец. У ассирийцев иногда указывается три, иногда два человека. В египетских изображениях на колеснице почти всегда изображен сам царь, что свидетельствует о его «божественном» происхождении, но не соответствует реальному положению вещей.

Другая запись содержит иные данные о численности колесничной армии: 1 400 колесниц и 12 000 всадников; возможно, сюда прибавлен резерв или обслуга. Во всяком случае, эта армия считалась большой, поскольку остались сведения, что она размещалась в специальных городах (3 Царств 9.19; 10.26).

Археологи многое бы отдали за то, чтобы разыскать эти колесничные города. Раскопки в Мегиддо (1925–1939) и Асоре (1928), на которых мы еще подробно остановимся, в самом деле дают возможность видеть большие, сложенные из монолитов здания. Их тогда идентифицировали как «конюшни Соломона» и с тех пор показывают всем туристам, приезжающим в Израиль. На основе последующих раскопок (1954–1958 гг. в Асоре и 1960–1972 гг. в Мегиддо) стало ясно, что эти здания были построены лишь спустя несколько десятилетий после Соломона при царе Ахаве. И были ли это вообще конюшни — вопрос спорный. Здесь может идти речь о домах для запасов. И, к сожалению, нам придется смириться с

фактом, что конюшни Соломона до сих пор не найдены.

Однако вернемся к Соломоновым колесницам. Какова их задача? Поскольку Соломон не вел войн, отпадала всякая мысль об использовании их в боевом качестве. Это вытекает из того, что нигде речь не идет о появлении пеших воинов, а только о колесницах и всадниках.

Тем самым отпадает и вторая возможность трактовать боевые колесницы как средство запугивания для армии противника. Ясно, что для ведения войны колесницы играли важную, даже решающую роль, но без пехоты они многое теряли. И снова Авессалом и Адония указывают нам на своеобразное применение боевой повозки: ее сопровождали 50 скороходов или всадников (2 Царств 15.1; 3 Царств 1.5).

Мы приближаемся к третьему объяснению. Так как сообщения о Соломоновой армии колесниц стоят рядом с сообщениями о его богатствах, напрашивается предположение, что Соломон поддерживал значительную армию колесниц только из представительских соображений. Его богатство выражалось не только в числе его жен, количестве золота и серебра, но и в помпезности колесничной армии, которая явно смахивает на опереточную.

Эту интерпретацию можно, пожалуй, дополнить. Колесницы и кони в предании о Соломоне появляются не в связи с военными действиями, а исключительно как прибыльный товар: «Коней же царю приводили из Египта и из Кувы; и царские купцы покупали их из Кувы за деньги. Колесница из Египта получаемая и доставляемая была за шестьсот сиклей серебра, а конь за сто пятьдесят. Таким образом они руками своими доставляли все это царям Хеттейским и царям Арамейским» (3 Царств 10.28).

Теперь мы получили представление о том, для чего л^е в действительности служили колесницы и кони. Соломону была выгодна торговля — боевые повозки он покупал в Египте, а коней — в малоазиатской Киликии. Так как торговые пути между югом и севером проходили через Израиль, Соломон, возможно, занимал монопольную позицию, которой намеренно пользовался.

Так, может быть, столь часто упоминаемые города колесниц нужно понимать как «торговые города», где колесницы и кони, предназначенные для продажи, временно пребывают на «промежуточном складе»? Трудно поддающееся счету количество колесниц, коней и всадников обозначает тогда не обязательно величину армии и указывает на торговые объемы экспорта коней. Так ли это? Мы считаем, да, даже если до сегодняшнего дня ни один историк или толкователь текстов не сказал своего слова.

Поэтому взглянем внимательнее на то, как оформлены в тексте города для колесниц:

«И построил Соломон... все города для запасов которые были... и города для колесниц и города для конницы и все то, что Соломон хотел построить в Иерусалиме, и на Ливане и во всей земле своего владения» (3 Царств 9.17).

Занимаясь подсчетом Соломоновых городов, мы обнаружили нечто весьма примечательное: «города колесниц» перечисляются отдельно от «городов конницы». Говорится не о «городах колесниц и конницы», а о «городах колесниц и городах конницы», как если бы существовали отдельные города для того и другого. Но если боевые колесницы и конница находились не в одних и тех же городах, тогда рушится вся теория «городов для боевых колесниц», если брать военный аспект, т. е. теория городов-казарм, боевые колесницы без конницы все равно, что рыцарь без доспехов или тело без головы. Но раздельное «хранение» колесниц и конницы великолепно вписывается в теорию использования их в качестве товара.

Мы не хотим перехлестнуть в наших оценках. Возможно, есть и другие, в том числе и военные соображения, объясняющие устройство городов для колесниц. Однако все уже приведенные нами наблюдения — разжалование верховного главнокомандующего, отсутствие героес-одинок, критян и филистимлян и добавившиеся сюда нежелание проводить вербовку всеобщего народного ополчения, умолчание о пеших воинах, использование боевых колесниц и коней для торговых целей — приводят к пониманию того, что военные концепции в мышлении Соломона если и не полностью изгладились, но занимали подчиненное, второстепенное место. Само по себе складывается впечатление, что Соломон в соответствии со своей политикой мира, овладевшей его мыслями и волей, последовательно разоружился.

Города-крепости Соломона

Соломонова политика безопасности дала нам понять, насколько мало значения он придавал всему, связанному с войной. Но о том, что он не забывал о своем предназначении власти предержащей, говорит его активность в построении городов-крепостей. О них тоже сообщается не так уж много, только несколько строк в Библии. Но там есть указание на местность:

«Вот распоряжение о подати, которую наложил царь Соломон, чтобы построить храм Господень и дом свой, и Милло, и стену Иерусалимскую, Газор, и Мегиддо, и Газер... И построил Соломон Газер и нижний Бефорон, и Валааф и Фадмор в пустыне» (3 Царств 9.15).

Там, где Библия дает хотя бы скудные указания, археолог берется за лопату. И без преувеличения можно сказать, что результаты раскопок за последние 30 лет дали захватывающие разгадки о тех городах, что являлись городами-крепостями Соломона. И если верны слова: «Библия права», то это относится к следам Соломона в его городах.

Все города-крепости Соломона располагались в стратегически важных местах. Газер находился у подножия холмистой местности, которая поднималась от западного равнинного побережья. Оттуда из Виа Марис контролировали главную прибрежную дорогу с юга на север. По дороге из Газера в Иерусалим расположены другие города, среди них Нижний и Верхний Бефорон. С городами Аиалон, Гаваон, Вефиль и Иерихон Газер относился к тому поясу городов, который как поперечина вдавался между Южной и Средней Палестиной. Мегиддо образовывал вместе с городом Бед-Шеаном северную поперечину и владел всей богатой и плодородной долиной Изрееля. Он служил также для контроля Кармель-Пассэ, который представлял собой самое благоприятное соединение Египта и Северной Сирии. Асор, располагавшийся еще дальше, на севере Палестины, господствовал над галилейской частью долины Иордана.

Ни один из этих городов не был основан Соломоном. Это были хананейские города-государства, которые многократно упоминаются в древневосточных источниках. Асор всплывает уже в египетских опальных текстах, которые сочинялись с 1900 до н. э.

Из египетских источников известен также Мегиддо. В 1468 до н. э. здесь состоялась та знаменитая битва, которую описал со всеми подробностями фараон Тутмос III в ставшем знаменитым отчете. Газер тоже в нем упоминается.

Соломон хотя и не был основателем этих городов, назывался «новым основателем». Дело в том, что к его времени эти когда-то столь могущественные города были уже давно разрушены и обречены на вымирание. Асор был разрушен в XIII веке, Мегиддо — в 1100 до н. э. Газер уже во времена Соломона воевал с Египтом, еще до того, как был передан Соломоном своей египетской жене в качестве свадебного подарка. Соломону принадлежит заслуга в том, что он понял стратегическое значение этого города: «Они созрели для нового открытия», по меткому выражению археолога Кэтлин М. Кенион.

Издавна археологов интересовали эти редко упоминаемые в Библии города. Их раскопки представляют собой захватывающую игру, полную ошибок и триумфов. Волнующая страница раскопок была написана в Асоре. Уже в 1875 г. ученый И. Л. Портер выдвинул тезис, что Асор находился в месте, которое арабы называли Тель Эль-Куеда, или Тель Эль-Баггас. Свое предположение он обосновал по внешнему виду, без раскопок: «К западу от места, где я сидел, было начало низины Хенгай. Я сел на лошадь и поехал по широкой тропе, похожей на старую проселочную дорогу, вверх по южному склону, и обнаружил руины какого-то древнего города. Ни одного здания — даже фундамента — не осталось в целости. Горы камней, обрушившиеся колонны, остатки храма и алтаря с греческой надписью — вот и все, что покрывало это место. Я тогда подумал, что это, вероятно, руины Асора, и с тех пор это предположение все больше и больше укреплялось во мне».

Рассуждения Портера вначале не принимали всерьез до тех пор, пока в 1928 г. Джон Гарстанг не начал раскопки в Тель Эль-Куеде и не подтвердил предположения Портера. Вызывающие любопытство находки появились при раскопках, проведенных экспедицией Ротшильда в 1955–1958 гг. Руководитель раскопок опубликовал результаты в 1958 г. Только ему удалось доказать, без всякого сомнения, идентичность Тель Эль-Куеды с древневосточным Асором. При раскопках был найден обломок глиняной дощечки, которая документально подтверждает тяжбу за обладание землей в Асоре. Таким образом, произошел редкий в археологии случай, когда существование библейского города было однозначно подтверждено документом.

Уже во втором тысячелетии до н. э. Асор был впечатляюще крупным городом, который делился на Верхний город времен раннего бронзового периода и Нижний город времен среднего бронзового периода. Археологической сенсацией стало доказательство того, что нижняя часть города была разрушена около 1250 до н. э. Доказательством послужили гончарные изделия, найденные в сгоревшем слое, которые однозначно принадлежали тому времени: так называемая микенская керамика. Гончарные изделия этого типа использовались тогда во всем древневосточном регионе. По поводу того, насколько возможно разрушение Асора приписать израильтянам в ходе захвата земель Иисусом Навином или другим племенам, находящимся в поиске земель, до сих пор жаростно спорят.

Еще одна, правда, разочаровывающая сенсация: когда археологи начали раскапывать Верхний город там, где Джон Гарстанг раскопал ряд

монолитов, он принял девять великолепно сохранившихся глыб в восьмом слое за несущие опоры здания, которое могло быть идентифицировано с одной из «конюшен Соломона». Но кое-кто опроверг это. На основе найденных гончарных изделий и точного анализа последовательности слоев, которого Гарстанг не проделывал, смогли доказать, что «конюшни Соломона» — действительно впечатляющее здание — датированы временем царя Ахава (871–852 до н. э.).

Рис. 11. Микенская керамика

Гибель археологической легенды о появлении экспонатов времен Соломона повергла в шок. После того как археологи полностью очистили огромный зал с опорами времен Ахава, они увидели в камне, которым было выложено помещение, углубление, его нужно было объяснить: «Не обязательно быть гением или даже просто археологом, чтобы отважиться на вывод, что мостовая над руинами более ранних слоев была вдавлена в тех местах, которые соответствовали промежуточным помещениям между

стенками более раннего слоя».

Если под залом с опорами времен Ахава действительно находилось здание, это означало, что они были очень близки ко времени Соломона, может быть, даже входили в него. В десятом слое раскопали нечто похожее на воинское расположение. Однако неизвестно, действительно ли шла речь о строении времен Соломона, поскольку точная датировка периода между Соломоном и Ахавом не могла быть определена.

Чтобы получить полную уверенность, начали раскопки восточнее здания с опорами, где Гарстанг уже вскрыл одно захоронение, и натолкнулись на две параллельные основные стены, которые были соединены между собой вертикальными разделяющими стенами — очевидно, частью какого-то оборонительного сооружения. Четыре таких помещения были полностью раскопаны, еще два частично — по 10–12 метров, наружные стены примерно 1,5 м и промежуточные 1 м толщиной. Каждое помещение имело отдельный вход. Возник вопрос, действительно ли археологи натолкнулись на Соломоново городское укрепление.

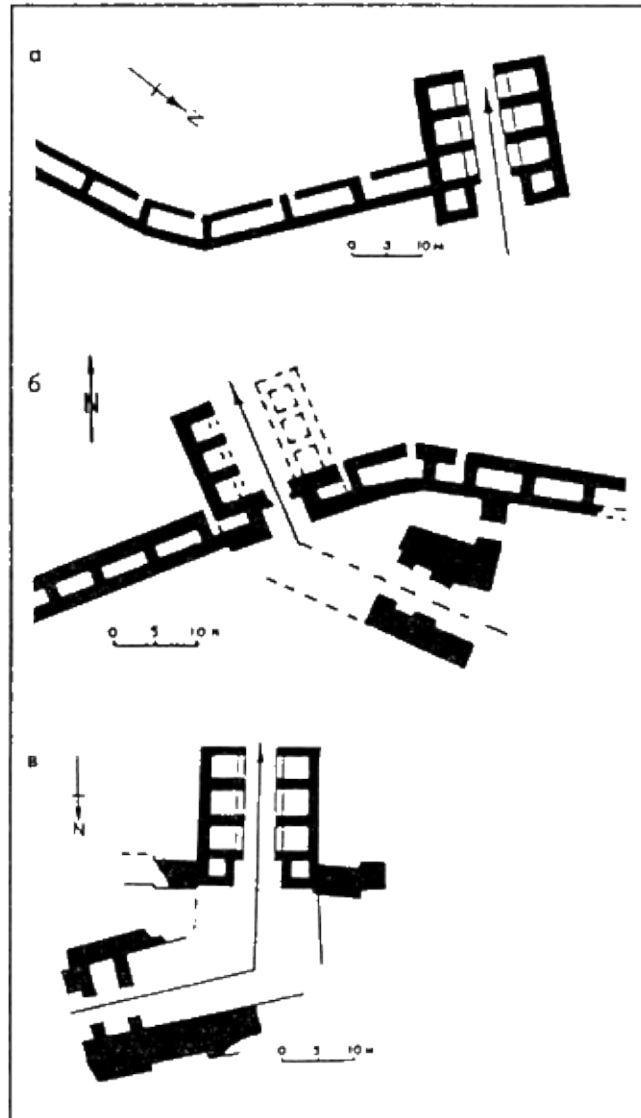

Рис. 12

Крепостные ворота в Асоре (а),

Газере (б) и Мегиддо (в)

Окончательная ясность появилась, когда чуть севернее археологи натолкнулись на большое строение, соединенное стенами: ворота крепости

Асор. Решающий этап раскопок описан весьма впечатляюще: «Мы сразу же поняли, что нашли ворота, связанные с укреплением. Вскоре выяснилось, что структура — шесть помещений и две башни, а также параметры совпадают с параметрами ворот в Мегиддо, а их археологи отнесли к городу Соломона. Возбуждение в лагере нарастало. Вот оно, настоящее доказательство! Не только потому, что мы могли отнести этот слой к Соломону, ворота подтверждали также точность библейского текста, по которому Соломон действовал именно в этих городах. Наше состояние достигло пика. Помню, нас осенила идея, как произвести впечатление на наших рабочих: еще до того, как более или менее четко проступили контуры ворот, мы начертили на земле план Мегиддо, поместили углы и стены колышками и велели рабочим рыть согласно чертежу. Потом торжественно объявляли: «Здесь вы найдете стену» или «Тут вы скоро увидите комнату». Когда «предсказания» попадали в точку, мы невероятно приобретали в весе и считались чуть ли не волшебниками. Но наши образованные рабочие, в большинстве своем уже не молодые евреи, недавно еще жившие в Северной Африке, прилично разбирались в Ветхом Завете. Когда мы зачитали им строки о деятельности Соломона в Асоре, Мегиддо и Газере, наш авторитет заметно пошатнулся, а вот Библии, напротив, окреп».

После ворот раскопали укрепление Соломона, которое имело такой же план, как и в Мегиддо. Каждое сооружение у ворот состояло из шести складов, по три на каждой стороне, с одним проходом и соответственно одной квадратной башней по обе стороны от входа. Строение из шести помещений, как доказал Иоханаан Ахарони, было усовершенствованием в устройстве ворот времен Давида.

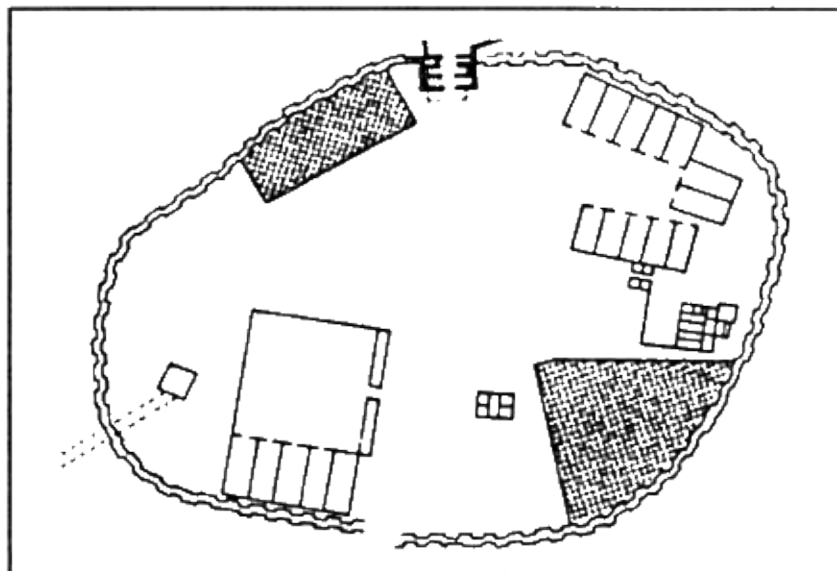

Рис. 13. План Мегиддо

Соломоново строение могло быть складом, как в Асоре, так и в Мегиддо, и наводило на мысль, что в основе всех крепостных городов лежал один и тот же план. Для этого необходимо было предпринять раскопки Газера, третьего называемого в Библии города-крепости Соломона. Уже в 1902–1909 гг. ирландский археолог Р. А. С. Макалистер провел здесь большую археологическую кампанию, но не смог обнаружить связи с Соломоном.

Ядин изучил отчеты Макалистера и его словно ударило током, когда он исследовал план «крепости Маккабеер», как ее называл Макалистер. Чертеж однозначно представлял стену укрепления, помещение для охраны и часть городских ворот — т. е. то же, что в Мегиддо и Асоре. Ядин был уверен, что речь шла не о части крепости Маккабеер, а о воротах Соломона. Они были раскопаны в 1965–1973 гг. археологической экспедицией под руководством Уильяма Г. Девера в ходе нескольких кампаний. Найденные изделия из красной обожженной глины указывают на эпоху Соломона. А сравнение параметров (м) не оставляет никаких сомнений в том, что ворота Газера построены по тому же плану, что в Мегиддо и Асоре:

	Мегиддо	Асор	Газер
Длина ворот	20,30	20,30	19
Ширина ворот	17,50	18,00	16,20
Расстояние между башнями	6,50	6,10	5,50
Ширина прохода в воротах	4,20	4,20	3,10
Толщина стен	1,60	1,60	1,60
Ширина стен казематов	—	5,40	5,40

Раскопки Ядина были триумфом археологов, занимавшихся поиском библейских городов. Хотя археологическая легенда была разрушена, зато нашли Соломоновы крепостные ворота. Ну а как быть в таком случае с приписываемой Соломону стеной в Асоре и Газере, которая соединена с воротами?

Если строительство велось по идентичным планам, то она должна быть и в Мегиддо. Однако там нашли только защитную стену, которая охватывала холм, но никакой крепостной стены и в помине не было. Это не давало Ядину покоя. С 1960 по 1972 г. он снова и снова проводил кратковременные раскопки, ища крепостную стену Соломона.

Во время первой кампании под ошибочно идентифицированными «конюшнями Соломона» и частично под защитной стеной обнаружилась стена из тесаного камня. Ядин назвал ее «красивой».

Такую кладку приходилось наблюдать уже и раньше, при строительстве ворот Соломона. Стены относились к большому дворцу, располагались под прямым углом друг к другу.

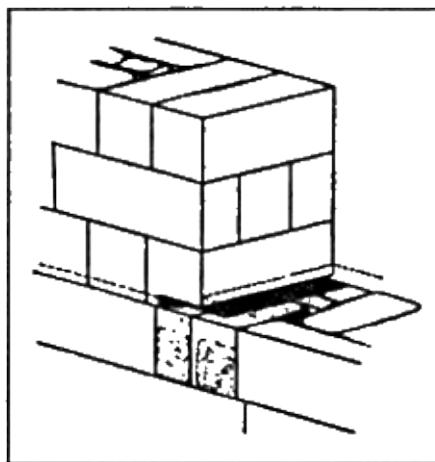

Рис. 14. Техника кладки стен

По аналогии с финикийскими строениями, это был церемониальный дворец, без сомнения. Все признаки — последовательность слоев в здании с опорами, которые могли быть отнесены ко времени Ахава, кладки стен в определенной технике, красная обожженная глина — подтверждали принадлежность к X столетию, времени Соломона.

То же самое относится и к еще одному дворцу, раскопанному на юге города и которому археологи присвоили номер 1723. Он находился на большой территории, вход куда тоже был найден. И этот дворец с вестибюлем, что вел в зал для аудиенций, с жилыми помещениями, которые выходили в большой внутренний двор, очень походил на северосирийские дворцы.

Разрушенные стены и найденная керамика объясняются просто: при царе Ровоаме, наследнике Соломона, египетский фараон Сусахим осуществил военный поход против Израиля. В Библии это описывается так: «На пятом году царствования Ровоама, Сусахим, царь Египетский, пошел на Иерусалим... С тысячью и двумястами колесниц и шестидесятью тысячами всадниками; не было числа народу, который пришел к ним из Египта, Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам; и взял укрепленные города в Иудее и пришел к Иерусалиму» (2 Паралипоменон 12.2–5).

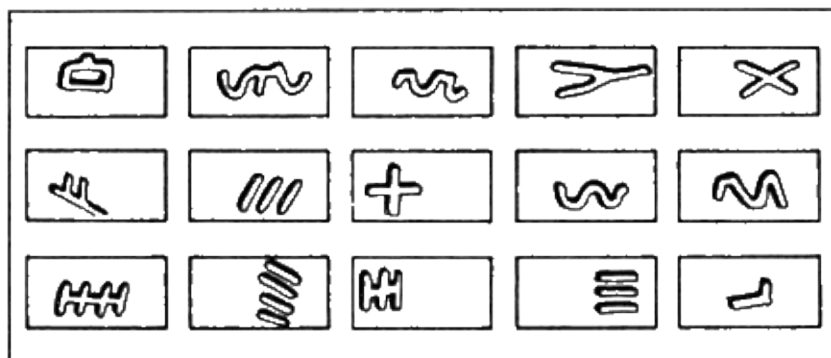

Рис. 15. Знаки мастеров-каменщиков при Соломоне

Библейский хронист ограничивается только царством Иудеей. Но счастливому случаю было угодно, чтобы у нас оказался собственный отчет Сусакима, из которого следует, что он прошел далеко на север Палестины, и упоминается непосредственно взятие города Мегиддо. И это еще не все, в Мегиддо при более ранних раскопках нашли стелу, на которой было начертано имя Сусакима. Таким образом, в Мегиддо обнаружили не только постройки времен Соломона, но и несомненные доказательства завоевания Сусакимом города, принадлежавшего Соломону, что произошло в 923 до н. э.

То, что нашли Соломонов дворец, впечатляло, но Ядин продолжал искать крепостную стену. Он решил копать примерно на 10 м. к востоку от угла дворца. Большой слой земли был снят и появилась крепостная стена длиной 36 м. Доказательство было налицо: все три города-крепости Соломона устроены по одному общему плану. Можно предположить, что тесаные камни от стены позже были использованы Ахавом для строительства своих зданий. Подтверждение тому — камни в строениях Ахава помечены знаками каменщиков, которые были приняты в строительстве при Соломоне.

Чтобы снять все сомнения, Ядин задумал проверку. Если слой с дворцом, воротами и крепостью относится ко времени Соломона, то лежащие под ними слои должны быть значительно старше. И действительно, копая под ложными «Соломоновыми конюшнями», обнаружили толстый слой пепла и в нем знаменитые «пивные кружки» в филистимейском стиле времен упадка, которые датированы второй половиной XI столетия.

Мы не знаем точно, кто разрушил Мегиддо. Некоторые исследователи считают, что это мог быть царь Давид. Но в Библии ничего об этом не сообщается. Независимо от вопроса результат остается однозначным: Соломоновы строения возникли на месте разрушенного города XI столетия, блестящее археологическое доказательство библейского предания.

С Мегиддо связан еще один археологический сюрприз, указывающий на время Соломона. Речь идет о ставшей знаменитой галерее 629, которая находится к западу большого южного здания и под защитной стеной времен Ахава. Это проход, примерно метр шириной, который вел за город на юго-западный склон холма, к источнику. Боковые стены прохода (2 м в высоту) сложены из тесаного камня в технике того времени. Важным доказательством, наряду с расположением слоев, были тесаные камни, которые при прежних раскопках расшатались и выпали. Когда их перевернули, обнаружили знаки, похожие на те, что находили в других строениях Соломона.

Каково предназначение галереи? Может, ходы проложили, чтобы иметь возможность попасть из города к пещере с источником? В случае осады таким образом обеспечивалось необходимое для выживания снабжение водой. Спустя несколько десятилетий после Соломона, при Ахаве, система водоснабжения в Мегиддо была завершена. Проложили туннель примерно 50 м длиной, который вел из пещеры с источником в город. В конце туннеля был выкопан резервуар, принимающий воду из пещеры. Таким образом, вопрос был решен. За чертой города вход в пещеру был завален громадными камнями, чтобы враг во время осады не смог захватить источник.

Раскопки в Мегиддо, Асоре и Газере служат блестящим подтверждением представления того, что Соломон прославился как

зодчий. Человек, стоя перед сохранившимися воротами крепости Мегиддо, догадывается о том потрясающем впечатлении, какое производили на последующие поколения строительные сооружения Соломона. После разрушения храма в Иерусалиме пророк Иезекииль представлял себе новый храм, который походил не столько на храм, сколько на крепостные сооружения. В видении ему открылся храм будущего, окруженный стеной с воротами, и у этих ворот располагались, как в Мегиддо, Асоре и Газере, три боковые комнаты (Иезекииль 40.10). Несомненно, в видении Иезекииля новый храм сохранил Соломонову «кальку», во всяком случае в том, что касается сооружения ворот. Поскольку ворота храма расположены на все четыре стороны света, то Соломонова «калька» была повторена — хотя бы только в воображении пророка.

Загадочные путешествия в Офир

Когда Соломон стал царем, материальное развитие Израиля находилось еще в зачаточном состоянии. В сравнении с соседними народами он находился на уровне «развивающейся. страны», которая достаточно поздно организовалась в царство из рыхлого сообщества родов и племен. Длительное время преобладали кочевые и полукочевые формы жизни, вроде неукоснительного права гостя или исполнения кровной мести. Переход в состояние царства ничего не изменил в кочевых традициях.

Рехавиты следовали идеалу кочевой жизни еще во времена пророка Иеремии (627 до н. э.) в довольно крайних формах. У них не было никакого крестьянского имущества, они не сеяли, ничего не выращивали, не строили домов и не пили вина (Иеремия 35).

Таким образом они выражали свой протест против оседлого, а также царского образа жизни! Первые цари Израиля — Саул и Давид — были выходцами из племен, которые перешли на оседлый образ жизни, но соединяли мелкокрестьянский способ хозяйствования с элементами кочевой жизни. Так, Саула посылают на розыски ослиц, Давиду вменяют в обязанность сторожить овец. В его партизанском прошлом, очевидно, еще была живуча агрессивная сторона — кочевников. Навала — крупного землевладельца — облагают неслыханной данью. Большая часть израильских родов живет мелким скотоводством, возделывает поля, сажает виноградники.

Материальная культура была очень убога. Переход к новому этапу

цивилизации, железному веку, явно задерживался. Таким образом, становится понятным важность того сообщения, что филистимляне костями ложились, чтобы не дать возможности израильтянам использовать оружие и всякие предметы из железа:

«Кузнецов не было во всей земле Израильской, ибо Филистимляне опасались, чтобы Евреи не сделали меча или копья. И должны были ходить все Израильтяне к Филистимлянам оттачивать свои, сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки, когда делается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожок поправить» (1 Царств 13.19).

Такое состояние технической отсталости Израиля соответствовало еще времени Саула. Так же выглядит и ведение войн: сын Саула Ионафан ведет бой с луком, оружием Давида была пастушечья праща. Войны подразумевали хитрость, устраивались засады, чтобы избежать битвы в открытом поле против хорошо вооруженных армий.

Двумя поколениями позже дело уже обстоит иначе. Материальная культура поднялась на целую ступень в результате хозяйственной политики царя Соломона. Некоторые ее элементы нам уже известны: Соломон возводит города-крепости и города для колесниц, опираясь на цивилизацию доизраильских городов-государств, он содержит армию колесниц, которая хоть никогда и не находит применения, но подтверждает подключение к развитой военной технологии соседних народов. Он первым из израильских царей проводит «международную торговую политику», причем Израиль выступает в качестве перевалочного пункта высокоценных товаров.

При всем том Соломон осознавал отсталость Израиля. Так, он считает себя готовым заключить договор о сотрудничестве с иноземными державами. Особенно показательным является тут долгосрочный торговый договор с финикийским царем Хирамом из Тира (3 Царств 5.15). Соломон спокойно мог опираться на Давидову политику сотрудничества. Но, пожалуй, в противоположность последнему он поставил отношения на договорную основу и длительность договора. К сожалению, Библия дает неполную картину отношений, поскольку торговое соглашение ограничивается только поставками для строительства храма. Но речь будет идти о многом: ввозе сырья, привлечении высококвалифицированных ремесленников, которые отвечали жестким требованиям в обработке дерева и металла.

«И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя на место отца его... И послал также

Соломон к Хираму сказать: «...Итак прикажи нарубить для меня кедров с Ливана: и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые бы умели рубить деревья так, как Сидоняне... И послал Хирам к Соломону сказать: «Я выслушал то, за чем ты посылал ко мне, и исполню все желание твое о деревьях кедровых и деревьях кипарисовых; рабы мои свезут их с Ливана к морю, и я плотами доставлю их морем к месту, которое ты назначишь мне, и там сложу их, и ты возьмешь; но и ты исполнишь мое желание, чтобы доставлять хлеб для моего дома». Так дал Хирам Соломону кедровую и кипарисовую древесину по всем его желаниям. А Соломон давал Хираму двадцать тысяч коров (мешков) пшеницы для продовольствия дома его и двадцать коров оливкового выбитого масла: столько давал Соломон Хираму каждый год. Господь дал мудрость Соломону, как обещал ему. И был мир между Хирамом и Соломоном, и они заключили между собою союз» (3 Царств 5.15).

Прежде всего нужно не забывать о том, что политика сотрудничества, по Соломону, характеризуется как мудрость, точнее, как «мудрость мира». Ведь в самом деле, тот, кто занимается торговлей, не воюет, тот, кто подписывает договоры, вооружается грифелем, а не мечом, там, где предполагается сотрудничество, меркнет образ врага. Если где-то происходит смена власти, тогда обмениваются поздравлениями, направляют послов, заключают сделки, которые скрепляются договорами. Иудейский историк Иосиф Флавий утверждает, что читал копии текстов договоров не только в Библии, но и в тирских рукописях, к которым имел доступ. Иосиф, однако, не всегда достоверен, хотя в этом случае его свидетельство подтверждается более поздними материалами.

Сотрудничество с Хирамом подкреплено не только договором, но и браком, так как в более поздних записях о Соломоновом гареме упоминается по меньшей мере одна «сидонская» жена. Это означает не обязательно происхождение из города Сидона, а вообще — «финикийская». Мы не знаем точно, кто был финикийской женой Соломона. Может, она из царского дома Хирама? Уже упоминавшийся свадебный псалом (псалом 44) говорит о «царской дочери из Тира», и нельзя исключать, что речь идет о той безымянной жене Соломона.

Хирам и Соломон пришли к любовной сделке, что, однако, не исключает разногласий. Так, Хирам не полностью согласился на предложение Соломона, ведь Соломон готов послать в Ливан рабочих, которые должны были помогать при валке и транспортировке. Хирам же, напротив, хотел, чтобы все работы, включая переправу морем, сделали

только финикийские рабочие. Соломон хотел бы ограничиться тем, что заберет лес из гавани, название которой, впрочем, не упоминается. Многие говорят о том, что это была Яффа. В качестве вознаграждения Хирам требует сельскохозяйственные продукты. Таким образом, нам не следует доверять библейскому сообщению о том, что Соломон должен был послать в Ливан 30 000 рабочих (3 Царств 5.7), оно исторически неверно.

Что же доставлялось Соломону? Библия говорит о кедрах и кипарисах. Конечно, проверить это трудно, так как ливанский кедр (*araz*) не ввозили из-за того, что он был недостаточно высок для строительства храма. Возможно, речь здесь идет не о точных ботанических данных, а вообще о «ливанских деревьях», при этом в качестве строительного леса о киликийской ели. И «кипарисы» по тем же причинам не стоит понимать дословно, может быть, имелся в виду финикийский можжевельник. Стволы клались на воду, увязывались в плоты и, вероятно, сопровождались еще сравнительно примитивными лодками, плывущими вдоль побережья.

Соломон неплохо заплатил за поставки леса. Если в одном коре было 350 л, то всего выходило 7 млн л пшеницы. Это примерно 2/3 от того, что в течение года потреблялось царским двором. Во всяком случае, пшеница шла в Тир зерном, а не мукой. Наряду с этим поставки масла были значительно скромнее: примерно 7000 л лучшего качества.

Из Финикии поступал не только лес, который был совершенно необходим бедному в этом отношении Израилю, с Хирамом из Тира был также заключен договор о судоходстве. Сведения об этом, к сожалению, скудны и разрозненны.

«Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Царств 9.26).

«И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней. И сделал царь из сего красного дерева перила для храма Господня и для дома царского, и гусли и псалтири для певцов; никогда не приходило столько красного дерева и не видано было до сего дня» (3 Царств 10.11).

«... ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым: в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (3 Царств 10.22).

О судоходных предприятиях Соломона сочинялись все возможные и

невозможные притчи, особенно о загадочных поездках в Офир. Если мы трезво посмотрим на вещи, тогда явится следующая картина: Соломон занимался мореплаванием — факт, исторически подтвержденный, ведь израильтяне, несмотря на не-посредственную близость Средиземного моря, никогда не были известны как мореходы. Они оставались преимущественно землевладельцами и наполовину кочевниками. Поэтому неудивительно, что Соломон искал сближения с финикийцами: если что и отличало финикийцев, так это их исключительные навигационные знания. То, что маленький морской народец был всюду и везде и побережье Средиземного моря пестрело сборными пунктами и гаванями со стапелями, вызывало удивление и зависть даже у греков. Финикийская колония в Карфагене вызывала позже ужас у римлян: *Hannibal ante portas!* («Ганнибал у ворот!»).

До сих пор ломают головы, как финикийцы достигли столь потрясающего искусства в мореплавании. Причиной могла быть ограниченность их территории, которая в некотором роде подтолкнула их искать выход к морю. Их города Библ, Тир и Сидон были скорее сориентированы на море, чем на сушу. Эту связь очень тонко уловил Александр Великий. И чтобы окончательно усмирить финикийцев, он распорядился соединить дамбой островной город Тир с материком. Этим он окончательно уничтожил «морской миф» города, который был обязан своим взлетом царю Хираму, современнику царя Соломона.

Финикийцы были весьма сведущим народом. Знание навигации, ветров и климатических условий было предпосылкой для морских путешествий, во время которых они пересекали Гибралтар, открывали Атлантику, даже доходили до Англии. Они умели, как свидетельствуют Геродот, Плиний и Страбон, ориентироваться по Полярной звезде и Малой Медведице.

Греки переняли у них письменность, связь эта прослеживается в слове «Библия», по названию города — Библ, что по-гречески означает «папирус». Конечно, греки знали, что папирус пришел из Египта — тростник растет только в Африке, — но Библ был по тому времени крупным перевалочным пунктом для поставки важнейшего писчего материала в античный период, а также изготавливаемых из стеблей тростника веревок и канатов. Будучи умными торговцами, они делали выгоду из всего, что можно было перевозить, в частности, местные изделия вроде полотна, окрашенного в пурпур. Вследствие этого кое-кто из ученых доказывает происхождение слова «Финикия» от греческого «порфира», что означает «пурпур». Не удивительно, почему Соломон позже в храме

отделил Святую Святых занавесом из финикийского пурпура (2 Паралипоменон 3.14). В навигационном искусстве финикийцы были единственными. В дополнение ко всему они позаимствовали много чего у других народов: у египтян, например, особо длинные гребные лодки, которые могли достигать сорока метров в длину и были похожи на огромные каноэ, вначале они приводились в движение короткими веслами, а позже длинными. Эти лодки были очень маневренны и могли применяться в военных целях; на это указывают прикрепленные с наружной стороны борта щиты и тараны в носовой части. Для плавания по океану они были непригодны. В этом случае следовало оснастить их килем, шпантами и широким, подвижным парусом. Техника, которой научились у критян, несравненно улучшала управление при мертвой зыби.

Отказались от натяжных тросов, у египтян они были еще проложены по палубе, а снаружи — вокруг корпуса корабля, ведь корпус состоял из длинных стволов. Кроме того, корабли стали короче и шире, чтобы можно было взять побольше груза. Вообще же они могли теперь лучше противостоять волне во время шторма. Их в Библии называют «Фарсисские корабли», по названию гавани — Таре (Фарсис), которая была заложена финикийцами на юго-западном побережье Испании.

Соломон только выигрывал за счет договоренности с Хирамом о судоходстве. А что же выигрывал Хирам? Тут нам поможет сообщение о том, что Соломон вдали от Израиля построил порт Ецион-Гевер в заливе Эль-Акава в северной бухте Красного моря. Эта земля первоначально принадлежала идумеям, но потом была завоевана Давидом для Израиля. Порт Ецион-Гевер был предложен Хираму как знак проявления любезности, и давал финикийцам выход к Красному морю, а оттуда в легендарный Офир.

Где же находился Ецион-Гевер? Библия определяет место поблизости от Елафа, собственно поселение в заливе Эль-Акава. Американский ученый Нельсон Глюк начал в 1938–1940 гг. раскопки в расположенном поблизости Тель Эль-Келейфех и представил удивленной общественности это место как Соломонов Ецион-Гевер. Но он не нашел ни единственного следа, свидетельствующего о судостроении. Поэтому сослались на параллельное сообщение во 2-й книге Паралипоменон, где говорится о посещении Соломоном Ецион-Гевера и появляется знаменательное предложение: «И прислал ему Хирам через слуг своих корабли и рабов, знающих море» (2 Паралипоменон 8.18).

Согласно этому, в Ецион-Гевере корабли не строились, а происходило все в Финикии. Разобранные на части, они перевозились наземным путем в

Ецион-Гевер и там вновь собирались. Спустя 200 лет после Соломона подобное, должно быть, проделала царица Семирамида, она приказала финикийцам-кораблестроителям построить корабли, которые могли быть разобраны и перевезены по суше. Возможно, что верфи в Ецион-Гевере никогда и не было.

Вместо этого Глюк нашел большое здание с рядом странных отверстий, которые он определил как трубы, которые служили для раздувания огня. Была найдена и гигантская медеплавильная печь, и Глюк приписал ее ко времени Соломона. Эта теория прижилась, и сегодня еще ее представляют то там, то сям, хотя в Библии нет ни одного слова о плавильных печах.

В 1959 г. Бено Ротенберг подверг эту точку зрения разгромной критике. Он смог доказать, что отверстия были входами для балок в полу и потолке, нашел остатки глиняной массы, с помощью которой балки крепились в отверстиях. Так было покончено с Соломоновыми медеплавильными в Ецион-Гевере. Нельсон Глюк позаимствовал у Соломона достаточно мудрости, так что у него хватило все же здравого смысла изменить свое мнение.

Глюк пошел еще дальше. При раскопках в долине Тимна — примерно 30 км севернее Елафа — он наткнулся на огромный медный рудник, самый крупный, который когда-либо находили в Старом свете: 12 копей с более чем 5000 туннелей, которые распределялись по площади 60 км². У входа в это впечатляющее сооружение стояли огромные колонны из песчаника, которые без обиняков назвали «столбы Соломона».

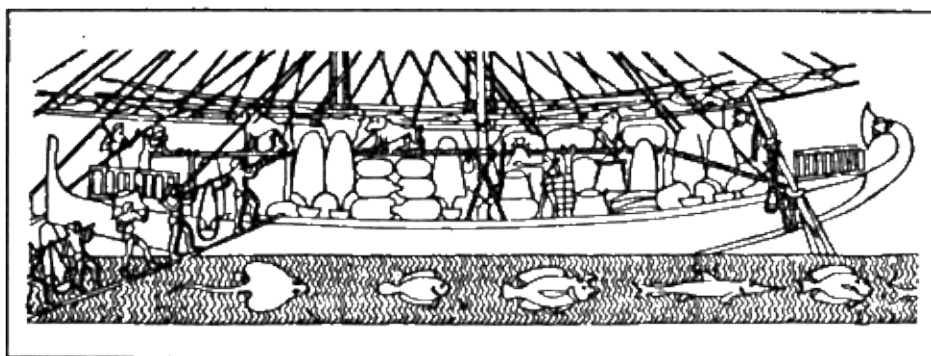

Рис. 17. Египетская морская экспедиция в Пунт

Райдер Хаггард прославил их на весь мир в своем знаменитом романе.

Можно ли в действительности связывать медные копи с Соломоном? Глюк был в этом убежден и нашел много сторонников, тем более что библейское предание свидетельствует об огромном потреблении меди во времена Соломона. Так, многие предметы в храме были сделаны из меди финикийскими ремесленниками, например, колонны Яхин и Боаз, о которых речь еще впереди. Ротенберг проверил и эту теорию и пришел к заключению, что они не разрабатывались уже после XII века до н. э. Неоспоримые доказательства принесли раскопки египетского храма богини Хатор, которые были произведены в 1969 г. за «столбами Соломона».

Примерно 11 000 предметов, посвященных Хатор, небесной корове, а также многочисленные таблички египетских фараонов относятся к периоду после 1150 до н. э. В то время, когда правил Соломон, копи были уже добрых 150 лет в запустении. И только при римлянах — тысячу лет спустя — они опять начали разрабатываться.

Итак, никаких медных копей Соломона в Ецион-Гевере, никакого медеплавления в долине Тимна! Тогда выходит, что «Соломонова» медь попадала в страну с финикийскими ремесленниками, возможно, вместе с Хирамом — искусным ремесленником, сыном вдовы, чей отец, финикиец из Тира, ремесленник выучился своему искусству у финикийцев.

А как же Ецион-Гевер? Является ли идентификация Тель Эль-Келейфеха с Ецион-Гевером по меньшей мере обоснованной? И в этом вопросе Ротенберг дал другую оценку. Местность здесь не обладает природной гаванью, корабли бы пострадали от сильнейших штормов, якорь не смог бы выдержать напора ветра.

В то же время, одиннадцатью километрами южнее, в непосредственной близости от побережья находится маленький остров Фараонов, известный сегодня как Коралловый остров. В сторону суши тянется лагуна, которая великолепно подошла бы для пристани. Ротенберг убежден, что именно здесь он найдет Ецион-Гевер. Но, к сожалению, до сегодняшнего дня, несмотря на археологическую подводную экспедицию, не найдены ни корабли, ни верфь, да и вообще какие-нибудь реликты времен Соломона.

Кто знает, что еще обнаружили археологи, но, несомненно, те поездки, которые с давних пор будоражат фантазию под таинственным названием «Путешествия в Офир», начинались где-то вблизи Ецион-Гевера. Где находился Офир, пока не известно. Мало сказать, что это лишь золотая страна, название города мы встречаем не только на страницах Библии. Оно

запечатлено на обломке, найденном в Тель-Квазиль, филистимлянском поселении под Тель-Авивом. Так вот, эта надпись относится к VIII веку до н. э.

И все же, где мог находиться Офир?

Если иметь в виду трехлетнее путешествие на корабле, то в голову приходит Индия. Так думал еще Мартин Лютер, который отождествлял красное дерево (Almuggin), которое привозили наравне с золотом, с индийским сандалом, другие предполагали тик или махагон. Но название «Almuggin» так и осталось загадкой до сегодняшнего дня, как, впрочем, и сам Офир. На Индию указывают экзотические павлины, хотя обезьяны встречаются как в Индии, так и в Африке. Но это могла быть и не Африка и не Индия. Разве нельзя предположить, что экзотический товар принимался на борт где-нибудь по дороге?

Одно время говорили о Зимбабве. Исследователь Африки Карл Маух, приехавший в Зимбабве в 1871 г., считал, что нашел здесь библейскую золотую страну. Действительно, впечатляющие даже в своем разрушенном виде сооружения он приписывал финикийским строителям. Все предположения Мауха оказались, к сожалению, полными фантазии, потому что с помощью современных средств исследования выяснилось: разрушенный город мог относиться самое раннее к VI столетию нашего времени. Ну а как обстоят дела с другими областями, рядом с Зимбабве, например в бассейне реки Окаванго? Вот где золотая страна. Здесь найдены шахты и плавильные печи, а также остатки поселений, которые с помощью уже известного нам метода удалось датировать временем, частично совпадающим с Соломоновым. А может, стоит отправиться дальше, на юг, в Южную Африку, скажем, в Ботсвану, где на северо-западе страны нашли более 2000 настенных рисунков, которым около 4000–6000 лет.

Вопрос за вопросом ведут в блистающий мир на границе науки и фантазии. А не дадут ли какой-нибудь знак египтяне? Они ведь тоже направлялись в страну золота, которую называли «Пунт». Одна экспедиция состоялась уже в 3000 до н. э. при фараоне Сахуре, другая — в 2300 до н. э. при Анемхотеpe, потом были знаменитые путешествия в Пунт при царице Хатшепсут в 1500 до н. э. Той самой Хатшепсут, которая после восхождения на трон буквально размазывала своего мужа по стенке, за что он и отомстил ей: после ее смерти «стер» все изображения своей драгоценной половины. В храме Дейр эль Бехари, недалеко от Тебена, на западном берегу Нила, напротив, рисунки о путешествиях в Пунт сохранились. Изображены 10 кораблей, 5 из них берут в Пунте груз:

золото, финики, слоновую кость, экзотические пряности и обезьян, которые карабкаются по натянутым канатам. Не напоминает ли это экзотические ценности, что привозили для Соломона из Офира?

Можно ли считать Пунт Офиром? Нет ничего, что бы говорило против. Но и помощью это не назовешь, ведь о географическом положении Пунта у нас так же мало сведений, как и об Офире. Если мы ограничим поиски библейской географией, то Индия и Африка отпадают. Первая книга Моисеева (10, 29) называет в генеалогическом древе семитов сыновей Иоктана, где Офир располагается между Шевой и Хавилой. Это ведет нас в юго-западную Аравию — древнюю «Счастливую Аравию» (*Arabia Felix*), где по меньшей мере библейские авторы располагают золотые земли. Но легенда о Соломоне призвана рассеять подобное представление, ибо сведения о «золоте из Офира» связаны там с историей визита легендарной царицы Савской к царю Соломону. Но Сава (Шева) — йеменская территория в юго-западной Аравии.

Как ни странно, геологи все больше склоняются к идентичности библейской золотой страны и юго-западной Аравии. Американский горный инженер Карл Твичел уже предпринял в 1932 г. разведку золота по просьбе короля Ибн Сауда в Магд Ас-Сахаб («Колыбель золота»), области, расположенной между Меккой и Мединой. Он открыл древние рудные и золотые копи и смог доказать, что здесь золото буквально лежало в песке. Его предположение: Магд Ас-Сахаб — Соломонов Офир. Современными методами добычи золота еще в 1934–1954 гг. его извлечено на сумму 23 млн долларов. По ходу дела вокруг Магд Ас. — Саха-ба было найдено 55 древних золотых копей. В 70-х гг. ученые подтвердили исследования, проведенные поисковой группой Соединенных Штатов под руководством К. Твичела. После этого уже становится ясно, что только область в Магд Ас-Сахабе и вокруг него способна соответствовать тому сказочному количеству золота, которым вправе был хвастать Соломон.

«В золоте, которое приходило Соломону в каждый год, весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых, сверх того, что получаемо было от разносчиков товара и от торговли купцов, и от всех царей Аравийских и от областных начальников» (3 Царств 10.14).

Возможно, эти цифры завышены и призваны возвеличить Соломона таким незатейливым способом. Один талант соответствует примерно 35–40 кг. Приблизительно, это около 300 центнеров золота в год. И число 666 надо тоже понимать как округленное, прекрасное и «символическое», как число сказок из *1001 ночи*. Но это еще не последнее слово в легенде о богатстве Соломона. Однако теперь у нас есть кое-что: Соломон явно

выиграл от соглашения с Хирамом из Тира. Он положил начало новому для своего времени кораблестроению и открыл перед Израилем великолепные перспективы в торговле и обмене. Хотите верьте цифрам, приведенным в Библии, хотите — нет, но он стал богат.

Предвидим ехидные возражения. Соломон не был ни голубем, ни соколом, он был спрутом, который прибирал к рукам все, что можно было прибрать, — так остроумно выразился Авраам Маламат, израильский исследователь, который много и плодотворно занимался Соломоном. Насколько точна ироничная характеристика Соломона? Мы в этом очень сомневаемся и вернемся еще раз к Соломонову богатству, как только станем иметь дело с феноменом под названием «Премудрость Соломона».

Глава 4

«И ГОВОРИЛ ОН О ДЕРЕВАХ» — ПРЕМУДРОСТЬ СОЛОМОНА

До сих пор Соломон предстал перед нами как царь, чей тяжелый характер постоянно менялся. Он выбирал для себя мир, преодолевая и отбрасывая назад устаревшие привычки. Его дело мира нашло выражение в конкретных действиях: матримониальной политике, административной реформе, посредством которой сглаживалось внутреннее напряжение в Израильском царстве, в военной области, где все направлялось на разоружение, а также строительство оборонительных объектов, в стремлении к развитию, что выражалось в копировании экономических и технологических навыков, принадлежавших соседним странам.

Библейское предание усматривает во всем этом отражение мудрости

Соломона, раскрывающейся нам пока двояко: в «единоличной» мудрости судьи, которая в своей сути отражает мудрость мира, и в житейской мудрости, когда самые сокровенные отношения людей — таинство и праздник любви, красоты, плоти — свободны от религиозных догм. Так жизнеутверждалась радость, свобода чувственности, чему вряд ли осталось место в будущем. Библия отдала должное, провозгласив его не только «мудрым» судьей, но и поэтом, «изрекшим» притчи и песни.

Языческая мудрость Соломона

К сожалению, Библия о способности Соломона к поэзии говорит очень скупо. Вот так, например:

«И дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять; и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его» (3 Царств 4.29).

Подобное описание поэтической мудрости Соломона скорее восхваляет, не столько открывает тайну, сколько выказывает восторг. Кажется, во внимание берется только отражение, а не сам источник света. Не приводится ни одной притчи Соломона, ни одной из его песен. Немыслимое количество песен и стихов надо понимать как метафору.

Но все же некоторые черты мудрости Соломона видны: во-первых, мудрость Соломона состоит в тесной связи с мудростью других народов, например с восточной, главным образом месопотамской и египетской, дошедшей до нас в многочисленных памятниках. Таким образом налицо еще одно доказательство широты отношений царского двора. Это повлекло за собой позднее ни с чем не сравнимую известность, что особо подчеркивают библейские авторы во 2-й книге Паралипоменон (9.22).

Мудрость Соломона превзошла мудрость всех других царей. Известны также имена некоторых мудрецов, действующих только на страницах Библии. Это могло быть связано с тем, что искусство мудрости передавалось учителями из уст в уста.

На имена учителей мудрости следует обратить внимание, поскольку они не соответствуют ни израильским, ни древневосточным, например Ефан и Еман. Позднее имена были переделаны на израильский манер и просматриваются у предков племени Иуды (1 Паралипоменон 2.6). Некто Еман еще раз появляется в качестве храмового певца левитов (1 Паралипоменон 6.18). Ефан и Еман упоминаются также как сочинители псалмов (Псалмы 87.1; 88.1). Но все это уже более поздние наслоения, которые пытаются свести на нет чужеземное происхождение учителей мудрости, превратив их в местных.

Интересное наблюдение связано с именем *Калкол*. Оно начертано на большинстве табличек из слоновой кости бронзового периода, найденных в Мегиддо. Иероглифическая форма его — «Куркур». Египетская письменность не имеет буквы «л», так что имя можно прочесть «Кулкул». А текст, относящийся к XIII веку, гласит о некоей Кулкул как воспевающей бога Птаха, покровителя Аскалона. Так как в хананейском и еврейском языках мужские и женские имена похожи, то упоминание о певице не должно вводить нас в заблуждение.

Имя «Махол» тоже вполне можно объяснить. В нем есть созвучие «hll» (ср.: Halleluja), что по-аккадски означает «танец, пение». Так о чем же нам говорят странные имена, которые служат мерилем премудрости Соломона? Речь, вероятно, идет о доизраильских родовых именах культовых певцов и певиц. А это значит, что их позднейшее возведение в ранг основателей иерусалимского объединения певцов имеет под собой древнюю основу.

Но мудрость Соломона не следует сводить к культовому пению. Тут мы остановимся на Книге премудрости Соломона, о которой известно, что в ней заключена «мудрость природы». Не стоит этому верить, тем более нас убеждают в том, что библейская Книга премудрости Соломона попросту кратко излагает умные мысли царя. Как раз Библия придает им другую форму, которую мы могли бы обозначить что-то вроде «житейской мудрости». Исходя из этого исключительное проявление природы нигде не ставится во главу угла. Таким образом попытка изобразить Соломона «исследователем природы» все еще остается притянутой за уши.

Многое можно отдать, чтобы получить более точные сведения об истинной «мудрости природы». Ключом к восстановлению истины может служить то место, где говорится, что Соломон писал о «деревях», от «кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены». Таким образом, Соломону важно было охватить все феномены «растительной» природы. При этом ливанский кедр и иссоп взяты как примеры самого большого и

самого маленького растений. Неприметный иссоп (*ezob*), пожалуй, не то, что иссоп, известный в ботанике как *Hessopus officinalis* — тот не растет в Палестине, — скорее, это майоран. Его высушенные листья использовались дляпряного напитка из пшеницы и растительного масла, которому отводилось большое место в приготовлении к пасхе, а также в ритуалах очищения. Соломон не только раздумывал о растительном мире, но и о животном, при этом желая охватить все по порядку, — «наземных животных, птиц, гадов и рыб».

Соломонова мудрость явно нацеливалась на упорядоченное понимание целостности растительного и животного мира. Таким образом становится понятно, что он искал возможность приобщиться египетской «мудрости природы». Именно оттуда известна «наука перечней». Вспомним «Ономастикой Аменемоп», датированный 1100 до н. э., который открывается следующими словами:

«Начало учения, для наставления невежд, для понимания всех вещей, которые есть то, что создал Птах, а Тот записал: небо с его звездами, земля со всем, что на ней есть, что изрыгают горы, что мочит вода, все, что освещает солнце, что на земле растет, — все вспомнил пишущий божественную книгу в ученом доме Аменемоп».

После такого введения, более или менее сохранившегося, сделано 610 записей, перечисление феноменов природы, профессий, сословий, племен, городов и зданий, видов зерна, блюд и напитков, рыбы и т. д. Одним словом, в форме энциклопедического словаря перечисляются природные, общественные, географические и бытовые явления.

Уже за 500 лет до «Ономастикона Аменемоп» в Египте имелось более короткое, похожее произведение — перечень, дающий сухое перечисление различных предметов. Образцы «списочной науки» известны также и в вавилонском пространстве. Шумеры создали уже во втором тысячелетии 24 дощечки, которые называются «Хубулла» и содержат тысячи записей. Вначале речь шла, пожалуй, только о собрании и упорядочении всех письменных знаков, из чего постепенно развилось фундаментальное учение о смысле всего сущего.

Древневосточная «наука перечней» была наверняка точкой отсчета «мудрости природы» Соломона. Только эта «мудрость», кажется, ограничивается упорядоченным перечислением растений и животных. Во всяком случае, в библейском повествовании нет указаний на космические, географические и социальные феномены. Еще одно отличие состоит в том, что Соломонова «мудрость природы» уже переступила рамки религиозных догм в отличие от «Ономастикона Аменемоп», где подчеркивается роль

Бога-Творца Птаха и бога письменности Тота.

Такое впечатление, что Соломонова мудрость приблизилась к природе так же естественно и рационально, сбросив религиозные оковы, — предположение тем более вероятное, если посмотреть на это с позиции обретения Соломоном права на суд и открытости чувств.

Но в чем же состоит уникальность мудрости Соломона? Тут мы подходим к третьему пункту характеристики: Соломон выразил себя в поэтических притчах и песнях, египетская и вавилонская мудрость, напротив, предстает лишенной всякой поэтики, сухой, «наука перечней», одним словом.

Как было бы чудесно, имей мы в нашем распоряжении письменные источники Соломоновой «мудрости природы». Нет этого, к сожалению. Но при наличии сего прискорбного факта, следы Соломоновой «мудрости природы» все же можно найти. Попробуйте прочитать некоторые тексты «глазами Соломона», например историю о сотворении мира. Там описывается творение мира Господом в семь дней. Даже поверхностное чтение выдает нам нечто достойное внимания. Объекты творения предстают в форме перечня: свет (первый день), небеса (второй день), земля и море, растения (третий день), солнце, луна и звезды (четвертый день), рыбы и птицы (пятый день), скот, гады, твари земные и человек (шестой день). Седьмой день свободен от творения, Господь отдыхает — соблюдение субботы (Sabbath). Распределение актов творения на шесть дней неравнозначно и является признаком того, что библейские авторы приводили первоначальное перечисление «Перечня природы» в соответствие с религиозным положением о субботе.

«Мудрость природы» охватывает мир животных и растений, но о людях в ней нет и речи. Этим она отличается от библейской версии акта творения. Насколько это убедительно? Скорее сомнительно. Давайте внимательнее посмотрим, как в библейском сообщении о сотворении мира появляется человек: «И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их» (Бытие 1.27).

Сколько было усилий чтобы понять это предложение; легионы экспертов пытались расшифровать загадочные слова о «богоподобии» человека, под чем понималась то фигура, то прямохождение, то приоритет человеческой силы и пр. Тем не менее один псалом дает нам более точные сведения:

«Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что *есть* человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред

Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, а также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями» (Псалом 8.4).

Становится ясно, что богоподобие состоит в господствующем положении человека. Это соответствует аналогичным представлениям у египтян, когда царю приписывают богоподобие: «отражение Рэ, Амона, Ато-на», «священное отражение» фараона Аменофиса III (1417–1377 до н. э.) Бог называет «мое отражение, творение моих членов». Из Египта подобное воззрение перекочевало в Израиль. И уже не иначе, чем на Соломоновом царском дворе должна была осесть эта идея.

Во всяком случае, в 8-м псалме названы ключевые слова «мудрости природы» — земные твари, рыбы, птицы — чтобы определить господствующее положение человека. Итак, в 8-м псалме и библейской истории о сотворении мира речь идет, читая глазами Соломона, о «человеке-царе»: каждый человек подобен Соломону! При этом «богоподобие», «честь», «великолепие», «господство» были первоначально свойствами, которые относились только к царю. В библейской версии они однозначно распространяются на всех людей, то есть царская система взглядов пошла в народ.

Проскользнув по Соломоновой «мудрости природы», Библия умалчивает не только о месте человека, но и в отличие от египетского учения об установившемся значении космических явлений. Небу и земле уделено так же мало внимания, как солнцу, луне и звездам. Стоит ли довольствоваться умолчанием библейского предания, или поискать где-то в другом месте свидетельство «космической мудрости» Соломона?

К счастью, попалась одна фраза, которая нам поможет. Она содержится в торжественной речи Соломона по случаю освещения храма; об этом речь еще впереди, а здесь приведем только одно положение, свидетельствующее о божественном присутствии: «Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле...» (3 Царств 8.12).

В этой фразе подразумевается солнце. Это единственное место в исторических книгах Ветхого Завета, в котором говорится о противопоставлении солнцу. Скорее всего Соломон был автором этой речи. Для нас самым важным является то, что подразумевание солнца было все же предметом Соломоновой мудрости, и это весьма примечательно: Соломон держится на некотором расстоянии от египетского культа, который находит выражение в воспевании царя солнца Эхнатон, великолепном гимне XIV столетия до н. э.:

*Твое явление прекрасно в светящейся выси небес.
Ты солнце, живущее с самого начала.
Ты восходишь на восточном краю света.
Ты наполняешь каждую из стран своей красой.
Ты прекрасен, ты велик.
Ты сияешь высоко над всеми землями.
Твои лучи обнимают все вокруг,
От края до края все, что создал ты.
Ты Рэ, тебя хватает до самого края...*

В песни Эхнатона солнце призывается как воплощение бога Рэ, жизненный принцип: оно придает всем существам жизненную силу, помогает мореплавателям, способствует плодородию, устанавливает времена года.

У Соломона иначе: солнце не обожествляется, а является детищем Творца. Таким образом, Соломон и приобщается египетской мудрости и противоречит ей одновременно. Солнце понимается, пожалуй, как выдающийся акт сотворения мира, и одновременно превращается в акт творения мира.

Мудрость Соломона стала притчей во языцех. Она охватывает и мудрость природы, и мудрость судьи, и мудрость любви. Но что можно сказать о «мудрости» (chokmah) как таковой, ее сути? Тут библейские исторические книги сведений не дают. Обратимся же к Книге притчей, автором которой, судя по всему, является Соломон.

«Госпожа Мудрость» предстает в трех больших речах (Притчи 1; 8; 9); она возглашает на площадях и зовет невежд стать мудрыми:

*Слушайте, потому что я буду говорить важное, и
изречение уст моих — правда; ибо истину произнесет язык мой,
и нечестие — мерзость для уст моих; все слова уст моих
справедливы; нет в них коварства и лукавства; все они ясны для
разумного и справедливы для приобретшего знание.*

У меня совет и правда; я разум, у меня сила.

*Мною цари царствуют и повелители
узаконяют правду;*

*Мною начальствуют начальники и вельможи
и все судьи земли. Любящих меня я люблю, и ищущие меня
найдут меня;*

богатство и слава у меня, сокровище непогибающее

*и правда,
Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих искони;
от века я помазана, от начала, прежде бытия земли.
Я родилась, когда еще не существовали бездны,
когда еще не было источников, обильных водою.
Когда Он уготовлял небеса, я была там,
и была радостью всякий день, веселясь пред лицом
Его во все время, и радость моя была с сынами
человеческими.
Итак, дети, послушайте меня!*

(Притчи 8.6)

Мудрость выступает здесь своеобразно. Ее представляют как женщину, которую влечет в общественные места — знаменательный поступок, так как женщинам запрещалось держать речи при подобных скоплениях народа. Вспомним Возлюбленную из Песни песней, которую поколотили стражники, когда она показалась в общественном месте. «Госпожа Мудрость» выступает совсем в другом ранге. Она «существующая от начала», до всех этапов творения, ее величие несравнимо с любым другим созданием. Она рождена Господом, «создана» в его чреве — необычный ракурс. Господь — мужчина, но воображением превращается в женщину. «Госпожа Мудрость» хотя и величественнее любого другого создания, уподобляется все время веселящемуся ребенку, который радостно играет перед Богом и людьми; возможно, она танцует. Мудрость — это что-то немыслимо замечательное, веселье и радость составляют ее суть, ее творческая сила — это игра.

Мудрость как дитя Господне появляется уже у египтян, например, в одном из надгробных текстов, где уже знакомая нам Маат представлена в качестве дочери Бога-Творца Атума.

*Тут молвит Атум: Тефнут-Маат — моя
бессмертная дочь.
Едина с братом Шу, с ним,
чье имя «Жизнь», ее зовут «Мудрость».
Я един со своими детьми, оба они любимы мной, и я — в
них...*

Эта сцена описывает «детей Господа», но нас особенно интересует Тефнут-Маат, так как она ответственна за мировой порядок, олицетворяет мудрость и истину. И все же, способна ли Маат играть и танцевать, жить полной жизнью? Это не ясно из египетских текстов о мудрости.

Как «играющее» существо «госпожа Мудрость» остается исключением в библейской Книге притчей и чрезвычайно жаль, что у «играющей мудрости» вряд ли было достойное упоминания продолжение истории. Сколь огромны горы лжи, опирающиеся на «мудрость», — будь то христианская путаница с логосом, иудейский мистицизм или философские духовные секты нового времени, пожалуй, пришло время распрощаться с тем неистребимым предрассудком, что мудрости необходим диплом о высшем образовании.

Библейское предание приписало речь «госпожи Мудрости» Соломону. Можно ли этому верить? Естественно, что предания о Соломоне в Книге Царств, очевидно, исходят из кратких притчей, однако они могут свидетельствовать и о песнях, у которых более развернутая форма. Поэтому мы можем спокойно прийти к выводу, что Соломон сочинял также и более длинные песни. Дело в том, что он всецело находился под впечатлением египетской науки, которая уже давно проникла в поэмы о мудрости.

Конечно, библейская Книга притчей состоит не только из сочинений Соломона, она является сборником, но все же Соломоново там есть. Песнь о «госпоже Мудрости» является во всяком случае мудростью, которая хотела бы служить царям, властителям, начальникам путеводной нитью. Царский двор в Иерусалиме — ее. И потом этот веселый, игривый характер «госпожи Мудрости»! Когда еще в послесоломоновы времена ее могли воспринять именно так?

Развитие израильской мудрости после Соломона шло уже по-серьезному. Все сильнее становились тенденции поставить мудрость на одну доску с законом. Это можно почувствовать, читая притчи Иисуса Сираха (ок. 200 до н. э.): мудрость стала «мудростью Торы». И еще один аргумент в пользу Соломона: пространные речи о мудрости не типичны для подобного наследия. Везде обучают «мудрости жизни», устанавливают жизненные правила, дают моральные наставления. А «госпожа Мудрость» дает «знание природы», как раз то, что приписывалось одному лишь Соломону.

Таким образом, мы в состоянии подойти ближе к Соломоновой «мудрости природы». Как задумывалось сотворение мира? Какой представляется картина космоса и мира? «Госпожа Мудрость» предлагает

нам учение о сотворении, которое выглядит гораздо древнее, чем в библейском изложении. Картина мира при этом больше похожа на египетские воззрения. Мир состоит из трех частей: первоначальный хаос бескрайней водной глади, побежденный и укрощенный Богом, земля, покрытая горами и холмами, покоится на тверди, небо, раскинувшееся как шатер (ср. псалом 103.2).

Однако части света не персонифицируются как в представлении египтян, где богиня Нут — это нижний мир мертвых, богиня Геб — земной мир, а богиня Дуат представляет небо. «Госпожа Мудрость» описывает землю совсем по-светски и дает картину мира, свободную от мифологических представлений. Обращает на себя внимание то, что в воспевании мудрости Соломоном отсутствует мир мертвых. Как бы он тогда отвечал характеру «играющего дитя Господня»?

Решающую роль все-таки играет некоторая веселость, свойственная Соломоновой песни мудрости. Ведь как бы «серьезно» Бог ни создавал свое детище — мир, все крутится вокруг «госпожи Мудрости» с ее веселыми мыслями и изяществом движений. О Соломоновой «мудрости природы» можно еще много чего сказать. Она подобна древневосточным образцам и включает всеохватывающую науку перечней, раскладывает по полочкам и приводит в порядок, но выражается в ней это свободно, посредством поэзии притчей и песен. И теперь мы имеем полное право предположить, что в ее отношении к природе воплотились и умная радость и играющая раскованность.

Мудрость жизни Соломона

Мудрость притчей Соломоновых была представлена нам исключительно как поэтическая «мудрость природы». Это, во всяком случае, становится ясно из библейского предания. Оно, однако, не отсылает нас к притчам и песням, которые бы соответствовали «мудрости жизни». Наблюдение стоит внимания, а потому обратимся к библейской Книге притчей, которая по большей части скорее всего принадлежит Соломону. Это утверждают начальные строки трех (самое малое) притчей (Притчи 1.1; 10.1; 25.1) и особо отмечены притчи некоего Агура (Притчи 30) и Лемуила (Притчи 31). Троекратное указание на Соломона дает повод сомневаться. На самом деле Книга притчей, как считает большинство ученых, состоит из нескольких сочинений, различных настолько, что они не могут принадлежать одному человеку — Соломону. Правомерно ли это

утверждение?

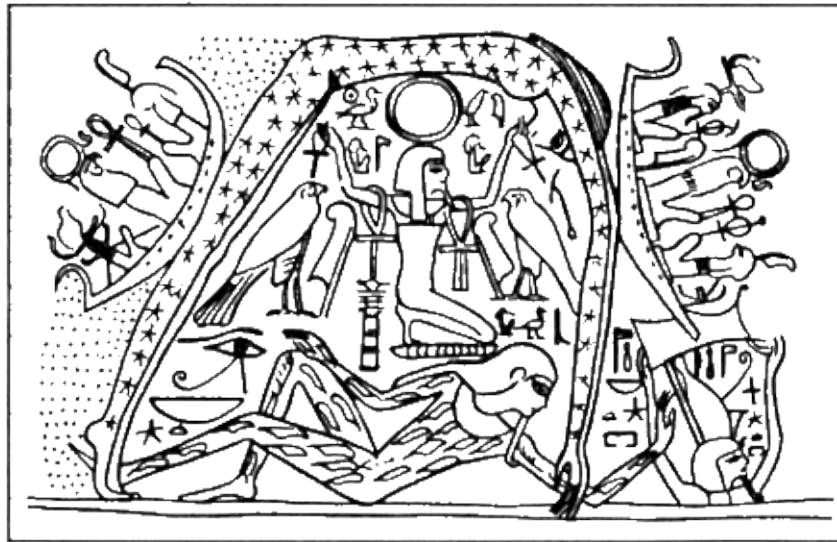

Рис. 18. Египетская картина мира

В первой части Книги (Притчи 1–9), правда, преобладают пространные речи о мудрости, которые отличаются от последующих, сжатых. Но стоит ли сразу исходить из того, что более длинные изречения возникли раньше? Это вообще не разговор, поскольку даже в науке мудрых египтян наряду с короткострочными притчами использовались более длинные «конструкции». Кроме того, мы могли бы доказать, что «естественнонаучная» тематика (Притчи 8) в пору только Соломону.

Вторая часть включает смесь афоризмов (Притчи 10.1-22.16). В некоторых речь идет о царе:

«Благоволение царя — к рабу разумному, а гнев его — против того, кто позорит его» (Притчи 14.35).

«Мерзость для царей — дело незаконное, потому что правдою утверждается престол. Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит. Царский гнев — вестник смерти; но мудрый человек умиловит его. В светлом зоре царя — жизнь, и благоволение его — как облако с поздним дождем» (Притчи 16.12).

«Кто любит чистоту сердца, у того приятность на устах, тому царь — друг» (Притчи 22.11).

Могут ли «Притчи о царях» относиться к временам после Соломона? Мы сомневаемся в этом, поскольку нет ни малейшего намека на разделение североизраильского и иудейского царств, имевшее место в более позднее время. Напротив, две следующие «Притчи о царях» смогут нам кое-что преподать.

Первая относится непосредственно к царю Соломону, творящему суд: «Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое» (Притчи 20.8).

Вторая притча тем более подразумевает Соломона: «Бойся, сын мой, Господа и царя; с мятежниками не общайся, потому что внезапно придет погибель от них, и беду от них обоих кто предугадает?» (Притчи 24.21).

В этой притче может идти речь только о Соломоне, так как именно он отождествляется с Господом. Кроме того, прозрачный намек на эпизод из жизни: восстание Иеровоама против Соломона, о котором речь еще впереди.

В третьей части собраны притчи с явным отпечатком египетской «Мудрости Аменемопы» (ок. 1100 до н. э.) (Притчи 22.17–24.22). Первым это обнаружил египтолог Адольф Эрман, перу которого принадлежит знаменитое исследование, где он установил сходство большого количества притчей Соломона и Аменемопы. Здесь приводится лишь несколько: призыв слушать мудрое слово (Притчи 22.17); запрет грабить бедных и несчастных (Притчи 22.22); призыв не менять границ (Притчи 22.28; 23.10); призыв не наживать богатства (Притчи 23.4). Надо думать, мудрость Аменемопы прижилась в сокровищнице Соломона.

Четвертая часть снова ведет к Соломону, хотя собирателем этих притчей считают придворных мудрецов Иезекии (725–697 до н. э.). В них наставления царю: предостережение от несправедности (Притчи 25.2), наушников (Притчи 26.22), совет «кротостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык перелаживает кость» (Притчи 25.15). Где доказательства, что этими нормами пренебрегали при дворе Соломона?

Если мы подведем итог нашим наблюдениям, то не составит труда большую часть Книги притчей увязать с Соломоновой «мудростью». Во всяком случае, она занимает так много места, что не может считаться дополнением. Добавления, переработки, новое расположение притчей — это отнесли к заслугам столь часто упоминаемых «учителей мудрости», но лишь благодаря Соломону «мудрости» обеспечен торжественный въезд в Иерусалим.

В его пользу говорит позитивный взгляд на жизнь, красной нитью проходящий через всю Книгу притчей. Но что понимать под

«позитивным»? Как пример, несколько «крутых» афоризмов:

«Можно поручиться, что порочный не останется ненаказанным; семья же праведных спасется» (Притчи 11.21).

«Коснись нечестивых несчастье — и нет их, а дом праведных стоит» (Притчи 12.7).

«Не заблуждаются ли умышляющие зло? [не знают милости и верности делающие зло;] но милость и верность у благомыслящих» (Притчи 14.22).

«В доме праведника — обилие сокровищ, а в прибытке нечестивого — расстройство» (Притчи 15.6).

«Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится» (Притчи 26.27).

Такие афоризмы, к которым легко можно добавить еще и еще, вызывают, пусть даже так наивно, к самой что ни на есть земной справедливости: добро заслуживает награды, зло — наказания, и не где-то на том свете, а здесь и сейчас или, по крайней мере, завтра: «Ибо семь раз упадет праведник, и встанет; а нечестивые впадут в погибель» (Притчи 24.16).

И праведник подвержен соблазнам, но не становится рабом их. Поступок и последствия его крепко связаны друг с другом, причина и следствие — одно вытекает из другого. Таким образом, каждый кузнец своего счастья или несчастья. Эту разновидность житейской мудрости можно назвать «синтетическим» толкованием жизни, потому что добрые дела и счастье связаны друг с другом так же, как плохие и несчастье. Предоставляется возможность сделать выбор, так или иначе влияющий на судьбу.

Страдающему праведнику нет места в этой жизненной мудрости, как и нет незаслуженно страдающего, подобно Иову, который впал в отчаяние вследствие несчастливой судьбы, хотя и живет «праведником». В позитивной мудрости не может быть без вины виноватого, как, например, Эдип, который по незнанию убил отца, женился на своей же матери и потом ослепил себя. Нет, в мире мудрых притчей все на удивление светло и ясно. А если судьба наносит удар, то он достается тому, кто сам виноват в своем несчастье. И тут вдруг понимаешь, что Соломонову мудрость занимает не столько несчастье, сколько его внезапность: «Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами... Зато внезапно придет погибель его, вдруг будет разбит — без исцеления» (Притчи 6.12).

Такую позитивную житейскую мудрость упрекали в примитивности, критиковали ее рационализм, но при этом не учитывали условий, которым

обязана своим появлением светлая мудрость жизни. Становится ясно, что она могла процветать только там, где жизненные отношения до некоторой степени упорядочены, господствуют мир и терпимость, несправедливость в обществе сведена к минимуму. О какой еще иной фазе израильской истории может идти речь, как не о счастливом времени Соломона, когда Израиль не был заложником войны, когда существовало на удивление равномерное распределение жизненных возможностей? Вот как свидетельствуют об этом библейские авторы:

«И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (3 Царств 4.25).

Только в обществе, где хотя бы существовал намек на правовое устройство и имелась возможность проводить в жизнь социальную справедливость, могла иметь место позитивная житейская мудрость. После Соломона все изменилось: несправедливость судей, социальное неравенство, безграничное царское право, а также тяжелое положение бедных, вдов и сирот все больше и больше определяли устройство Израиля. Пророки вставали на защиту бедных и не боялись бросать царям и знати обвинения в нарушении закона. Это отразилось и на «мудрости». Она утратила свою позитивность, обратилась к темной стороне жизни и пыталась постичь причину неразгаданных ударов судьбы — бедности, болезни и смерти. Учителя мудрости во времена Соломона были еще воодушевлены позитивным мышлением. Они знали истину и могли принимать либо сторону счастья, либо несчастья. Пусть праведник падал семь раз, он в противовес злоумышленнику всегда находил силы начать новую жизнь. Страдания, выпадавшие на долю праведного, воспринимались как испытание. Так возникла мораль, которая подчеркивает поучающий характер страдания:

«Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притчи 3.11).

Такое наставление в силу жестокой реальности безвинных страданий может показаться примитивным. Однако есть еще одно, которое показывает, откуда берется оптимизм мудрости: «Не говори: «я отплачу за зло»; предоставь Господу, и Он сохранит тебя» (Притчи 20.22).

Теперь оказывается, что опыт страданий можно не просто свести к справедливому наказанию неправедного или превратить в педагогический прием, а призвав на помощь надежду, одним лишь этим, преодолеть их. Иначе в чем же тогда воздействие педагогики? Только тот, кто сохранил

определенный настрой и, несмотря на все жизненные рогатки, испытывает поистине детское доверие, способен увидеть смысл в этом педагогическом приеме, только тот не разочаруется и не отчаится, даже если все подвергнется осмеянию и попадет под подозрение. Мудрый учитель Соломона знает это и видит все трудности педагогической работы. Поэтому у него в запасе не только пряник, но и кнут:

«В устах разумного находится мудрость, но на теле глупого — розга» (Притчи 10.13). «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притчи 13.25).

Но воспитание, по Соломону, не было «палочной педагогикой», потому что в ней преобладают мягкие и манящие выражения. Где их произносили? К сожалению, об этом мы знаем очень мало. Вольтер в своем «Философском словаре» зашел так далеко, что подвергал сомнению существование вообще какой-нибудь школьной системы в Израиле: у израильтян «было так мало общественных школ для наставления молодежи, что в их языке даже отсутствовало слово, каким можно назвать это учреждение». Такая оценка перехлестывает через край, ведь Книга притчей ну просто кладезь житейских правил поведения, которые заучивались в царских школах для приближенных. Где же еще должны были проводиться в жизнь те сентенции, повествующие о царе и его окружении, учившие красиво говорить и умно молчать и даже прилично вести себя за царским столом (Притчи 23.1)?

С другой стороны, Соломонова мудрость не ограничивается лишь царскими наставлениями. Многие притчи проливают свет на домашний уклад, совет отца и наказ матери. Примечательно, что материнские наказания представлены как «завет» (Thora), ведь материнское воспитание имело больший вес, чем отцовское (Притчи 1.8; 4.1; 6.20). Многие сентенции обращены к простому человеку, формулируют истины, основанные на опыте:

«Рука прилежных будет господствовать, а ленивая будет под данью» (Притчи 12.24).

«Ленивый не жарит своей дичи; а имущество человека прилежного многоценно» (Притчи 12.27).

«Душа ленивого желает, но тщетно; а душа прилежных насытится» (Притчи 13.4).

«Пойди к муравью, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притчи 6.6).

Налицо постоянный призыв к прилежанию и порицание лени. Признак того, что труд еще ценился, что богатства еще не создавались

«нетрудовыми доходами». Созданы житейские правила для простых людей. В этом состоит существенное отличие между Соломоновой житейской мудростью и египетской, которая была преимущественно сословной и служила в качестве инструкции царским сыновьям. Соломонова же мудрость рассчитана была не только на царский двор. К сожалению, пока что все попытки реконструировать процесс обучения оказались безуспешными. Мы не знаем, были ли мудрецы, указанные в притчах, «профессиональными» учителями или же все делалось на общественных началах. Не следует забывать, что «госпожа Мудрость» появлялась на площадях и улочках, как будто давая понять, что не нужно искать мудрости, она сама придет к людям. Но в любом случае, Соломонова мудрость — это общественное достояние. Она открыта всем, кто хочет ее постичь.

Мудрость и богатство

Остается последнее наблюдение, связанное с позитивным видением жизни Соломоном: высокая оценка богатства. Постоянно подчеркиваются преимущества богатства и престиж богатых. Бедняк, напротив, должен стыдиться своей бедности, так как он сам же и виноват в ней; лень — ее причина:

«Ленивая рука делает бедным; а рука прилежных обогащает» (Притчи 10.4).

«Имущество богатого — крепкий город его, беда для бедных — скудость их» (Притчи 10.15).

«Бедный ненавидим бывает даже близким своим, а у богатого много друзей» (Притчи 14.20).

«Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь досыта есть хлеб» (Притчи 20.13).

Эти притчи удивительны, они принадлежат совершенно иному миру в отличие от угроз и проклятий, коими сыпали пророки после Соломона, для которых бедность неимущих стала социальным призывом, а богатство богатей — поводом для острейшей критики общества.

Соломонова мудрость другая: богатство — не повод для проклятий, бедность — не повод для восхищения. Каков же вывод? Очевидно, каждому предоставлялась возможность стать богатым. О характере богатства не стоит чрезмерно задумываться. Оно зарабатывалось честным трудом, а не спекуляцией, обманом или разбоем, вспомним неоднократные

предупреждения о ложных ценностях. Оно было скорее скромным, позволяло, однако, жить сыто: каждому — его виноград, каждому — его маслину. Так записано в предании о Соломоне.

Поэтому не случайно Соломон считается не только мудрым судьей и поэтом, но и богатым мудрецом. Если следовать библейскому преданию, то богатство у него перетекало через край. Тут не только золото и серебро, сюда относились еще тысяча женщин, колесничная армия, города-крепости, изготовленные им 500 золотых щитов и содержание царского двора.

«Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать коров муки пшеничной и шестьдесят коров прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей, и серн, и сайгаков, и откормленных птиц» (3 Царств 4.22).

Эти данные, пожалуй, завышены. Точное значение меры «кор» неизвестно. Предполагают, правда, что 1 кор — это 350–400 л. В пересчете на современные меры это составляло бы около 100 гектолитров манной крупы и 200 гектолитров муки. Если исходить из среднего потребления хлеба, то при дворе Соломона нужно было накормить от 14 до 32 тысяч человек — нереально. То же самое можно сказать и о ежедневном потреблении мяса. Мы исходим из того, что речь идет о кормлении всех служащих, включая их семьи.

Еще одним примером богатства Соломона стало строительство дворцов, возведению которых Соломон посвятил 13 лет, одно только строительство храма заняло 7 лет. К сожалению, в Библии очень мало сообщено об этом (3 Царств 7.1). В центре всех описаний стоит храм.

В хрониках описание строительства дворцов и вовсе отсутствует. Так как археологам не удалось ничего найти, то в расположении и предназначении дворцов многое не ясно. Сообщение о строительстве дворцов ничего не дает, указывает только на размеры и материал, и предположительно было рассчитано на архитекторов, которым при заключении договора предложили нечто вроде «плана-проекта».

Дворцовый комплекс состоял из четырех сооружений: дом из дерева ливанского, притвор с престолом, притвор для судилища, дом дочери фараоновой. Трудно понять сообщение о площади дворца; о воротах предание вообще молчит.

Дом из дерева ливанского, примерно 50 м в длину, 25 — в ширину и 15 м — в высоту, получил свое название по кедровым столбам, на которые положены кедровые бревна. Ученые еще спорят по поводу того, стояли ли столбы в три или четыре ряда, были ли они параллельны или вокруг

внутреннего двора. В зале применили оригинальную конструкцию кровли. Спорным остается также вопрос, были ли над колонным залом надстроены еще другие этажи. Термин «zela'oth» иногда переводится как «палаты», «этаж» или «ребра», что ведет к разным трактовкам.

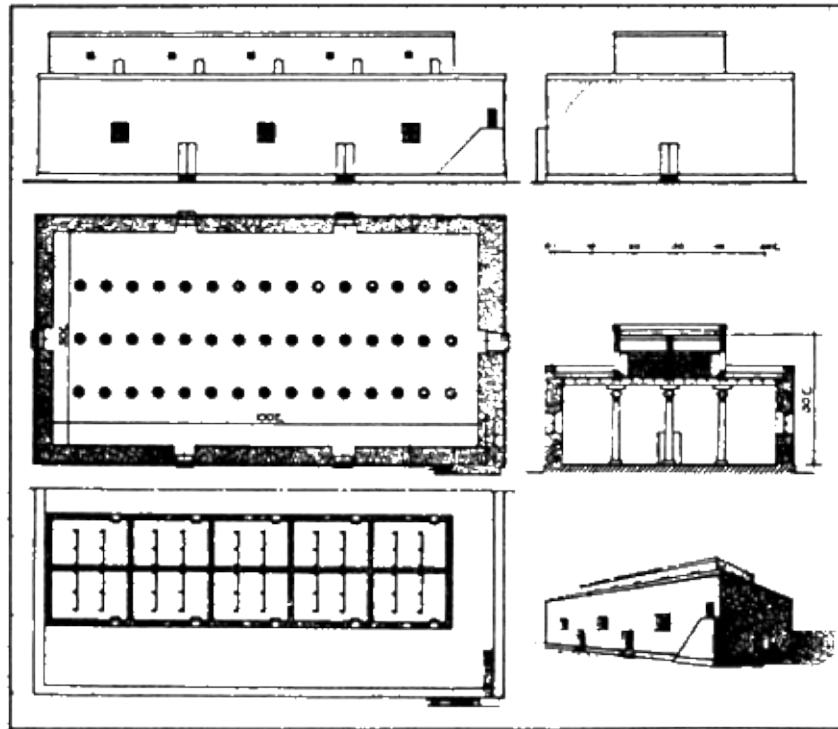

Рис. 19. Дом из дерева ливанского

Спорят также о том, был ли колонный зал открытым или обнесенным стеной. Так как речь идет о трех находящихся друг против друга рядах четырехугольных окон, можно предположить, что стены были. Ограниченное число окон совсем не обязательно означает темное или полутемное помещение. Как известно, при освещении больших пространств значение имеет не число, а величина окон. Некоторые ученые называют «окнами» отверстия для света в потолке. Как бы то ни было, факт, почти установленный, что построено пронизанное светом «природное помещение», оно имитировало «живой лес» и стало архитектурным выражением настроений того, кому обязана Соломонова «мудрость природы».

В доме из дерева ливанского были установлены уже упоминавшиеся 500 золотых щитов. Это говорит о том, что здесь размещалась дворцовая охрана. Сюда же снесли все золотые чашки, что наводит на мысль об использовании дома в качестве казначейства или арсенала. Может быть, его задумывали как место собраний. Только этим можно объяснить внушительные размеры сооружения. Щиты и сосуды для питья упоминаются в первую очередь как пример богатства Соломона, о котором говорится удивительно подробно.

Трон Соломона — какие легенды возникали вокруг него! Еврейские, исламские и христианские сказители с каждым разом прибавляли к его великолепию. Это было возможно, потому что предание о Соломоне в Книге Царств и Паралипоменоне отличаются друг от друга (4 Царств 10.18; 2 Паралипоменон 9.17). Однако и там и тут трон был из слоновой кости и позолоченный. К нему вели шесть ступеней, по обе стороны на ступенях стояли двенадцать изображений львов. У трона были подлокотники, которые опирались на двух львов.

Трудно понять описание спинки трона, объяснить ее на сегодняшний день отказались, поскольку не имеется ни одной древневосточной аналогии. Наиболее верное толкование, пожалуй, таково: «Верх сзади престола был круглый». Упоминается еще скамейка для ног, которая была выкована вместе с тронном. Библейские авторы восхваляют это произведение искусства: «Подобного сему не бывало ни в одном царстве» (3 Царств 10.20).

Действительно ли верно то, что утверждают о троне библейские авторы. Если мы возьмем древневосточные престолы, то его неповторимость можно подвергнуть сомнению. Прежде всего стоит указать изображение трона на саркофаге Ахирама в Библие, он датируется XIII–X веками до н. э. Финикийский царь сидит на троне, подлокотники которого в виде двух крылатых сфинксов, спинка несколько округлой формы. Тут же скамеечка для ног.

Трон Ахирама — не единственный пример. Нам известна работа из слоновой кости, найденная в Мегиддо, на которой изображен царь, восседающий на троне-сфинксе. Примеров можно было бы привести много, и они однозначно свидетельствуют, что трон Соломона соответствует другим в финикийской культуре. Очевидно, он делался мастерами по отработанным образцам.

Правда, одна деталь не зафиксирована ни в одной из древневосточных параллелей: шесть ступеней с изображениями львов по обеим сторонам. Не удивительно, что они давали повод к различным толкованиям. Иногда ко

львам присоединяли еще и других животных. Тогда на ступенях трона оказывались — один из вариантов — бык и лев, волк и ягненок, пантера и верблюд, орел и павлин, коршун и голубь, кошка и петух. Можно определить, что будило фантазию: хищники мирно уживались со своей жертвой, как предсказал пророк, «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и молодой лев, и вол будут вместе и малое дитя будет водить их» (Исаия 11.6). Иногда животные представляли в аллегории. Они негодовали, если троном пытался завладеть недостойный или не имеющий прав на трон. Так, они мешают взойти на трон Соломона тому, кто убил царя Иосию, и царю Навуходоносору, разрушителю Иерусалима (587 до н. э.): Навуходоносора хватают так, что он валится на землю.

В исламских и христианских легендах трон Соломона превращается в удивительное механическое устройство: поднимается при помощи скрытого механизма, золотые львы двигаются и рычат, искусственные птицы начинают щебетать, потоки дождя обрушиваются, сопровождаемые раскатами грома.

Все легенды свидетельствуют об увлеченности техникой, которая появилась уже в поздней античности. Библейским авторам хотелось только подчеркнуть богатство и великолепие трона Соломона. Или речь шла о чем-то другом? Может быть, шесть ступеней — это зашифрованное указание с применением символов? Акт божественного сотворения мира продолжался шесть дней. Может быть, Соломонов трон о шести ступенях отражал шестидневный акт творения?

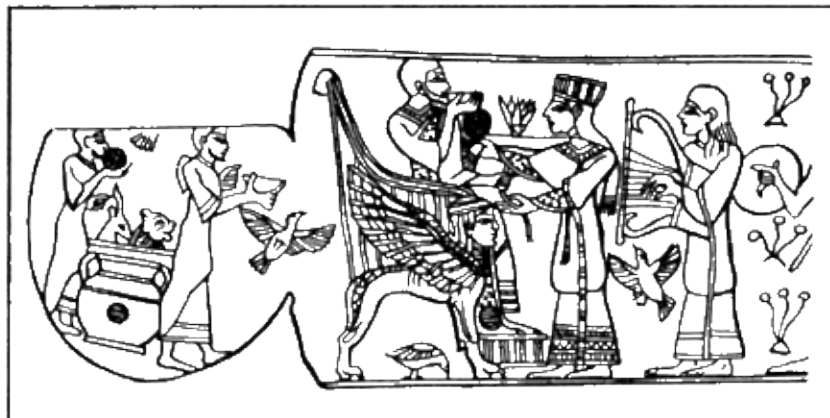

Рис. 20. Трон с херувимами

Как бы то ни было, библейское предание о Соломоне, снабженное многочисленными подробностями — сотни женщин, колесницы, колоссальное строительство, обильный придворный стол, серебряные и золотые сокровища, легендарный престол, — представляет собой описание неизмеримого богатства, выставленное напоказ так незатейливо. Не слышно ни слова критики, когда речь идет о его богатстве. Однако было ли это богатство приобретено «честно», или, может быть, собрано посредством умных торговых сделок и большей частью — обложения своих подданных данью? Мы еще подробно остановимся на этом вопросе. Ясно одно, предание о Соломоне по возможности избегает любой критики его богатства. Как это понимать? Являлись ли авторы Библии способными на критику идеологами царства и восторженными глашатаями Соломона? Как могло произойти, что мудрость Соломона так естественно сосуществует с его богатством?

Вопросы по сей день остались без ответа. Поэтому у нас возникло желание взяться за дело: прежде всего нужно отчетливо представлять себе обстановку, в которой говорится о богатстве Соломона. Соответствующим записям в предании о Соломоне (3 Царств 10.14) предшествует история визита царицы Савской. Она приезжает, чтобы «загадками испытать» мудрость царя (4 Царств 10.11). Речь идет о состязании в загадках, из которых ни одна не видна, не приводятся ни вопросы царицы, ни ответы царя. В чем же состоит мудрость Соломона? Вероятно, в том, как он распоряжается своим богатством. Наряду с мудростью, подчеркнем, богатство играет важнейшую роль в эпизоде с царицей Савской:

«И подарила она сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни, никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону... И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желает и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками» (3 Царств 10.10).

И речи нет об источнике богатства. Ни одного слова о том, как царь и царица приобрели свои богатства, при помощи торговли или набегов или при помощи дани. «Богатство царя» интересно не происхождением, а его применением. А оно как бы смеется над всеми соображениями экономической целесообразности. Царица дарит несметные сокровища, царь отдает то же и даже больше. Оба используют богатство для

расточения его. Царское богатство здесь не для того чтобы накапливать, отправлять в «чулок», а расточать.

Такая форма обхождения с богатством нам сегодня просто непонятна, потому что противоречит всем правилам разумного хозяйствования и экономики. Не соблюден закон «кто не работает, тот не ест», не обеспечивается эквивалент для обмена продуктов. Богатство не является средством оплаты для приобретения чего-то полезного; золото, благовония и драгоценные камни не являются потребительским товаром, который можно есть и пить, — они «непродуктивные» предметы роскоши.

Такое странное разматывание богатства указывает на то, что столь естественные для нас сегодня формы рационального хозяйствования для царя значения не имели. Богатство не следует купеческой логике, которой Соломон, однако, столь успешно пользовался в его обретении.

Использование — а не обретение — царского богатства соответствует архаическим формам хозяйствования, которые так ярко описал французский этнограф Марсель Маус на примере американских кочевых народностей.

Как он выяснил, встреча вождей различных племен сопровождалась необычными формами одаривания и принятия подарков, при этом каждый подарок должен был превосходить предыдущий, если хотели сохранить лицо. Такое безалаберное одаривание вело к непрекращающемуся расточительству, а вместе с тем к полному разорению. Наряду с материальными дарами оно включало также и людей. Здесь не торгуются, а расточают, не отдают, чтобы получить эквивалентную ценность, а просто непродуктивно разбазаривают. Это приобретает прямо-таки характер соревнования.

То, что Марсель Маус наблюдал у североамериканских индейцев, имеет свои древние параллели в беспредельном расточении богатств, которое мы видели при посещении Соломона царицей Савской. Мы даже полагаем, что состязание с царицей не ограничивалось загадками, а уходило глубже: мудрость Соломона состояла в растрачивании богатства на одаривающую его в свою очередь царицу. В Книге притчей есть слова: «Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив, и однако же беднеет» (Притчи 11.24).

Эту притчу можно считать защитительной речью творческой силе щедрого раздавания, которое делает богатым; бережливость же, напротив, чужда жизни, делает человека бедным и несет в себе признаки ограниченности. Не нашли ли мы ключик к творческой сути Соломона? Не в щедрости ли дело?

Дома Соломона, помпезная колесничная армия, двор и содержание гарема и, наконец, мудрость — не выражение ли это его щедрой жизненной позиции, когда он дает и награждает, во главу угла ставит не обеспечение жизненного уровня, а избыток — которая распоряжается всем, что переполняет, в искусстве и культуре, поэзии и науке? Царица Савская с чуткостью гения поддержала эту творческую страсть Соломона. Она восхваляет мудрость царя и его строительство, удивляется гостеприимству, восхищается его счастьем.

Мы считаем, что в расточительности кроется суть творческих деяний его жизни и это производит впечатление не только на библейских авторов. И не будем забывать: каким-то таинственным образом дела Соломоновы связаны с делом мира, о чем мы уже говорили. Царь Соломон вступает в состязание с царицей Савской. Но это не война, уничтожающая все живое, а мирное, поистине спортивное состязание, «агон» — как греки стали позже называть любую форму невоенной борьбы.

Соломон не растрчивает людей, как на войне, он растрчивает свое богатство; он не убивает жизнь, а празднует ее, когда отгадывает загадки, использует свою мудрость, оказывая друзьям гостеприимство...

Ангел или Демон — царица Савская

Визит царицы Савской дает нам возможность взглянуть на мудрость Соломона как на «добродетель одаривания». Это нужно особенно подчеркнуть, ведь взгляд на историю событий показывает, что различного рода фантазии коснулись царицы больше, чем царя Соломона. При этом произошло нечто поразительное: в зависимости от изощренности легенд царица превращается то в демоническую личность, то в светлый образ.

В иудейской легенде над царицей Савской зло подшутили. Во дворце ее повели к Соломону по стеклянному полу. Думая, что идет по воде, она приподнимает платье и взору присутствующих открывается нечто ужасное: волосатые ноги, признак родства с дьяволом. Царь Соломон велит изготовить мазь, с помощью которой царица освобождается от сильного оволосения на ногах. Потом дело доходит до постели, и рождается разрушитель Иерусалима: Навуходоносор! Иногда вместо оволосения указывают на косолапость — например, напольная мозаика в соборе Отранто (апулийская Сицилия) в 1160 г.

Рис. 21

Косолапая царица. Мозаика из собора Отранто. Около 1160 г.

Иногда ей приписывали гусиную лапу, которая ее обезобразивала. Это видно на барельефе средневекового портала в Бургундии, а также на разрушенных, к сожалению, порталах в Дижоне и еще трех церквях. Христианская легенда обошлась несколько мягче, чем иудейская, с дьявольской аномалией ног. Когда она переходит Кедрон по деревянному мосту, ее посещает пророческое видение: на досках от этого моста однажды будет распят Иисус. Она сходит с моста, идет по воде и — глядите-ка! — демоническая гусиная лапа превращается в красивую человеческую ногу. Так дьяволица превращается в знаменитую пророчицу

креста Иисуса.

Таким образом, царица Савская изобретательно была спасена легендой. Зато в иудейской традиции с ней обошлись хуже всего: царицу сделали первой женой Адама, Лилит, которая боролась за равноправие, за это и была превращена в дьяволицу — волосатую женщину. Ей надлежало покинуть рай и с тех пор она преследует мужчин. Подобно вампиру, высасывает Лилит из мужчин последние жизненные силы. Она представляет собой страшное существо, которой известна тщательно скрываемая тайна, что женщины испытывают более сильное половое влечение, чем мужчины. Еще опаснее самое низменное ее стремление — душировать новорожденных детей. И только ее изображение на амулете, прикрепленном над колыбелью, может спасти их от ее безумного мероприятия. Это сообщение мы позаимствовали у польского иудейства XVIII столетия.

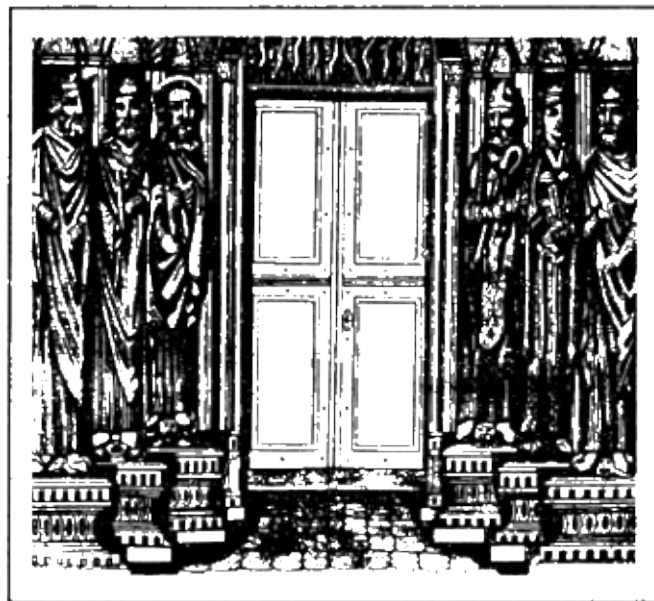

Рис. 22. Царица Савская с гусиной лапой

Все это — невероятное буйство фантазии, где женское начало объявлено зловещим. Проклятие лежит на экзотическом облике царицы Савской, ни одной светлой черты не оставлено ей. Очевидно, падение царицы произошла давно, поскольку Иисус загадочно обещает: «Царица

южная восстанет на суд с родом сим и осудит его» (Матфей 12.42).

Иисус представляет не совсем добрую царицу: она не одаряет, а восстает на суд. Талмуд, огромный толкователь постбиблейского иудаизма, даже пытается взять под сомнение существование Савской. Так, равви Иоханаан, во всяком случае, сказал следующее: «Кто говорит, что царица была женщиной, заблуждается. Слово *царица* (malkath) должно читаться *царство* (malkuth) — царство Савское».

Талмудистам не удалось стереть царицу из памяти. Но это ей не помогло. В так называемом «Завещании Соломона» — источнике, датированном I–IV столетиями, — ее называют колдуньей.

Возникает вопрос, как могла произойти такая удивительная переоценка? А все потому, что царица, восхваляя мудрость Соломона, восхищаясь его богатством и одаривая его, не приобщается другой вере, Господу, богу Соломона. Это могло, пожалуй, позже бросить тень на ее образ.

Несравненно более выгодную позицию заняла царица в исламе. Там она была возведена в ранг верной слуги Аллаха, так, например, свидетельствует Коран.

И здесь речь идет о визите царицы к Соломону по стеклянному полу дворца. Он видит ее ноги, которые, в отличие от иудейской легенды, очень красивы и не имеют никаких дьявольских изъянов.

В исламе царице, которую называют Билкис, выказывается особое уважение, особенно на ее родине, в Северном Йемене. Однажды угод, птица-посланник, передал ей письмо от Соломона, письмо-приглашение, о котором совсем не упоминается в Библии. Для нее должны быть построены дворцы, конечно же, Соломоном, который тоже не раз приезжал к ней в Йемен. Резиденция царицы находилась в Марибе, где один из храмов назван ее именем. Его сохранившимися монументальными опорами можно любоваться и сейчас. Ей приписывали также плотину в Марибе — одно из архитектурных чудес света в древневосточной истории. Даже в Коране восхвалялся ее из ряда вон выходящий трон, который часто изображался на персидских миниатюрах XVI–XVII столетий. То там, то здесь украшают они рукописи, где ее воспевают как возлюбленную Соломона.

Но самое замечательное выражение нашла легенда о Савской в Эфиопии, где в античное время произошло своеобразное слияние культур. Уже в VI веке до н. э. сабейские поселенцы осели у Красного моря и захватили часть Эфиопии. Иудейские поселенцы, фалаши, тоже облюбовали эти места. Ислам приобретал все большее влияние, однако амхарский императорский дом исповедовал христианство.

А царица Савская? Она стала родоначальницей императорского дома, пользовалась уважением, способствовала внедрению в Эфиопию различных религий и рас. Это вполне достоверно, ведь она с лучшей стороны была известна иудеям, исламистам и христианам. При Хайле Селассие, последнем эфиопском правителе, царица Савская попала в пересмотренную конституцию 1955 г.:

«Верховная власть отныне закрепляется за линией Хайле Селассие I, наследником короля Сале Селассие, линия которого не прерываясь происходит из династии Менелика I, сына царицы Эфиопии, царицы Савской и царя Соломона Иерусалимского».

Самоуверенный король Хайле Селассие быстро сделал выводы и велел почитать себя 225-м наследником царицы Савской. Эти, казалось бы, удивительные вещи лучше понимаются, если заглянуть в *Kebra Nagast*, эфиопский национальный эпос, который сложился в XIV веке, но истоки его в более древних преданиях. В нем царица Савская — а не царь Соломон! — выступает как искательница мудрости:

«Я жажду мудрости, и мое сердце ищет знания; так меня поразили любовь к мудрости и потянули за собой нити познания. Ведь мудрость дороже всех сокровищ золота и серебра; мудрость важнее всего, что создано на земле. С чем на земле можно сравнить мудрость? Она слаще меда и хмельнее вина, ярче солнца и дороже драгоценных камней; она жирнее масла, слаще сладостей и величественнее, чем груды золота и серебра. Хранительница радости в сердце, источник света для глаз, крылья для ног, панцирь для груди, шлем для головы, ожерелье для шеи, пояс для бедер, глашатай для ушей, советчик для сердца, учение для ученых, утешительница умным, дарующая славу ищущим. Царство не может без мудрости и богатство не может без мудрости; куда бы ни ступила нога, она не будет тверда без мудрости...».

Редко кто-либо восхвалял мудрость так же сильно, как эфиопская царица. В чем же состоит мудрость, мы так и не узнаем; заметно лишь ее животворное действие: она пробуждает и укрепляет, доставляет радость, придает силу, облегчает жизнь. Кажется, слышишь, что говорит Соломон. А ведь в Эфиопии есть царица, которую считают мудрой.

Совсем иначе в эфиопской легенде выглядит Соломон: он не мудр, а похотлив, преследует царицу, не только мудрую, но и красивую. Он придумывает множество уловок для совращения, устроив в Иерусалиме большой пир. О том, как ему удастся уговорить царицу переспать с ним, в *Kebra Nagast* написано следующее:

«И когда они вошли в покои, там был приятный аромат, и еще до того,

как они стали есть, они насладились прелестью этого аромата. Он (Соломон) подавал ей блюда, возбуждающие жажду, с хитростью и мудростью (!), и кислые напитки, рыбу и перец в качестве приправы; все это он приготовил и дал царице отведать. И вот когда со столом царя было перемен три раза по семь, и смотрители, и советники, и слуги ушли, тут царь встал и пошел к царице, и говорил ей, когда они остались одни: «Понежся здесь в любви до утра!». И тут она ему говорила: «Поклянись мне твоим богом, богом Израиля, что ты не применишь ко мне силу; если уж должно случиться, что я на человеческий лад соблазнюсь, то отправлюсь юной девушкой в путешествие в нужду, страдания и нищету». Тут он ей отвечал и говорил: «Я клянусь, что не причиню тебе насилия, но и ты поклянись, что не нарушишь ни одного предмета в моем доме!». Тут царица смеялась и говорила ему: «Где же твоя мудрость, если говоришь как глупец? Разве мне нужно что-нибудь красть и похищать из царского дворца, чего мне не дал царь? Не думай, о господин, что я сюда приехала из любви к твоему богатству! И мое царство богато сокровищами, как и твое, и у меня есть все, что я пожелаю. Я приехала познать твою мудрость». Тут говорил он: «Если ты заставляешь клясться, то поклянись и ты мне; обе стороны, как подобает, клянутся в том, что не обидят друг друга; но если ты меня не заставишь клясться, я тоже не буду тебя побуждать к клятве». Тут говорила она ему: «Поклянись мне, что ты не применишь ко мне силу, и я поклянусь тебе, что не применю силу твоему состоянию». Тут он поклялся ей и велел ей поклясться. Взошел он на свое ложе на одной стороне, а ей указал на ложе на другой стороне. Потом сказал молодому слуге: «Вымой умывальный таз и поставь в него кувшин с водой, и чтобы царица это видела; потом закрой двери и иди спать!». И сказал он это на другом языке, который царица не понимала, и тот сделал так и пошел спать. Но царь еще не спал, а притворился спящим и подсматривал... Царица немного поспала. Когда она проснулась, рот был сух от жажды; он, прибегнув к мудрости (!), дал ей пищу, вызывающую жажду; она очень хотела пить, и рот ее был сух. Она попробовала сосать слюну, но не обнаружила влаги. Тут она подумала выпить воды, которую видела, посмотрела на царя, он казался спящим. Но он не спал, а поджидал, чтобы она встала взять украдкой воды для утоления жажды. Тут она встала, не произведя ни единого шороха, подошла к той воде в тазу, взяла ее, чтобы выпить. Но прежде чем она глотнула воды, он схватил ее за руки и сказал ей: «Почему ты нарушаешь клятву? Ты не собиравась нарушать предметы в моем доме». Тут отвечала она в страхе: «Разве я преступила клятву, выпив воды?» Тогда царь говорил ей: «Ты видела что-нибудь

прекраснее воды?». Тогда она говорила: «Я согрешила против самой себя, и ты свободен от клятвы, но позволь мне выпить воды, чтобы утолить жажду!». Тут он ей говорил: «Я свободен от клятвы, которую ты заставила меня дать?». Тут царица говорила ему: «Будь свободен от клятвы, только дай мне выпить воды от жажды!». Он позволил ей напиться, а после того как она попила, он отдался своему вожделению, и они спали вместе».

Необыкновенная история рассказывалась в Эфиопии. Мудрость Соломона была низведена до хитрости. Вместо того чтобы великодушно одаривать, он не уступает даже незначительного предмета собственности, даже кувшина воды. Царица же, напротив, подчиняется, и происходит то, что она через 9 месяцев рождает сына. Это Менелик, который воспитывается вдали от Иерусалима в столице Эфиопии Аксуме. Один раз он возвратится в Иерусалим, но ненадолго. Тайно бежит он оттуда с важной вещью в котомке: украденным ковчегом. Древнеизраильская святыня увозится из Иерусалима, чтобы быть установленной в соборе Аксума. Так святыня Иерусалима отправилась к эфиопам. Но Соломон наказан по справедливости, ведь его уловки соращения предстали тем, чем они и являются: не делами мудрости, а результатом хитроумия. Образ же царицы Савской сияет в ослепительном блеске.

Легенды о царице Савской можно продолжать без конца. Они показатель того, что возможно было все: демонизация в иудейской легенде и светлый образ в исламской; здесь верная слуга Аллаха, там волосатая, косопалая женщина-дьявол. В христианской легенде и царице с гусиной лапой дается возможность выглядеть в лучшем свете: царица выступает пророком креста Иисусова. В эфиопской легенде она вознесена до символа мудрости, желанной для многих возлюбленной, родоначальницы королевства.

Таким образом, вопрос, кем же была царица Савская, становится для нас очень важным. Библейское предание ясности не вносит. У царицы нет имени, маршрут ее путешествия не описывается, и не известно, на каком языке говорили царь и царица. Еще тяжелее Соломон должен был их различить. Он велел принести пчел, они сели на настоящие цветы. Потом она представила ему одинаково одетых юношей и девушек, и он должен был их различить. Соломон бросает им яблоки и по тому, как они их собирают, понял, кто юноши, а кто — девушки. Юноши поднимали яблоки и набивали ими себе карманы, а девушки отдавали царице.

Таково проявление мудрости Соломона. И если бы в легендах возникла хотя бы искра исторической правды, то не трудно раздуть огонь: он был бы не только мудрым царем, который поэтизировал таинства

природы, привнес много своего в мудрость жизни, знал щедрую «добродетель одаривания», но от него не укрылись тайны женщин и с ним решила потягаться, вступив в «состязание», царица Савская, уверенная в своей мудрости.

Глава 5

«ТАК ПОСТРОИЛ Я ДОМ» — ХРАМ СОЛОМОНА

Строительство Иерусалимского храма считается бессмертным делом Соломона и самым значительным его достижением. Такое впечатление создает библейское предание, которое большую часть своего повествования посвящает строительству храма. От здания храма, к сожалению, ничего не осталось. Он простоял четыре столетия, пока его не разрушил в 587 до н. э. вавилонский царь Навуходоносор.

Позже при Зоровавеле построили новый (520 до н. э.), а с XIX до н. э. началось строительство величественного храма при царе Ироде, того самого, к которому имел отношение Иисус.

Храм Ирода был разрушен в 70 г. римским императором Титом

Веспасианом. Сохранилась только часть соборной площади. Примерно там, где когда-то стоял храм Соломона, возвышается сегодня мусульманская мечеть, построенная в VII столетии калифом Абд-аль-Маликом, — одна их главных святынь ислама.

Становится совершенно ясно: храм Соломона исчез раз и навсегда по причине разрушений и частых последующих наслоений на этом месте. И тем более удивляет та страсть исследователя, шаг за шагом восстанавливавшая облик храма. Последний всеохватывающий труд о храме Соломона принадлежит Т. А. Бузинку и на 700 (!) страницах ощущается поистине непреходящий восторг, связанный с величием древнего строения.

Руины ль Соломонова храма?

Снова и снова исследователи пытаются приписать храму Соломона любую находку на месте, где он стоял. Так, были исследованы все несущие стены в районе храма. И хотя мнения ученых совпадают в том, что громадный фундамент был заложен после Ирода, некоторые исходят из того, что огромные работы по террасированию могли быть произведены еще при Соломоне.

На это обратил внимание сэр Чарльз Уоррен, который в 1867–1870 гг. осуществил первые раскопки наружной стены храма времен Ирода, открыв нечто в высшей степени примечательное — на юго-восточной оконечности стены он обнаружил кладку из различных камней. Вертикальный стык отчетливо заметен и сегодня, потому что ряды камней оказываются вдруг на другой высоте. Справа от стыка видны неотполированные плиты, выступы которых шероховаты и выдаются неравномерно. Края неясно обозначены. Э. М. Лаперуза относит эту стену к эпохе Соломона. Примыкающая к ней часть стены из тесаных камней с пригнанными краями, по его мнению, принадлежит проекту, связанному с расширением храма при Ироде.

На самом деле, можно представить, что в это время террасы храма увеличились в северном, южном и западном направлениях, в восточном — из-за крутого склона в долину Кедрона — сохранилась Соломонова стена, которая была продлена на север и юг. С другой стороны, с Соломоновыми стенами мы встречались только как со стенами укреплений — в Асоре, Газере и Мегиддо. Соломоновы стены представляли тогда единственные в своем роде блоки.

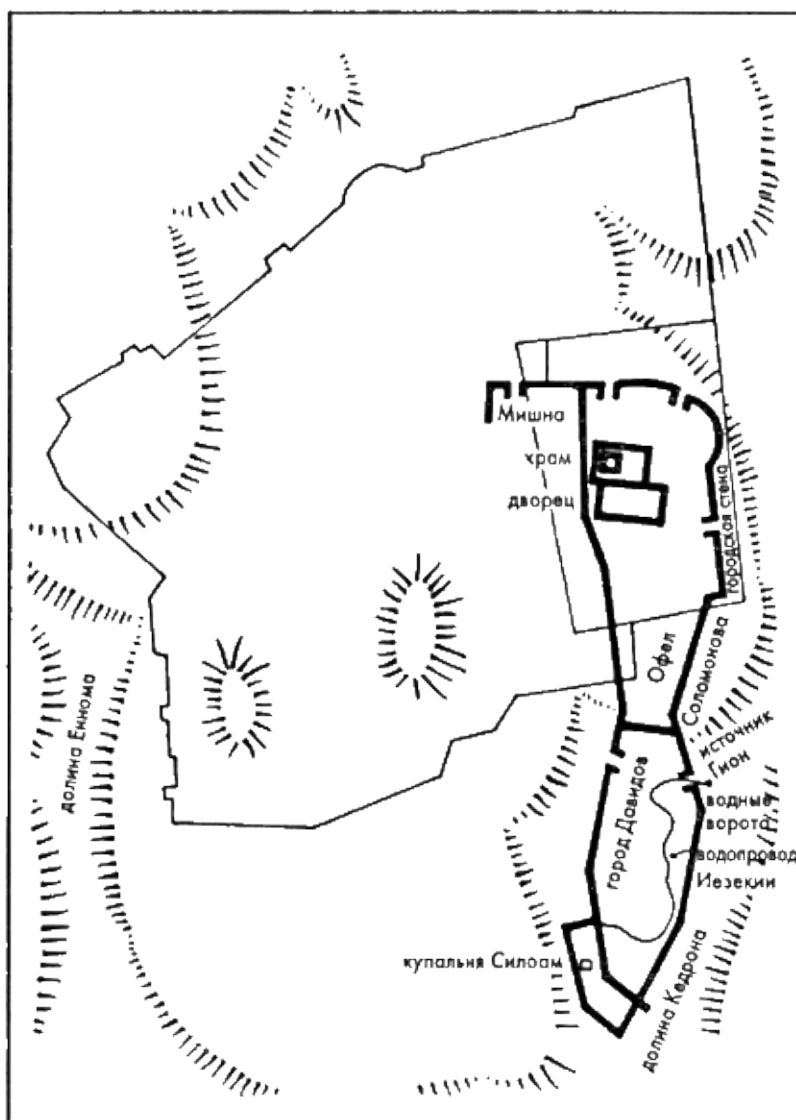

Рис. 23. Иерусалим времен Соломона

Однако Э. М. Лаперуза указывал на то, что приписываемая Соломону часть стены соответствует финикийскому методу строительства, который применялся еще до разрушения храма — например в скинии на высотах в израильском городе Дане, — и поразительно похожа на стены из Рас-Шамры XIV–XIII веков до н. э. Параллели с финикийцами не случайны, ведь именно они строили Соломонов храм.

Еще одно обстоятельство привлекло к себе внимание. При раскопках у подножия холма на восточной стороне рабочие наткнулись на осыпь хорошо отесанных мелких обломков. Из-под них извлекли капитель, выдержанную в протоионическом стиле. Без сомнения, она принадлежала внушительному архитектурному сооружению, которое располагалось на вершине холма. Могла ли находка быть фрагментом Соломонова храма? Капители подобного рода находили не только в Самарии, столице северопалестинского Израильского царства в IX столетии до н. э., а также в Мегиддо в XII веке до н. э. Таким образом, кое-что позволяет предположить, что иерусалимская капитель с завитками отсылает нас в еще более раннюю эпоху и, может быть, является единственным реликтом, дошедшим до нас со времен Соломона.

Соломон не основал храм!

Как бы то ни было, тем, кто восстанавливал храм Соломона, приходилось опираться только на сообщения в Библии. Но расшифровать их — это пережить «танталовы муки», как однажды метко определил американский ученый В. Ф. Олбрайт. Библейское повествование рисует удивительно «неисторическую» картину строительства. Так, библейские авторы внушают, что на фоне строительства храма все остальные достижения Соломона отступают на задний план. Но такой подход не соответствует действительности, ведь Соломон строил храм только семь лет. Строительство же дворца продолжалось тринадцать.

И еще одно удивительное наблюдение. В сравнении с внушительными размерами всех помещений дворца храм должен был производить довольно скромное впечатление — его можно сравнить разве что с маленькой деревянной церквушкой на территории огромного комплекса. Есть и третье наблюдение: храм был частью дворцового ансамбля. Задумывался ли он как «храм для народа» или выполнял функции только «семейного и придворного» вроде средневековых дворцовых церквей, куда народ обычно не допускался? Даже исходя из этого мы должны отказаться от библейской трактовки, которая ставит храм в центр предания о Соломоне.

Еще один пункт в предании о Соломоне должен быть поставлен под сомнение: Соломон построил Господу лишь один храм. В 1962–1967 гг. группа археологов под руководством Иоханаана Ахарони провела раскопки в Восточном Негаве. Там, примерно в 30 км восточнее Вирсавии

археологи натолкнулись на израильское укрепление в непосредственной близости с древним хананейским городом. Идеальным доказательством послужил «Соломонов слой», который можно было распознать по типичной кладке стен, расположенных перед укреплением.

Таким образом, стало ясно, что Соломон строил свои опорные пункты и на иудейском юге в целях безопасности пограничного района от нападения идумеян, а также стараясь обеспечить торговые пути. Крепостные сооружения на севере Израиля замыкали, если все это правда, систему крепостей на юге.

Но самым потрясающим открытием стала расчистка храма в северо-западной части крепостного сооружения.

Речь идет о единственном найденном на сегодняшний день храме Господнем из библейских времен! Идентификация с храмом Господним была проведена на основе найденных рукописей. Называют двух священников, Пашхура и Меремофа, известных из библейских текстов (1 Ездры 2.38; Неемия 12.3; Иеремия 20.1). Кроме того, была найдена надпись, в которой упоминается «Храм Господень». Возможно, это указание на храм в Иерусалиме, ведь ее нашли при раскопках храма в Араде.

Храм в Араде, например, соответствует совершенно другому строительному типу по сравнению с иерусалимским. В большом, окруженном стеной, переднем дворе стоит жертвенный алтарь из неотесанных камней, он выполнен по размерам ветхозаветного жертвенника (Исход 20.24). Ко двору примыкает храм, который — что удивительно! — имеет поперечное расположение.

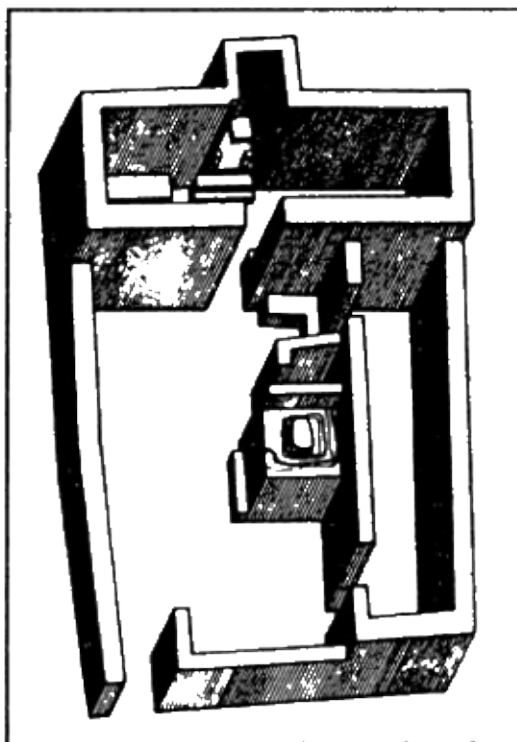

Рис. 24. Храм в Араде (Соломоново время)

Храм в Араде отличался от преобладавших тогда четырехкомнатных жилых домов, что тоже было подтверждено раскопками. Прихожане быстро отыскивали Святую Святых, которая была встроена в узкую нишу.

В противоположность этому в Святую Святых построенного примерно в то же время Иерусалимского храма нельзя было попасть запросто, что объяснялось продольным типом строительства храмов.

Это означает, что «политика строительства храмов» Соломона выходила за пределы Иерусалима. И далее, Соломон не имел ничего против предметов хананейского культа в храме Господнем. Еще одно доказательство терпимости: местность вокруг Арада была населена кенейцами. Кенейцы первоначально не относились к племени Иуды, однако были связаны родством с Моисеем (Судьи 1.16). Присоединение их земель было мирным. То, что Соломонов храм в Араде первоначально был кенейским, подтверждает наше подозрение еще с Гаваона. Соломон, кажется, шел на все, чтобы сохранить традиции племени, согласно

которым мир был превыше всего.

Библейские авторы, естественно, умолчали о храме в Араде. Для них существовал только храм в Иерусалиме, который считался единственно достойным называться храмом Господним. Но Соломон оказался мудрее авторов Библии.

Следует исправить еще одно библейское заблуждение, будто бы первый храм Соломон построил в Иерусалиме. В этом вопросе библейское предание было настолько убедительно, что никому даже не приходила мысль о том, что храм Господень в Иерусалиме мог существовать еще до Соломона. Но одно оставленное без должного внимания место подводит к волнующему выводу, что храм Господень (дом Божий) возник в Иерусалиме еще до Соломона в связи с царем Давидом — после того как умер его первый ребенок, родившийся в результате связи с Вирсавией.

С этим преданием мы уже познакомились, но тогда пропустили место, где говорится о храме Господнем. Давид после смерти сына омылся, натерся благовониями, надел новые одежды и отправился к Вирсавии. Чтобы утешить ее, он зачал Соломона. Но перед этим побывал в «доме Господнем»: «Тогда Давид встал с земли и помылся и помазался и переменял одежды свои, и пошел в дом Господень, и молился» (2 Царств 1.20).

Это прекрасное свидетельство тому, что храм Господень был в Иерусалиме еще до Соломона. Однако как это соответствует библейскому высказыванию, согласно которому Давиду было запрещено строить храм? Напрашивается ответ, что первоначально речь шла не о храме Господнем, а о иерусалимском городском храме, в котором поклонялись не Господу, а хананейско-иевуссейскому божеству. Возможно, тому таинственному Элоху, «создателю неба и земли», который снизошел до Авраама, позволив благословить его иерусалимскому священнику Мелхиседеку (Бытие 14.18).

Не дает покоя вопрос, действительно ли Соломон возвел совершенно новый храм? Библейское предание однозначно подтверждает это. Но на счет места для храма имеются два различных предания. Предание о Соломоне в Книге Царств отталкивается от «девственной» местности, на которой был возведен храм. Летописец Паралипоменона сообщает иные сведения. Согласно им, Давид приобрел у жителя Иерусалима, иевуссея Орны, землю, на которой позже будет построен храм.

Это произошло после того как Давид провел уже упоминавшуюся перепись населения с целью набора воинов и смотра жителей Израиля. Мероприятие, взламывающее сложившееся устройство войска, Господь наказал, настав моровую язву. Она не пощадила бы и Иерусалима, не

возьми Давид на себя всю вину. В качестве искупления на Давида возлагают строительство дома Господня. Поэтому он приобретает «землю Орны», где позже Соломон построят храм.

Летописец Паралипоменона идет еще дальше. Для него территория будущего храма — место священное с давних пор. Согласно этому, как раз там, где Соломон распорядился строить храм, произошло событие, которое исходит из раннего периода Израиля: задуманное Авраамом жертвоприношение Исаака на горе Мориа, которое благодаря божественному вмешательству обернулось подменой — жертвенным бараном — знак окончания принесения человеческих жертв в израильской истории (2 Паралипоменон 3.1).

Хронист все отдал за то, чтобы «израилитизировать» территорию храма. Эти сознательные усилия, на которые в Книге Царств нет и намека, рождают предположения, что территория храма не была так уж «девственна», как намекает на то Библия. Есть причины думать, что построенный Давидом алтарь в действительности был хананейско-иевуссейской святыней, которая позже Давидом была отдана Господу.

Может быть, иевуссейское культовое место, на котором следовало построить храм Соломона, требует более точной характеристики? Скорее всего «гумно Орны» располагалось неподалеку от той монументальной скалы, которая скрыта исламским минаретом. Примечательно, что библейский автор ни единым словом не упомянул Священной скалы. Хананей-иевуссеи должны быть забыты. Иначе смотрит на это поздняя мусульманская легенда, из которой следует, что пророк Мухаммед, по приказу архангела Гавриила, оттолкнулся от Священной скалы, чтобы так начать небесное путешествие.

В то время как Священная скала наряду с Каабой и могилой пророка в Мекке являются местами паломничества мусульман, библейские сообщения о строительстве храма обходят скалу молчанием, чтобы искоренить всяческие воспоминания о доизраильской святыне. Древнехристианская традиция, напротив, поступает великодушнее, она идентифицирует Священную скалу с алтарем для сжигания жертв, построенным Соломоном вне территории храма. Более поздние исламская и христианская традиции, напротив, желали, чтобы скала находилась в Святой Святынь храма Соломона.

Всего этого нельзя узнать из библейских сообщений о строительстве храма, так как они умалчивают о скале. Тем не менее в Библии все-таки есть указания на Священную скалу. Имеются в виду некоторые места в псалмах, где о Господе говорится «твердыня моя» (Псалмы 27.1; 62.3–7;

Второзак. 32.4). Но это слишком приблизительно, чтобы можно было связать с иерусалимской скалой. Отчетливее говорится в псалме 60.3, где преследуемый молится: «От конца земли взываю к Тебе в унынии сердца моего; возведи меня на скалу, для меня недостижимую».

Но и это может быть самым общим указанием на гору храма. Однозначно намекает на Священную скалу пророк Исаия: «Посему так говорит Господь Бог: вот Я полагаю в основание на Сионе камень, — камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный...» (Исаия 28.16).

Таким образом, мы приходим к выводу, что Священная скала хотя и упоминается в библейской традиции, но лишь эпизодически, потому что она, очевидно, связана с хананейско-иевуссейской культурной традицией.

Теперь перейдем к собственно рассказу о строительстве храма, который нельзя назвать полным. Так, нам ничего не известно о точном месте расположения храма, его ориентации, ни одного слова не произнесено об основных работах. Только само здание описывается несколько точнее, но и здесь чувствуются ощутимые пробелы: толщина стен, расположение фасада, си стема кровли остаются неописанными. Лишь мельком проскальзывают параметры каркаса и высоты, а также отдельных помещений храма, т. е. все, что можно было бы назвать «наметками строительства». Намного подробнее описываются боковые комнаты, которые тремя ярусами пристроены вдоль стен, включая заднюю стену храма.

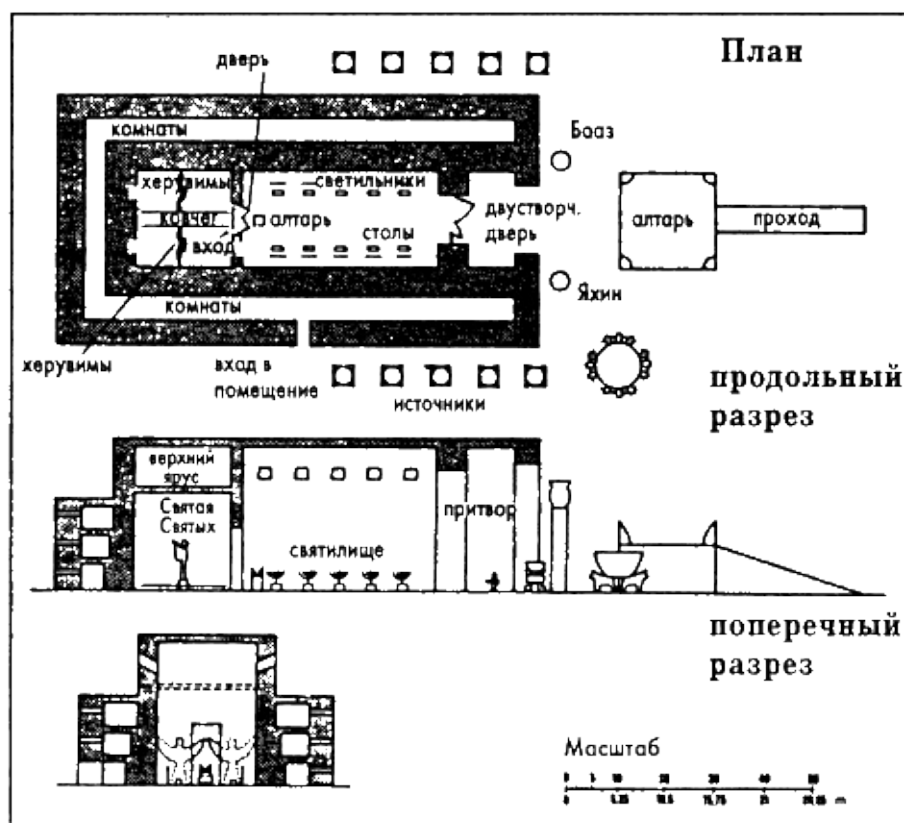
Эти боковые ярусы были пристроены после окончания предварительных работ. Именно это упорно подчеркивается: стены храма не были повреждены из-за того, что рухнули потолочные балки отдельных боковых ярусов. Еще детальнее описывается внутреннее устройство некоторых помещений храма, произведенное, пожалуй, несколько позже: столярка из кипарисовой и кедровой древесины, деревянная резьба из оливы, особенно фигурки херувимов в Святая Святых храма. Все описание, напоминающее «план строительства», опускает много деталей, которые были бы нам интересны. Оно представляет этапы, расписанные по «различным группам рабочих»: каменщики, столяры и резчики.

На самом ли деле речь идет о планировании нового строительства? Насколько верно то, что храм от самого основания был построен Соломоном? Конрад Рупрехт представил по этому вопросу в 1977 г. исследование, привлечшее внимание, где он пытается доказать, что Соломон не должен восприниматься как основатель храма, ему принадлежит лишь идея перестройки уже существовавшего ранее

хананейско-иевуссейского сооружения: «Соломон взял уже существующий храм, отремонтировал его и расширил». Речь могла идти о еще более старом иевуссейском храме, который Давид нашел на «гумне Орны» и поставил на службу Господу.

Эту ошеломляющую гипотезу он обосновывает чисто филологическими соображениями, которые почерпнул из библейского описания строительства. Путем скрупулезного анализа он доказывает, что в тексте невозможно найти никаких следов первой фазы строительства. Все другие исчерпывающие сведения — описание боковых ярусов, замечания о внутреннем оформлении и устройстве храма — предполагают уже основное строение. Согласно этому, строительство храма Соломоном на самом деле было строительством уже существующего храма.

Можно попытаться объяснить в общем и целом те строки, над которыми ломало голову не одно поколение толкователей. Они касаются описания боковых ярусов: «Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 Царств 6.7).

Эта строфа считалась чем-то невообразимым. Как можно обрабатывать камни без шума? Легенды поэтому охотно говорят о чуде. Соломон обратился к помощи ангелов и демонов, которые строили нерукотворно — таковы иудейская и мусульманская легенды. Знаменитой стала легенда о чудодейственном «камне Шамир», благодаря ему строительные камни устанавливались бесшумно.

Однако чудесам нет места в трезвом отчете о строительстве. Смысл странного текста проясняется, как считает Конрад Рупрехт, если исходить из того, что каркас храма уже существовал, еще до того как Соломон принялся за перестройку. Логично, что Конрад Рупрехт переводит слово *bnh*, которое до сих пор переводилось «строить», как «реставрировать», «перестраивать», «расширять». Тогда вместо: «В то время как Соломон строил храм», следует говорить: «Как Соломон продолжил строить...». Итак, с точки зрения истории строительства храм Соломона не был новым сооружением.

Древо жизни храма

Все-таки хотелось бы встать на защиту уникальности храма, пойдя на поводу у Библии, и внимательно изучить основной план и набросок перестроенного Соломоном храма. В отчете о строительстве храма, который на самом деле является отчетом о перестройке храма, говорится о вытянутом в длину трехчастном сооружении: притвор, собственно храм и Святая Святых (давир). Если предположить, что мера «локоть» равна = 0,5 м, то храм был 30 м (60 локтей) в длину, 10 м (20 локтей) в ширину и 15 м (30 локтей) в высоту.

Одним словом, размеры не из ряда вон выходящие. Храм Соломона был скорее всего скромным строением! И его трехчастность стоит преподносить как нечто особое. Храм Соломона соответствовал широко распространенному архитектурному типу, который был давно известен на Востоке.

Это было результатом того, что храм строили не израильтяне, а

«наемные рабочие» из Финикии, которых присылали в Иерусалим из Тира, согласно договору о сотрудничестве с Хирамом. Возможно, финикийские рабочие строили по образцам, им известным.

Результаты археологических раскопок последних 30 лет наиболее ясно показали соответствие конфигурации храма Древу жизни. Уже в третьем тысячелетии до н. э. подобные храмовые постройки были разбросаны в северо-восточной Греции (Певкакия, Дерна), Фессалии (Караново) и Анатолийском культурном пространстве (Троя).

Удлиненные боковые рукава образуют в таких типах храмов притвор. Из Анатолии подобный архитектурный стиль распространился (во II тысячелетии) в Сирию, а оттуда — в Ханаан.

Между тем вытянутая форма сооружения претерпела изменения. Так, в храме Д в Эбле наблюдается робкое деление на три части: открытый портик с притвором, потом основное помещение и в задней части — все для отправления культа, Святая Святых, своеобразный центр, где помещали изображение божества. Похожий архитектурный тип — храм в Тель-Мунбаке на восточном берегу Среднего Евфрата. Храм в Эмаре на западном берегу Евфрата тоже состоит из притвора и основного зала, в задней части которого находился подиум для священного культового изображения. Таким образом, можно считать доказанным, что уже во втором тысячелетии до н. э. в Северной Сирии имелись храмы, вытянутые в длину.

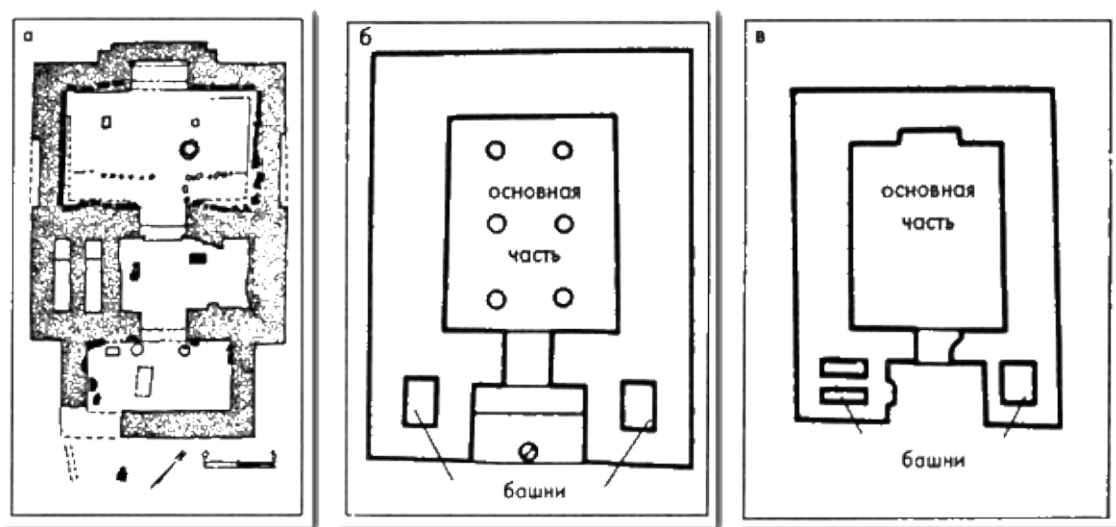

Рис. 26. Храм в разрезе: Асор (а), Сихем (б), Мегиддо (в),

Такие строения с отдельными помещениями найдены в Ханаане и Мегиддо. Они датируются XVI–XV веками до н. э. Их особенностью являются две башни по обеим сторонам притвора. В отличие от храма Соломона они имеют слабовыраженную тенденцию к вытянутости. В храме Соломона узкие и широкие стороны имеют соотношение 1:3, Сихеме — 3:4, Мегиддо — 6:7.

Самой близкой параллелью к храму Соломона и стилистически и по времени является храм в Асоре. Там в 50-х гг. Игаэль Я дин откопал хананейский храм, который делится на притвор, основное помещение и святилище, разрушенный в XIII столетии. Посвящен он был богу-громовержцу Ваалу-Хаддаду. Этот вывод сделан по базальтовому алтарю, он представляет собой круг с четырьмя лучами, символ божества. Был найден бронзовый бык, на котором стояло божество. Здесь тоже есть круглая эмблема, повторяющая ту, что на алтаре. Кроме того, найдена базальтовая плита с круглым углублением, которая играла какую-то роль в церемонии рассечения жертвы; далее, базальтовый сосуд с прекрасным узором завитком. Особенно ценны раскопанные 19 глиняных герм цилиндрической формы, на одном из которых изображены жертвенные животные, соединенные с «древом жизни». На другом виден бог-громовержец Ваал, сидящий на троне с двумя крылатыми херувимами по бокам. Еще обнаружили в притворе храма два основания колонн. Археологи были как наэлектризованные. Может, раскопали прототип храма Соломона?

На самом деле, производит впечатление то, что имеются три части, но напомним: растянутость в длину храмов в Сихеме и Мегиддо не столь явно выражена, как у Соломона. Обе колонны притвора, напротив, напоминают загадочные колонны Яхин и Боаз, которые находились в храме Иерусалима. Размещение в храме алтаря для сожжений, а также появление двух фигурок херувимов являются еще одними удивительными параллелями, разговор о которых впереди.

А как быть с трехчастностью храма? Хотя в Асоре и была Святая Святых, она представляла собой углубление в стене на некотором расстоянии от земли, куда можно было подойти непосредственно из основного помещения. Храм в Асоре состоял все же из двух частей. По поводу Соломонова храма можно сказать, что следовало бы исходить из

вытянутого в длину строения, состоящего из двух частей, внутри которого находилась Святая Святых. Она имела форму куба, была обложена досками и предназначалась для ковчега завета Господня и двух деревянных херувимов. Хотя до сегодняшнего дня не раскопано то, что осталось от храма Соломона, можно быть уверенным, что финикийские строители возводили храм, копируя форму «древа жизни». Такое утверждение верно, несмотря на то, что своеобразные финикийские храмовые строения, которые надо рассматривать как предтечи Соломонова храма, до сих пор еще не найдены. Вместо этого у нас есть знаменитый «последователь», неподалеку, в северном течении реки Оронто — финикийский храм в Тель-Таинате, раскопанный в 1930 г. Этот храм, строительство которого можно датировать 200 годами позднее Соломонова, следует форме древневосточного, точнее, древнесирийского «древа жизни», чему в основном соответствует также храм в Иерусалиме.

Храм в Тель-Таинате — это вытянутое в длину сооружение с тремя помещениями, где в третьем находится Святая Святых. В притворе были установлены две колонны. Хотя храм и построен после Соломона, нет причин сомневаться в том, что выдержан тот общий, сирийско-хананейский тип, которому следовали финикийские строители.

Подведем итог: храм Соломона не только не был вновь построенным храмом, он даже не может претендовать на особый архитектурный тип. А если сюда добавить еще и скромные параметры и относительно малое время строительства в сравнении с дворцом, то от уникальности Соломонова храма, упорно внушаемой Библией, не останется камня на камне.

Храм Соломона — детище человека

В таком случае, однако, зреет настоятельный вопрос: в чем же особое отличие строительства храма? Если не в архитектуре, форме и строительных материалах, то тогда только в придаваемом ему значении. Но каково оно? Мы приблизимся к ответу, если вначале определим, чем храм Соломона не являлся: это не храм мертвых как большинство египетских храмов, в которых воображалась дальнейшая жизнь фараонов. Это и не храм победы, как большинство месопотамских и множество египетских храмов, в которых увековечивались цари-триумфаторы. Более того, в идее Соломонова храма отсутствует существенный элемент: его строительство совершается не по Божьей воле.

Этим он и отличается от храмовых построек шумерского царя Гудеа из Лагаша (ок. 215 до н. э.). Во сне ему дается божественное указание построить храм богу Нингирсу. Нингирсу сообщает спящему царю точный план строительства, по которому должен быть построен храм. После этого царь сообщает своим придворным о намерении построить храм по божественному плану. Берутся на работу строители, привозят из Ливана кедр, золото и серебро для оформления внутри и снаружи.

С Соломоном все иначе. У него тоже было видение — на Гаваоне, однако Господь не поручал ему строить храм. Это значит, что идея строительства не была инспирирована свыше, ее можно объяснить человеческим желанием и стремлением. Таким образом, строительство храма Соломоном — «человеческое детище».

Это впечатление усилится, если в нашем поле зрения будет находиться удивительная предыстория. Согласно ей, еще Давид вынашивал мысль построить храм для Господа. Однако придворный пророк Нафан категорически ему это запретил. Его устами говорит Господь: «Ты ли построишь Мне дом для Моего обитания... где Я ни ходил со всеми сынами Израиля, говорил ли... «почему не постройте Мне кедрового дома?»» (2 Царств 7.5). Это значит: как покровитель кочевников Господь не нуждается напрямую в особом возведении храма, призванном прославлять его явление. Вследствие запрета на строительство Давиду надлежало уяснить, что он более чем заблуждается, полагая, что таким образом возвысит и придаст вес в религиозном смысле царскому городу Иерусалиму.

В отличие от древневосточных традиций своих соседей древние израильтяне не считали строительство храма непременным условием: Богу кочевников не пристало сидеть в храме — вот суть запрета.

Разумеется, библейское предание пытается, представив пророчество таким образом, перебросить мостик к Соломонову строительству храма: что запрещено Давиду, позволено его сыну Соломону. И после окончания строительства Соломон в большой речи по случаю освящения храма подчеркивает эту связь: «У Давида, отца моего, было на сердце построить храм имени Господа Бога Израилева; но Господь сказал Давиду, отцу моему: «у тебя есть на сердце построить храм имени Моему; хорошо, что это у тебя лежит на сердце; однако не ты построишь храм, а сын твой, исшедший из чресл твоих, он построит храм имени Моему» (3 Царств 8.17).

Это высказывание Соломона наверняка можно отнести на счет библейских авторов, ведь в распоряжении, доведенном Давиду, нет ни

слова о том, что Господь одобрил в принципе идею Давида. Речь Нафана содержит не только непоколебимое «нет» строительству Давидом храма, но идет еще дальше: «И Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом. Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его» (2 Царств 7.11).

Не Давид будет строить «дом» Господу, а Господь — Давиду. Но под этим подразумевается не храм, а Давидова династия. Эта «враждебная храму» речь Нафана была дополнена библейскими редакторами указанием на строительство храма Соломоном. В противоположность библейскому представлению, которое хотело бы установить связь между Давидовой и Соломоновой моделями храма, надо уяснить, что Соломон велел возвести храм по собственной инициативе. Об этом же отчет о строительстве храма: и речи нет о божественном поручении и якобы пророческом разрешении. Нет, строительство храма Соломоном было исключительно «человеческим детищем».

Превращение ковчега

Итак, мы опять вернулись к вопросу, в чем особенность, присущая лишь храму Соломона. Что отличает храм в Иерусалиме от всех остальных древневосточных храмов? Отсутствие какого бы то ни было изображения Бога! В святилище не было установлено никаких статуй богов, никаких идолов, никакого золотого тельца — воплощений божественной сути.

Храм в Иерусалиме был сохранившим верность древнеизраильской заповеди о том, что Бога нельзя изображать. Можно бы этим удовлетвориться и принять к сведению отсутствие именно того, что в древневосточном смысле как раз и делало храм храмом.

Но все не так просто. Как мы знаем, хотя в Святая Святых и не было установлено изображения Бога, все-таки что-то указывало на его присутствие — ковчег, тот загадочный ящик ('агоп), о значение которого постоянно и с переменным успехом ломали головы. Может быть, именно ковчег в Святая Святых храма укажет на «самое главное» Соломонова храма? Мы отвечаем «да», но исходим из того, что до сегодняшнего дня не выявлено, какова же истинная роль ковчега в храме. Библейские авторы не в большей степени приблизились к истинному смыслу ковчега в Святая Святых. Чтобы понять, следует вспомнить предысторию древнеизраильской святыни.

Впервые мы встречаемся с ковчегом, когда войско Моисея оставило Синай. В ковчеге, деревянном ящике, они перевозили Бога:

«И отправились они от горы Господней на три дня пути, и ковчег завета Господня шел пред ними три дня пути, чтоб усмотреть им место, где остановиться. Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым!» (Числа 11.33).

В этом древнем рассказе объясняется то, чем вначале являлся ковчег: военный палладий, его возили с собой кочевники Моисея, место нахождения воинственного Господа, которого просили о могущественном вмешательстве. Ковчег был военным символом, постоянно доказывал свое могущество: при переходе через Иордан (Иисус Навин 3) и при «взятии» Иерихона (Иисус Навин 6). Он олицетворял военный захватнический характер, когда его возили за собой к провинившимся сынам Вениаминовым в Гиву, город, который был изобличен в разврате (Судьи 20.26).

После того как израильские племена стали оседлыми, ковчег появляется то тут, то там, пока не получает постоянной прописки в ефремском городе Сил оме. Для него была создана храмовая служба, проводились паломничества, перед ним приносили клятвы, давали обеты (1 Царств 1).

Ковчег сохранил и в Силоме свою воинственную функцию. Это можно понять по имени Господа, ведь в Силоме Бога Израиля называли «Бог Саваоф», «Господь великого воинства», причем имелось ли в виду небесное войско или человеческое, играло второстепенную роль. Одна интересная теория исходит из того, что под множеством войск Господа следует понимать сводные войска с севера и юга Израиля. Решающим остается, что имени «Саваоф» особо созвучен воинственный характер Бога.

Это подтверждается, когда филистимляне поднялись против Израиля и одержали победу в битве у Афека. Побежденные израильтяне вспомнили о «военном могуществе» ковчега, который был срочно доставлен из Силома. Но на этот раз он не помог. Израильтяне бежали, ковчег попал в руки филистимлян и был установлен в храме Дагона в филистимлянском городе Азоте.

Однако воинственный характер ковчега продолжает проявляться магическо-разрушительным образом: в храме Дагона обрушивается истукан, голова и руки враждебного бога лежат разломанные перед ковчегом. Жителей Азота поражает загадочная болезнь, смерть нависла над

городом. Злосчастный ящик приносят в Экрон, где жители города не желают его размещения. Им страшно от жуткого разрушительного действия святыни. Ковчег устанавливают на колесницу, запряженную двумя коровами, предоставляя им свободу действий. Колесница начинает свой путь, пока не останавливается в Вефсалисе. Жители ставят ковчег на священный камень, приносят жертвы, но болезни и смерть продолжают распространяться. Наконец ящик находит прибежище в Кириаф-Иариме, где его освящают и окружают заботой (1 Царств 4–7).

В последующее время ковчег, кажется, почти забывают, пока о бывшей военной святыне не напоминает царь Давид. Он распоряжается перевезти ковчег в Иерусалим, добыть для царского города древнеизраильскую святыню, идея, которую впоследствии стоило назвать гениальной, так как Иерусалим смог возвыситься до культового центра всех израильских племен.

Переезд ящика в Иерусалим описывается очень красочно. Отряд в 34 000 воинов должен отправиться забрать святыню. В пути случается жуткое магическое происшествие, когда некий Оза хватается за ковчег, потому что тянущие повозку вола наклонили ее. Оза умирает, пораженный «гневом Господним» (2 Царств 6.7). При въезде в Иерусалим настроение меняется. Царь Давид исполняет перед ковчегом загадочный танец: «Давид скакал из всей силы перед Господом; одет же был Давид в льняной ефод» (2 Царств 6.14).

Полуголый, забыв обо всем, танцует Давид перед ковчегом. Это приводит к тому, что жена Давида Мелхола, которая растерянно наблюдает за оживлением перед дворцом, заводит с ним разговор и упрекает в том, что он обнажился перед рабынями своих рабов, унижая себя. Давид же защищает свой танец как «священный», совершаемый в честь Господа.

Понять характер этого танца нам трудно и сегодня, потому что о ритуальных танцах в Израиле почти ничего не известно. Однако в связи с преданием о ящике мы вправе предположить, что речь идет о священном танце воина, сравнимом с танцами, известными из архаических культур. В пользу этого говорит и тот факт, что израильские воины приступали к войне *chalusim*, т. е. в ряд ли одетые.

Таким образом поход с ящиком складывается в целостную картину. Вокруг боевой святыни — ящика, доставленного Давидовыми ополченцами, — танцует священный танец войны царь-воин, в котором есть что-то от священника, и эта святыня устанавливается в шатре — Святая Святых, где Давид благословляет своих солдат от имени бога войны Саваофа.

В образе ковчега Давид доставил древнеизраильскую святыню в Иерусалим и поддержал кочевническую военную традицию: богу войны военную святыню от воинственного царя. А как поведет себя Соломон? Станет ли он расстилаться перед древнеизраильской военной святыней?

Когда через семь лет храм был построен, приходит время праздничного освящения. Царь Соломон и старейшины племен собираются перевезти ковчег из шатра-скинии Давида в храм. Приглашают священников, чтобы нести ящик:

«А царь Соломон и с ним все общество Израилево, собравшееся к нему, шли пред ковчегом, принося жертвы из мелкого и крупного скота, которых невозможно исчислить и определить по множеству их. И внесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня. В ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей на Хориве, когда Господь заключил завет с сынами Израилевыми, по исшествии их из земли Египетской» (3 Царств 5.11).

Этот эпизод поражает тем, что лишен воинственных черт. Ничего не дает предположить, что речь идет о военной святыне. Вокруг нее не исполняют соответствующих танцев, она не создает впечатления чего-то магического и разрушительного и невидимо сидящего в ковчеге Бога не называют боевым именем (Саваоф). Вся процессия описывается кратко и без затей. Библейским авторам, кажется, важно только одно: указать точное место святыни.

Таким образом, мы получаем первые важные данные. Символ войны и страха ковчег успокаивают, как бы «хоронят». Минуло время разрушительных дел священного ящика. Можно сказать, что святыня союза с Господом, обладавшая невероятной силой, получив место в храме, утратила свое назначение.

Является ли это делом рук Соломона? Исследователи настроены достаточно скептически, поскольку описание храмового праздника типично для языка и мира представлений библейских авторов, но они — настоятельно подчеркиваем — писали спустя 400 лет после Соломона. Мы не будем пускаться в описание деталей, однако хотим обратить внимание на то, что с установлением ковчега в храме Соломона воинственная сущность святыни окончательно теряет силу.

Ее никогда уже не будут выносить из храма в военных целях, ее не

будут использовать как военный палладий. После установления в храме ковчег никогда не проявит себя как самостоятельный объект или субъект, приводящий в ужас власти. Это «усмирение» могущественной святыни представляется нам главным делом Соломона и объясняет, как нам кажется, истинный смысл строительства: в храме Соломона войне и насилию нет места. Таким образом слова Соломона, произнесенные в заключение праздничной речи, содержат глубокий созидающий смысл: «Благословен Господь, Который дал покой народу Своему Израилю, как говорил! не осталось неисполненным ни одного слова из всех благих слов Его, которые он изрек чрез раба Своего Моисея» (1 Царств 8.56).

Мы не можем быть полностью уверены, что Соломон на самом деле сказал то, что библейские авторы вложили ему в уста. Для нас несомненно одно — они гениально чувствовали «дух мира» Соломона: творение Соломона означает мир — народу Израиля дан покой; напоминаются благие слова Моисея, а не его призыв к войне, которые были как-то связаны с ковчегом. А мы можем еще добавить, что воинственный Бог времен кочевников успокаивается в храме Соломона. И то, что вспыхнуло в божественном видении Соломона в Гаваоне, достигает в строительстве храма, пожалуй, самого прекрасного выражения: царь мира строит Богу мира храм мира.

Библейские авторы не выдвигали на передний план мирного характера, в центре внимания были теологические аспекты повествования. Они, однако, не утаивают, что именно мир был условием для построения храма. Так, летописец спустя 700 лет после Соломона дает интересное обоснование, почему Соломон, а не Давид, имел право построить храм:

«И призвал Соломона, сына своего, и завещал ему построить дом Господу Богу Израилеву. И сказал Давид Соломону: Сын мой! У меня было на сердце построить дом во имя Господа, Бога моего, но было ко мне слово Господне, и сказано: «ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дома имени Моему, потому что пролил много крови на землю пред лицом Моим» (1 Паралипоменон 22.6).

Хотя это предание достаточно молодо, оно передает что-то от мирного характера Соломонова храма. У Давида руки были в крови, и это противоречило строительству храма; мирный храм мог возникнуть только при мирном царе Соломоне. Библейское предание, к сожалению, ограничивается тем, что мир при Соломоне был условием строительства храма. Не в их силах показать, что смысл его есть отражение идеи мира Соломона.

Истина откроется лишь если мы на свежую голову еще раз пройдемся

по всему рассказу о ковчеге и уясним, что он из святыни войны превратился в святыню мира.

В этом и особенность храма Соломона: взамен изображения Бога, как это имело место в древневосточных храмах, в центре религиозного почитания появляется символ, лишенный какого бы то ни было характера насилия. Итак, можно с полным правом сказать: строительство храма с ковчегом в Святая Святых стало для Соломона венцом общего дела мира.

Власть херувимов

Все же не только история с ковчегом подчеркивает мирный характер, здесь еще прослеживается новая связь: к ковчегу были приставлены 2,5-метровые херувимы, простиравшие над ним крылья. Крылатый херувим — сказочный образ, иногда в человеческом облике, иногда в образе льва, — пришел из месопотамской культуры. Его аккадское имя — *karibu* или *suribus*, что первоначально означало «гений», «вестник», «представитель великих богов» и «посредник».

О херувимах мы кое-что узнаем, когда ковчег был доставлен из Силона, чтобы получить помощь в походе против филистимлян: «И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег завета Господа Саваофа, сидящего на херувимах» (1 Царств 4.4).

Когда Давид отправил ковчег в Иерусалим, заходит речь о хозяине херувимов: «... Ковчег Божий, на котором нарицается имя Господа Саваофа, сидящего на херувимах» (2 Царств 6.2).

Херувимы были связаны с ковчегом, очевидно, со времени своего появления в Силоме. Не совсем ясно, то ли херувимы сопровождали ковчег, то ли находились в нем. К вопросу нельзя подходить однозначно, известно лишь, что херувимы, связанные с ковчегом в Силоме, не могут быть теми же самыми, что были установлены Соломоном в Святая Святых храма. Херувимы изготовлены отдельно от ковчега. Так вот это означает, что ковчег и херувимы были соединены только в храме.

Но что означало появление херувимов, простиравших свои крылья над ковчегом? Ответ мы найдем в том фрагменте предания, где Моисей призывает провозгласить ковчег палладием войны и молит воинственного Господа войти в святыню (Числа 10.35). И тогда Господь сошел в ковчег, но оставил его сразу как только война закончилась. Из этого вытекает, что ковчег рассматривался как место для воинственного Господа.

В храме Соломона это представление было решительным образом

изменено. Уже не ковчег понимался как тронное место, а херувимы, распластавшие крылья над ним. Но это означает, что здесь меняются присущие ковчегу военные качества и показатель этого — трон Господа. Господь восседает уже не в ковчеге, а на херувимах. Он меняет изначально воинственный трон на «мирный царский».

Херувимы известны нам из древневосточного мира Израиля как «несущие трон». В резьбе по слоновой кости из Мегиддо (1350–1150 до н. э.) мы видим царя на троне с херувимами в тот момент, когда к нему подводят пленников. Нам уже знакомо изображение трона на саркофаге царя Ахирама из Библа, которое исходит, пожалуй, из XIII века до н. э. Царь Библа сидит на троне с херувимами, а процессия с дарами и подношениями приближается к нему. Пример очень важен для нас, ведь Библ был финикийским городом. Из Финикии родом также и мастера, которые изготовили резьбу в храме и херувимов для ковчега.

Но херувимы выступают не только как носители трона. В хананейском храме Асора отыскался камень-герма, где изображен восседающий на троне бог-громовержец Ваал-Хаддад, а над ним два херувима-хранителя. Более того, в Египте существовала монументальная галерея со сфинксами, которые охраняли вход к обожествляемому фараону. На чудесным образом выполненных нагрудных табличках мы встречаемся с летающими сфинксами египетского царя Тутанхамона: с одной стороны, они олицетворяют бога Солнца, а с другой — в них воплощаются две богини, разыскивающие Осириса.

Следует обратить внимание на египетские параллели, поскольку в эпизоде, описывающем ковчег в Си-ломе, упоминаются два священника с египетскими именами — Хофни и Финеас. Похоже на то, что с херувимами связаны не только финикийско-хананейские, но и египетские воззрения. И все же остается существенное различие — херувимы в храме Соломона не олицетворяют Божественного. Это не почитаемое египтянами Солнце, не божество на нагруднике Тутанхамона — вспомним о древнеизраильском запрете на изображение невидимого вездесущего Бога.

Господь, сидящий на херувимах, — невидимый, но вездесущий и всемогущий Бог. Так он неоднократно называется в Библии; так молит царь Иезекия помощи у Господа: «Сидящий на херувимах», когда Иерусалим был осажден ассирийским царем Сеннахири-мом (4 Царств 19.15). Господь упоминается также и в псалмах. Его присутствие воспевается, когда херувим везет колесницу и при этом обращает на службу силы природы — ветер и облака, а человеку в крайней нужде Сидящий на херувимах, дарует спасение:

«Но в тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал, и Он услышал из чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его. Потряслась, поколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания небес, ибо разгневался. Поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поедающий, горящие угли сыпались от Него... и воссел на херувимов и полетел... Простер он руку с высоты и взял меня и извлек меня из вод многих... и вывел меня на просторное место, ибо Он благоволит ко мне» (3 Царств 22.7).

Сомнений нет, с представлением о Господе, «сидящем на херувимах», связывается могущество космического размаха, приводящее в движение даже силы природы. «Священное» могущество, повергающее человека в ужас и одновременно потрясает его, вызывая всплеск религиозности, который можно описать как «Мистерию священного трепета и единения». Могущество Сидящего на херувимах не разрушительное, а спасительное, оно не уничтожает жизнь, а призывает к жизни. Это не то, что исходило первоначально от ковчега.

Херувимы несут в себе нечто от «благого» могущества, которое исходит от Господа. Это понятно еще и потому, что они не только возвышаются над ковчегом, но и в разных вариациях изображены на резьбе внутри храма: «И на всех стенах храма кругом сделал резные изображения херувимов и пальмовых деревьев, и распускающихся цветов, внутри и вне» (3 Царств 6.29).

Херувимы среди пальм и цветов были изображены также на главных воротах и входах. Тем самым открывается еще одно значение херувимов: защитник мира природы, особенно Древа жизни, символом чего являлась пальма.

В роли охранителей Древа жизни херувимы изображались еще задолго до Соломона, прежде всего в месопотамском культурном пространстве, например на камне в Гезере (ок. XV в. до н. э.) и на ковчеге в Ларнаке на Кипре (1400–1200 до н. э.). Если перевести взгляд от внушительных херувимов, поставленных около ковчега, на херувимов среди пальм и цветов, украшающих внутреннее помещение храма, то ощущается странный двойной смысл: если херувимы над ковчегом призваны подчеркнуть высший аспект Бога-все-держителя, то херувимы на резной стене подчеркивают мощь радостную, обращенную к истинной жизни. Храм внутри подобен райскому саду.

Такое восприятие не обманчивое, так как мы знаем, что в библейском раю херувимы охраняли доступ к Древу жизни (Бытие 3.24). Таким образом, храм предлагает нам посмотреть на библейскую историю в раю

глазами Соломона. Как уже давно известно, в райском Древе познания отразился опыт мудрости Соломона. Теперь мы понимаем, что храм Соломона — это место не только присутствия Господа, но и то, где открываются двери в райский сад жизни. Однако храм даже нечто большее: если в саду херувим преграждает дорогу к Древу жизни, подняв меч, то храм открывается входящему человеку. Никакой херувим не преградит ему дороги к познанию той счастливой жизни, скрытой в раю, которая всегда казалась непостижимой. Таким образом, храм Соломона оказывается местом мира и жизни.

Давайте обратим свой взор еще раз к небольшому ковчегу, который скрыт под крыльями херувимов. Создается впечатление, будто он, бывшая боевая святыня израильтян, потерял свой статус. Некоторые наблюдения свидетельствуют об этом. Тогда становится ясна странная и остававшаяся непонятой до сегодняшнего дня запись, говорящая, что жерди, на которых несли ковчег, из основного помещения были видны не полностью, если смотреть через узкую щель в занавесе перед Святой Святых. Это значит, что жерди расположены вдоль. Их концы были нацелены не в сторону смотрящего, а лежали относительно него поперек.

Очень важное сообщение, в соответствии с которым ковчег представлялся взору с боковой стороны. В чисто оптическом плане теперь уже никому бы не пришла мысль, что ковчег — это трон.

И еще кое-что указывает на изменение в положении святыни. Так, в некоторых псалмах говорится о «подножии» Господа: «Превозносите Господа, Бога нашего и поклоняйтесь подножию Его: свято оно» (Псалом 98.5). «Пойдем к жилищу Его, поклонимся подножию ног Его» (Псалом 131.7).

Напрашивается мысль связать подножие с ковчегом. Тогда Господь сидел бы на херувимах, а ковчег рассматривался бы только как подножие. В пользу такой трактовки говорит многое, поскольку мы уже обнаружили подставку для ног перед тронном с херувимами у царей Мегиддо.

Скрижали закона

И все же имеем ли мы, на самом деле, право говорить о снижении святости ковчега? Сомнение здесь уместно, поскольку хотя Соломон и лишил ковчег функции «порождения насилия», он наделил его новым значением. Посему на первый план выдвигается сообщение, где говорится, что в ковчег были положены обе доски с законом Моисея (3 Царств 8.9).

Это сообщение наталкивает нас на определенную мысль, так как во всех историях, когда ковчег играл роль военной святыни, и речи не возникало о наличии в нем скрижалей закона. Естественно, можно предположить, что их вложение имело место только в храме Соломона.

Наше предположение в праве оспорить все, кто исходит из того, что ковчег и скрижали закона не разлучались со времен кочевья. Такая трактовка основывается на упоминании ковчега во второй книге Моисеевой (25.10), где мозаистские скрижали закона указываются как содержимое ковчега. Но ведь мы уже знаем, что мозаистское описание введено в Библию намного позже, авторами, которые картину Соломонова храма спроецировали ко времени хождения по пустыне войска Моисея. Доказательство не составляет труда, так как первоначальные упоминания о ковчеге ничего не содержат о появлении скрижалей закона, в особенности предания, где говорится о ковчеге как военной святыне.

Интересно наблюдение исследователя Юлиана Моргенштерна. Он занимался теми маленькими переносными ковчегами-палатками, которые известны у бедуинов и кочевников со времен зарождения ислама до сегодняшнего дня. Эта переносная палатка с острым верхом из красной кожи служит проводником в пустыне. Она использовалась как боевой палладий, в ней находились священные камни или реликвии кочевников. После прихода ислама священные камни были заменены одной или двумя копиями Корана.

Сходство между палаткой и ковчегом налицо: и та и другой являются боевыми палладиями и содержат камни, оба путешествуют с кочевниками и их оберегают священники. Идентифицировать их не стоит, так как ковчег — это ящик ('агоп), а не палатка. Его возили в колеснице или несли люди, палатку ставили на горб верблюда. Но решающую роль играет то, что в библейских сообщениях, где речь идет о боевых ковчегах, никогда не упоминается о досках с законами.

Итак, наше впечатление о том, что ковчег только в Соломоновом храме стал хранилищем закона, кажется, укрепляется.

Почему Соломон превратил ковчег в символ союза с Богом и символ закона? Ответ очевиден. Он нужен был ему не только из-за первоначального значения военной святыни, а для замены воинственного значения на мирное. Военная святыня была «обращена в другую веру», стала оплотом, в котором символически представлен союз с Богом на горе Синай и 10 заповедей Моисея. Установление ковчега в Соломоновом храме превратило его из символа войны в символ жизни и порядка, который напоминал о том основополагающем опыте, что выработала

древнеизраильская форма жизни. Союз с Богом сделал Израиль народом, верующим в Господа, десять заповедей провозглашали божественное право, где напоминалось об освободительном исходе из Египта, а также о тех требованиях, которые закреплялись в религиозных и социальных заповедях.

Таким образом, наши наблюдения рисуют убедительную и целостную картину: храм Соломона приобретает особое значение посредством того, что он поместил в центр религиозного почитания ковчег, святыню, чье первоначальное значение — трон для воинственного Господа — постепенно устранилось. Насильственный характер уступал место установленным Соломоном херувимам, которые оберегали как ангелы-хранители средоточие жизни Израиля — Господа Бога и ковчег. Ковчег становился символом-напоминанием о жизнеутверждающем союзе на горе Синай и 10 заповедях. Таким образом, Соломону не только удалось придать мирное направление ковчегу, но и установить связь между «новейшим» царским (Гаваонское откровение) и древнеизраильским божественным правом (10 заповедей).

Строительство Соломоном храма не может считаться уникальным, ни с точки зрения исторического строительства, ни с точки зрения архитектуры. Что касается мирного значения, которое возводило храм в символ совершенной жизни, то оно способствует «счастливому пространству». Кто близок к древневосточным храмам, вряд ли ощутит этот «счастливый налет». Египетские храмы свидетельствуют о серьезности судьбы и строились для того, чтобы ее задобрить. Так же как месопотамские храмы они служили часто возвеличиванию какого-нибудь богоподобного царя. Более поздние греческие храмы поведали о судьбе богов, но счастливой идее мира их не посвящали. Один лишь храм Соломона наглядно представляет великую идею мира, которая безраздельно принадлежит мирной истории человечества.

Соломон — первосвященник

К сожалению, мирный характер храма Соломона во всей его многослойности остался до сегодняшнего дня не раскрытым. Ответственность за это лежит на библейских авторах, которые хотя и говорили о ковчеге, херувимах и скрижалях закона, но не раскрыли смысла мира и жизни святынь храма. Библейских авторов интересовали другие, религиозные связи.

Соломон приближается к храму не только как царь, но и как первосвященник, он идет во главе процессии ковчега, произносит большую путеводную речь, которая раскрывала религиозный смысл храма, читает самую длинную молитву Ветхого Завета, благословляет храмовую общину и принимает участие в празднике жертвоприношения по случаю освящения храма. Что здесь можно доказать исторически? Что можно отнести на счет библейских авторов, которые скорее всего хотели показать Соломона во всем блеске?

Не стоит сомневаться в роли Соломона — первосвященника, так как храм был царским храмом, что служило обоснованием прав Соломона-священника. Еще Давид брал на себя обязанности священников, и Соломон присоединился к традиции отца.

В пользу исторического восприятия Соломона как первосвященника говорит еще один важный пункт: после Соломона царей все чаще и чаще ограничивали в функции первосвященника. Это видно из того, что никто из наследников Давида и Соломона не выступал как благословляющие. Благословение целиком и полностью перешло к священникам, причем оно совершалось теми словами, которые однажды были переданы Аарону: «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя!» (Числа 6.24).

Соломон использовал право священника, когда благословлял общину храма. Он возносит хвалу Господу, «который дал покой народу Своему Израилю» (3 Царств 8.56). И если в благословении Аарона-священника речь идет о мире каждого отдельного человека, Соломоново благословение распространяется на политический мир, изменяется благословение Аарона, более подходящее для Соломона, который, будучи царем, ответствен за мир народа.

Библейские авторы не критиковали Соломона за изменение священнического благословения. Но он был последним царем, которому присвоили право благословения. Позже, правда, возникали тяжбы, когда цари присваивали себе права священников, например, царь Иосия не постеснялся воскурить фимиам в храме Господнем. 80 священников — среди них и первосвященник Азария — возмутились и царя поразила проказа (2 Паралипоменон 26.16).

Предание о Соломоне в Паралипоменоне заходит так далеко, что попросту вытесняет благословение первосвященников из Книги Царств. Вследствие этого мы можем заключить, что вряд ли стали бы придумывать благословляющего верховного священника в лице Соломона, когда у царей уже давно оспаривались права на это.

Соломон выступает не только как благословляющий верховный священник, он действует так же, по мнению библейских авторов, как священник на жертвоприношении. В этой функции мы наблюдали его уже на высотах Гаваона. Во время освящения храма все было еще величественнее, так как число жертвуемых животных было невероятным: 22 тыс. голов крупного рогатого скота и 120 тыс. овец должны были принести в жертву. Так, Соломон освящал двор храма, где забивались животные, ведь обычного алтаря для сожжения не хватало, ибо это было самое большое жертвоприношение, когда-либо наблюдавшееся в Израиле.

Не только число жертвенных животных превысило их число на Гаваонских высотах, но изменился характер жертвы. Если в Гаваоне жертвы исключительно сжигались, т. е. сжигалось все животное, во дворе храма производилось преимущественно принесение благодарственной жертвы, когда от животного часть съедали. В чем же отличие? Жертвы сжиганием были искупительными жертвами. Благодарственные, напротив, жертвами, в которых радостно прославлялось божественное сообщество. Итак, мы видим, что с храмом Соломона связана скорее радость, нежели страдание.

На самом ли деле Соломон выступил священником на жертвоприношениях? Мы сомневаемся, и можем подкрепить это тремя наблюдениями: алтарем для сжигания жертв, удивительным появлением облаков и храмовой молитвой Соломона. Если мы вернемся еще раз к отчету о строительстве храма, то поймем, что о возведении алтаря для сжигания жертв нет ни одного слова. И если бы в отчете было только описание храма — без освящения — мы должны были бы исходить из того, что Соломон построил храм без жертвенника для животных.

Делались попытки найти причины такого странного умалчивания об алтаре в отчете о строительстве храма. Многие ученые исходят из того, что алтарь не упоминается потому, что он не соответствовал строгим предписаниям древнеизраильского закона об алтаре, который гласил: «Сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои, и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих; если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных, ибо, как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их» (Исход 20.24).

Жертвенник Соломонова храма не соответствовал этим предписаниям. Он был железный, а не из необработанного камня. Библейским авторам, вероятно, казалось, что «медный» алтарь надо убрать; поэтому они и промолчали о нем в описании строительства храма. Но то, что, несмотря на это, они позволяют Соломону приносить жертву, означает относительную

непоследовательность, которая ведет или к старым источникам, в которых упоминается храм, или к области теологии по поводу жертв у библейских авторов, которые не могли представить себе храма без подобного мероприятия.

Трудно сделать выбор между двумя возможностями. Но можно сказать с уверенностью, что жертва Соломона не могла быть принесена, как описывают библейские авторы. За это говорит совершенно невероятное количество жертвуемых животных. Тому, кто свяжет это со скромными размерами переднего двора храма, все станет ясно.

То, что жертвы не очень занимали мысли Соломона, вытекает из другого случая, происшедшего после водружения ковчега в Святая Святых: «Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень» (3 Царств 8.10).

Представление о присутствии бога в виде облака подтверждается еще двумя моментами: первое — во время исхода Моисеева войска из Египта (Исход 40.34 и др.) облако сопровождало и охраняло народ. Второе — облака относятся к представлению о Господе как сидящему на херувимах. В псалме (104, 3) говорится: «... делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра...».

Мы считаем эпифанию с облаками теологическим дополнением библейских авторов, которым необходимо было усилить божественный аспект освящения храма. Но для нас важнее другое сообщение — то, что священники не могли приступить к исполнению своих обязанностей в связи с появлением облака. Значит они не могли проводить обряд жертвоприношения на том курительном алтаре, который был установлен перед Святая Святых в зале храма.

Священники также не могли воспользоваться позолоченным красным столом, на котором лежали 12 хлебов, символ 12 племен Израиля. Первоначально речь шла о столе для пожертвований, который известен нам по рельефу времен царя Ашшурбанипала (668–626 до н. э.). Следовательно, для священников возникало препятствие, мешающее выступать в качестве жертвоприносящих священников, — это служит для нас скрытым указанием на то, что храм Соломона не является в первую очередь храмом для жертвоприношений.

Такое впечатление укрепляется, если мы обратим больше внимания на храмовую речь Соломона. Естественно, ее выдержали в стиле библейских авторов. Но для нас совершенно ясно, что она пропитана «Соломоновым духом». Что должен делать в храме прихожанин, по мнению Соломона?

Ответ недвусмыслен и понятен: храм — место исключительно для молитвы: к молитве приглашались те, кто согрешил, к молитве зовут, когда нет дождя, на людей обрушился голод или чума; к молитве допускались даже чужеземцы, которые прибывали в Иерусалим (3 Царств 8.29).

Инородным телом кажется нам молитва, имевшая место, когда «народ отправлялся на войну против своих врагов», суть которой совсем не отражает того, что мы узнали о Соломоне. Поэтому мы считаем, что с этой просьбой Соломон не обращался, она сочинена библейскими авторами, которые благочестие Соломона превратили в «молитвенный катехизис». К нему авторы Библии добавили еще просьбы о возвращении «обращенных» израильтян в Иерусалим, тех, которые в 587 до н. э. были угнаны в Вавилон. Несмотря на то, что авторы Библии — согласно священному числу «семь» — дополнили храмовую молитву, остается ясно: храм Соломона первоначально был домом молитвы, а не культовых или ритуальных церемоний. О принесении жертв в речи Соломона нет ни одного слова.

Соломон больше не был заинтересован в культовых церемониях, ритуалах жертвоприношений, для него важно происходящее «внутри», вызванное личными или общественными бедами. Соломону принадлежит заслуга в понимании истинной благочестивости храма — не ритуальной, а исходящей от души. При этом обращает на себя внимание, что наряду с природными катаклизмами, такими как засуха, голод, чума, поводом к молитве были прежде всего этические проявления — грех народа и отдельных людей, — указание на то, что Соломон был представителем морально-нравственной религиозности.

Соломон не нападал непосредственно на культ жертвоприношения — как позже это делали пророки — он его просто не упоминал в своей большой храмовой речи. Эта стратегия умолчания обо всем, что относится к культу и ритуалу, с нашей точки зрения, является красноречивым свидетельством сути благочестия, объявленного храмом Соломона. Его не интересовали внешние атрибуты, только сокровенное. От того, кто почувствовал потребность войти в храм и приобщиться Святая Святых, хранившей Моисеевы скрижали закона, требовалось не соблюдение культа, а нравственная чистота. Это очень хорошо выражается в молитвах о тех, кому открыты двери храма, дошедших до нас в псалмах:

«Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у кого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно — тот получит благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя твоего» (Псалом 23.3).

В этой связи сокрытие 10 заповедей в ковчеге приобретает значение, которое еще не освещалось. Культ храма Соломона вел человека к правовому, нравственному восприятию древнеизраильской религии; все безнравственные храмовые отправления — церемония жертвоприношения, религиозные ритуалы очищения, культовые омовения — были подчинены нравственному содержанию Соломонова благочестия.

Это не означает, что в храме Соломона не происходило отправлений культа. Против этого говорят одни только предметы, использовавшиеся для жертвоприношения, такие как курительный алтарь в храме, алтарь для сожжения снаружи храма, «медное море» и повозки-котлы, которыми возили воду для очищения. Однако они не затрагивали духа храма Соломона.

После Соломона не относящееся к культу этически-нравственное направление храма все больше и больше искоренялось. Полагались на приношение жертв и доверяли священной силе храма, не заботясь о внутреннем благочестии, ориентирующимся на нравственную сущность. Только с этой точки зрения становятся понятны резкие слова пророков, когда они критикуют храмовый культ, как, например, пророк Иеремия.

«Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: исправьте пути ваши и деяния ваши, и Я оставлю вас жить на сем месте. Не надейтесь на обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень». Но если совсем исправите пути ваши и деяния ваши, если будете верно производить суд между человеком и соперником его...» (Иеремия 7.3).

Эту пророческую критику храмового культа мог бы выразить и Соломон. Мы не должны позволять вводить себя в заблуждение библейским авторам, согласно которым освящение храма вылилось в грандиозный праздник жертвоприношения. Притянутое за уши единение молитвы, полной внутреннего благочестия, и помпезного внешнего проявления ритуала жертвоприношения не может обмануть: Соломон преодолел все заслоны на пути к внутреннему, нравственному благочестию, свободному от культового ограничения.

Соломон — теолог

Соломона по праву можно отнести к значительным теологом. Ведь ему, как никому другому, удалось решить самый глубинный и трудный вопрос всех религий — о присутствии божественного. В храмовой речи

Соломону удалось в необычной, даже несколько парадоксальной форме выразить присутствие божественного: «Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки» (3 Царств 8.12).

Это уже известное нам «освящение храма» обрастает в дальнейшем сложностями: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем не менее сей храм, который я построил [имени Твоему] ... Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: «Мое имя будет там»...» (3 Царств 8.27). Что из этого сказал Соломон, а что — авторы Библии? Найти ответ не составляет большого труда: где говорится о безоговорочном присутствии Господа в храме, т. е. в отчете о посвящении храма, — это наиболее старая, первоначальная трактовка; где присутствие Бога обставлено некоторыми сложностями, мы имеем дело с более поздними проявлениями, когда хотелось по возможности избежать чересчур уж непосредственного впечатления от присутствия Бога. Отчет о посвящении храма исходит из того, что храм — это место проживания Бога. Дополнительное восприятие, напротив, видит истинное место Бога на небе и допускает в храме только нахождение «имени Бога».

Тем самым подтверждается наше высказанное ранее суждение, что в речи Соломона содержится «зерно». Он излагает проблему божественного присутствия в парадоксальной форме: Бог нашел в храме свое «место проживания», но в настоящее время «скрыт» во тьме. Ясность и загадочность, имманентность и трансцендентность божественного присутствия связываются воедино непостижимым образом. Господь Соломонова храма познается как повернувшийся ко всем Бог, который не допускает к себе.

Таким образом, на Соломонов храм опускается мистический полумрак, который поглотил сокровенное. И хотя стены храма были с окнами, но они располагались достаточно высоко, на уровне боковых ярусов, и пропускали мало света. Свет попадал в помещение, пожалуй, только через входные двери. Святая Святых была отделена занавесом, и туда могли входить только жрецы. Этим подчеркивались близость и одновременно недоступность Господа.

Библейские авторы невероятно изобретательно передали мудрость Соломоновой речи по случаю освящения храма, когда поселили в храме не Господа, а только «имя Господне». Так они отмели все магическо-материалистические трактовки божественного присутствия, шаг, имевший огромное значение для благочестия Господня, после того как храм был

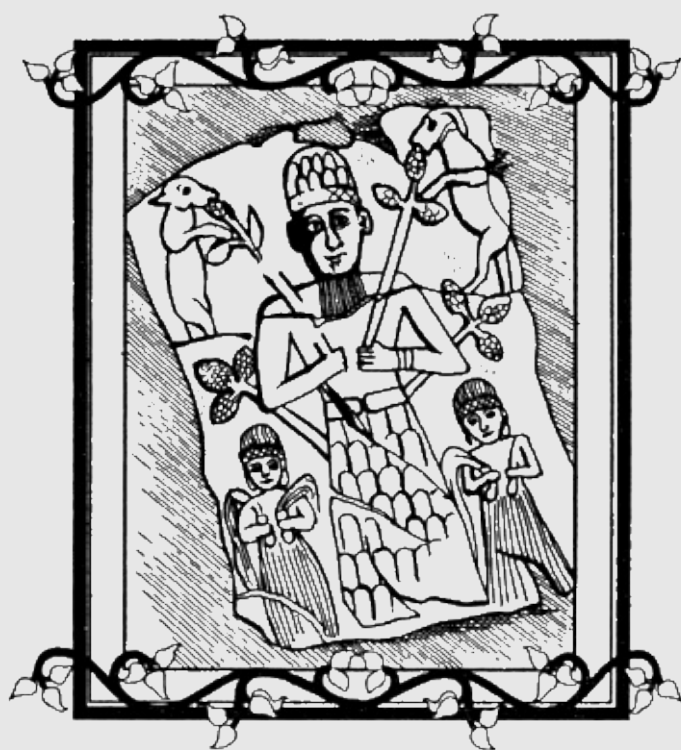
разрушен. Ведь имя Господа осталось нерушимым и привело, например, в иудейской мистике Средневековья к духовной спекуляции.

«Имя Господне» загадочно заключало таинственное всемогущество, оно не должно было произноситься, а лишь употребляться в описательной форме. В числовой символике каббалистов оно постоянно округлялось, обнаруживало таинства творения и падения человека. Таким проходит храмовое благочестие Соломона через века. Понятным становится также и то, что люди, памятуя о разрушенном храме, со слезами пели: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, а притеснители наши — веселья: «пропойте нам из песней Сионских» (Псалом 137.1).

И в пору гонений и чужбины память сохранила то, от чего не откажешься, что завещал Соломон.

Глава 6

«И СТАЛ ОН СЛУЖИТЬ АСТАРТЕ» — РЕЛИГИЯ СОЛОМОНА

Личность Соломона пробивалась из бездны, которая нас потрясает. Он, кажется, справился с роковым наследием преступного отца и матери-прелюбодейки. Неотвратимость кровной мести и братоубийство он подавил своим делом мира, которое нашло конкретное выражение в мудрости судьи, внутренней и внешней политике, представлении государства и правлении. Он отказался от позиции триумфатора, обходился без образа врага, опирался не на политику силы и войны, а мудрую дипломатию и торговлю.

Его открытость миру достойна удивления: в свой аппарат правления

он берет чужеземцев, чужеземки украшают его гарем и обеспечивают стойкие добрососедские связи, «закордонные» рабочие строят храм, который отражает его идею мира. Соломон открыт и привержен традициям одновременно: в строительстве храма направление на чужие образцы, но в Святая Святых он помещает древнеизраильскую святыню — ковчег.

Целью всех его усилий было установление равновесия между просвещенным царским правом и древнеизраильским родовым. Израиль был объединен Соломоном в сложное единое целое, причем обращалось достаточно внимания на растущие различия племен и народов. Фанатизм и догма были для него неприемлемы. Итак, Соломон представляется нам как «осчастливленный жизнью».

Тем более удивительно, что библейское предание рисует отнюдь не то, хотя дело мира Соломона, мудрость и справедливость, строительство им храма вполне представлены как кульминационные пункты его «счастливой отмеченности». Но дейтеронимистические редакторы смотрели на Соломона с позиций критики. Они подразделяли жизнь Соломона на две фазы: «осчастливленную» и «омраченную»: «Во времена старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неудобное пред очами Господа и не последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам. И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева, Который два раза являлся ему и заповедал ему, чтобы он не следовал другим Богам; но он не исполнил того, то заповедал ему Господь [Бог]» (3 Царств 11.4-10).

Оценка религиозности Соломона удивительно противоречива. Его отход от веры Господу однозначно осуждается и одновременно прощается как старческая глупость. И в то же время отход Соломона от традиционной веры Господу описывается как только частичное отступничество. Но наиболее изощренный способ снятия вины библейские редакторы предлагают, когда пытаются отступничество Соломона от чистой веры Господу приписать его чужеземным женам. Вновь старый и излюбленный мотив Евы. Однако все попытки прощения доказывают только одно: для авторов Библии религия Соломона стала камнем преткновения.

Напрашивается вопрос, достаточно ли авторы Библии поняли религию

Соломона? Сомнение здесь вполне уместно, так как строгий, фанатичный монотеизм, который служил мерой библейским авторам, является в первую очередь продуктом их собственного времени. Соломон просто не вписывается в этот фанатизм. Его религия была более открытой и широкой, нежели у тех, кто передавал его историю.

На то, что Соломон плохо вписывается в библейскую, т. е. строгую веру в Господа, указывает незначительный штришок в предании о Соломоне. Он касается того, что Соломон долго правил и умер в мире. Согласно строгой теологии яхвистов, которую исповедовали авторы Библии, Соломон должен был понести наказание еще при жизни, чего не происходит, как авторы ни настаивают. Таким образом, они придумывают особую милость Господа, снизошедшую на Соломона (3 Царств 11.11). Наказание настигло его только после смерти, когда царство было раздроблено. Все это к тому, что мы должны глубже проникнуться мотивами, которые определяют религию Соломона.

Бог отцов, Элохим и Господь

Вначале нужно обратить внимание на сложное развитие древнеизраильской веры в Бога, затем охарактеризовать ее напряженные отношения с хананейско-древневосточной религией и задаться вопросом, как религия Соломона вписывается в эту цепочку.

У Бога Древнего Израиля много имен, в которых находят отклик разнообразные божественные воплощения.

Патриархи Ветхого Завета знали своего Бога как «Бога отцов» (Исход 3.15), иногда говорится о «Боге моего отца» (Бытие 31.5; 29.42; 43.23; Исход 3.6), иногда выступает «Бог отцов» вместе с именем патриарха — «Бог моего отца Авраама» (Бытие 26.24), иногда называются имена разных патриархов — «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова» (Исход 3.6). «Бог отцов» иногда носит явно странное имя как «Щит Авраама» (Бытие 15.1), «Страх Исаака» (Бытие 31.42; 54), «Мощный Бог Иаковлев» (Бытие 49.24). Редко, но все-таки впечатляюще появляется «Бог отцов» вместе с именем собственным «Израиль», а также «Пастырь» или «твердыня Израилева» (Бытие 49.24).

Бог отцов по своей сути является первоначально безымянным божеством, которое почиталось кочевыми родами. Как божество рода оно сливалось с предками рода — с Авраамом, Исааком и Иаковом. Но число «три» не стоит понимать столь однобоко, ведь по поводу объединения рода

Авраамова с восточно-иорданским родом Нахор говорится: «Бог Авраамов и бог Нахоров да судит между нами, — Бог отца их!» (Бытие 31.53). Это попытка свести нескольких «богов отцов» с единством одного «Бога отцов» — в соответствии со ставшим позже определяющим монотеизмом Израиля.

Бог отцов был божеством рода, которое представлялось исключительно лицом, а не святым местом. Будучи божеством кочевников, оно не привязывается к месту, сопровождает тех, кто еще не стал оседлым. Оно проявляло себя не как в театре, громом и молниями, землетрясениями и извержениями. Бог отцов кочевых родов и племен не имеет природных черт, не связан с плодородием земли и не образует таинства жизни и смерти в природе. Напротив, он проявляется как Бог пережитого, заботясь и защищая кочевников и полукочевников, дает им множество наследников. Бог отцов — это Бог чаяний, открывающий перед кочевниками счастливое будущее.

Странствующие чада Бога отцов не оставались навсегда кочевниками или полукочевниками, а соприкасались с другими оседлыми богами, когда осели на ханансйской земле, с их божествами Элохим, которые связаны с определенными местами, священными скалами, источниками и деревьями. Но соприкосновением дело не кончалось: Бог отцов кочевников и Элохим хананеев сливались друг с другом. И Элохим наследовались и переходили в израильскую веру.

Таким является «Бог вечности» в Вирсавии, в честь которого Авраам вырастил тамариск, залог союза, который заключили он, переселенец Авраам, и местный Авимелех (Бытие 21). В Вирсавии почитаем также «Бог, который меня видит», он является перед Агарью, наложницей Авраама, и предсказывает ей сына Измаила (Бытие 16). Для Бога Вефиля устанавливает патриарх Иаков памятный камень, после того как это божество явилось ему в виде небесной лестницы и предсказало богатое потомство и завоевание земель (Бытие 28).

У Иакова — свой «Бог с лицом», с помощью которого он выдерживает до конца поединок, и его отпускают только после того как он получил от Бога благословение и новое имя. Иаков становится Израилем (Бытие 32). Таким образом, не удивительно, что Иаков в древнехананейском городе Сихеме ставит жертвенник и призывает «Бога Израиля», так назван участок земли, которую купил Иаков-кочевник (Бытие 33.20). Знаменательно, что имя «Израиль», которое позже дало название народу, является составной частью хананейского Бога.

Бог отцов и Бог местный, кажется, не враждуют, а дополняют друг

друга. В то время как Бог отцов дает кочевникам защиту, заботу и благословение на потомство, с принятием местных божеств в израильскую веру усиливается святость земли, где поселяются кочевники.

Их вера в Бога отцов ни в коем случае не развивалась в фанатической обособленности, а открывалась божественному опыту оседлого хананейского населения. Но и это не все, древнеизраильской вере в Бога не хватало еще одного имени, третьего и самого важного — имени Господа, с кем неразрывно связан Исход Моисея из Египта. Библейское предание рассматривает введение Господа как особое событие, которое означало перелом в древнеизраильской религии.

Обстоятельства известны: израильтяне жили в Египте — как раз во времена Рамзеса II (1292–1225 до н. э.) как рабы, пока не появляется Моисей. Он убивает египетского надсмотрщика и должен бежать в страну Мадямскую. Там следует знаменитое откровение у горящего куста терновника. Господь, неизвестный до этого времени израильтянам, появляется в имени своем: «Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя мое на веки и памятование о Мне из рода в род» (Исход 3.15).

Моисей был основателем веры в Господа. Ему удалось — согласно Библии — совместить кочевническую религию Бога отцов с почитанием Господа. Вероятно, это не было слишком трудно, так как оба — Бог отцов и Господь — творят свои божественные дела в истории. Господь проявляется как Бог-спаситель, который сделал возможным исход из Египта, сопровождая и охраняя кочевье по пустыне, пообещав переселение в Палестину. Более того, Господь дал войску Моисея право и закон — 10 заповедей и повел себя не только как Бог истории, но и как Бог «общественного порядка», хотя Господь в отличие от Бога отцов у кочевников властно вмешивается в природу: во время откровения Моисея горит терновник. Чермное море расступается, пропуская израильтян, гора Синай сотрясается, — он остается вездесущим Богом, который не заставляет подчиняться себе. Поэтому вышло так, что поклонение ему лишено эффекта.

В отличие от Бога отцов и Элохим Господь обладает одной только ему присущей чертой: претендует на почитание себя одного и «проявляет ревность», когда его исключительность не уважается. Господь — это агрессивный Бог, Бог священной войны, который, восседая в ковчеге, борется за свой народ против всех врагов.

Бесспорным является то, что смесь различных религий существенно способствовала установлению того сообщества, которое назвало себя

«Израиль». Как проходил этот сверхнапряженный процесс, мы не знаем. Возможно, решающий шаг был сделан на том сходе в Сихеме, когда Иисус призвал чтить Господа вначале колена Вениаминовы, Ефремовы и Манассиины, позже к ним присоединились другие колена (Иисус Навин 24). Осуществление этого стало возможным благодаря тому, что Господь в Сихеме слился с почитаемым там Богом Израилевым. Таким образом, следовало бы связать возникновение и распространение имени «Израиль» со сходом в Сихеме.

Низложение священника Авиафара

Что объединяет Соломоново отношение к религии с этим эпизодом? Один важный штрих еще раз возвращает нас к тем драматическим дням, когда Соломон защищал свое царство. Событие, сыгравшее большую роль, мы до сих пор еще не исследовали: изгнание священника Авиафара, который стал на сторону Иоава. Соломон не велел убивать Авиафара, слишком силен, вероятно, был страх перед священником. Того только лишили своей должности и сослали в маленькое поселение севернее Иерусалима, на территории колена Вениаминова.

То, что, на первый взгляд, кажется выведением из строя высокого представителя противоположной стороны, при ближайшем рассмотрении означает намного больше. С Авиафаром исчезла фигура, выступавшая за неукоснительное сохранение древнеизраильской религиозности. Авиафар был хранителем ковчега, все еще почитаемого боевого символа, и олицетворением древнеизраильской веры. Это выражается также и в том, что ряд его предков ведет к роду священников, которые когда-то распоряжались ковчегом в Силоме (1 Царств 14.3; 22.11–20).

Важно, что Авиафара заменили не священником из рода священников, а Садоком, который не мог похвастаться «древнеизраильской галереей предков». Следовательно, его назначение должно иметь другие причины. Садок впервые появляется не с Соломоном, еще во времена Давида он играет среди священников выдающуюся роль. Вместе с Авиафаром он определен хранителем святыни в Иерусалиме и его имя называют даже перед именем Авиафара — признак выдающегося положения.

Почему называли двух священников? Предположительно, Авиафар являлся хранителем древнеизраильских традиций священников, а Садок — представителем иерусалимских культовых традиций.

Важное указание дает имя: Садок — это предположительно краткая

форма от Мелхиседек, которое означает больше, чем просто какое-то лицо и первоначально, вероятно, было титулом хананейско-иерусалимского царя-священника в Иерусалиме. В этом качестве мы встречаемся с ним уже в истории Авраама. Он подает Аврааму хлеб и вино и благословляет его от имени Бога Всевышнего и называется священником Мелхиседеком, царем Салимским (Бытие 14). Это место говорит об очень многом, так как вводит нас в доизраильскую историю религии и свидетельствует о существовании доизраильского Бога.

Нет сомнений, что при взятии Иерусалима царем Давидом Бог Всевышний и Господь (Элохим и Яхве) объединились в культ Яхве (Господа). Священник Садок, кажется, был выходцем из иерусалимских священнических кругов, но не мог продолжать быть царем-священником в Иерусалиме при израильском приоритете. Его должность была ограничена исключительно обязанностями священника: царь-священник Мелхиседек превратился в священника Садока.

Мы можем точнее представить процесс передачи. Псалом 110 описывает как раз тот ритуал, в ходе которого Мелхиседек был однажды низведен с трона в Иерусалиме Элохом. Однако то, что царю иерусалимскому первоначально было обещано Богом Всевышним после иерусалимского возведения, было обещано Господом царю Давиду: «Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Псалом 109.4).

Давид и его приверженцы занимают место Мелхиседека, царь Израиля становится первосвященником. Это заходит так далеко, что среди пяти имен царя Давида одно указывает на Бога Всевышнего: «Давид... которого поставили высоко» (2 Царств 23.1). А иерусалимский царь-священник Садок, напротив, был разжалован в простые священники.

Принятие культа иерусалимского Бога Всевышнего в культ поклонения Господу, включая и должность Мелхиседека, произошло во времена Давида, так как Садок на своем высоком месте упоминается в его время. Но, должно быть, возникли трения между священниками с обеих сторон. В этот момент на сцену выходит царь Соломон: ссылка Авифара и возвышение Садока в первосвященники указывают на то, что Соломон больше покровительствовал иерусалимцам и хотел ослабить влияние древнехивитской группы.

Какие последствия имело влияние иерусалимского культа к хивитам? С полным правом мы можем сказать, что вера Господу (Яхве) была расширена на целый порядок. Важные сведения дает здесь история встречи Авраама и Мелхиседека: «И Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего — и благословил его, и

сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба земли» (Бытие 14.18).

С принятием иерусалимского Бога Всевышнего израильская религиозность неслыханно, «универсально» расширилась. Границы древнеизраильского верования — родового (Бог отцов), местного (Бог Всевышний), национального (Господь) были подорваны, и Богу Израиля приписали создание неба и земли.

Передача качеств Творца Богу Израиля невозможно переоценить. То, что возникло в доизраильском культе Бога Всевышнего и отсюда было перенесено на Господа, для неискушенного читателя Библии ошеломляющее открытие. Как само собой разумеющееся предстает на первых страницах Библии процесс сотворения мира Господом. На самом деле превращение Господа в Бога-создателя произошло сравнительно поздно, после того как Давид и Соломон переделали доизраильскую историю сотворения иерусалимским Богом Всевышним. Или, выражаясь научно, то, что поставлено составителями в начало Библии, по отношению к традиции является лишь позднейшим продуктом израильской истории религии!

Кто оказал влияние на расширение древнеизраильской веры? Шло ли это от Давида или только от Соломона? Мы отдаем предпочтение Соломону, так как Давид, очевидно, ограничивался поддержкой древнеизраильских традиций. Хотя он и дал древнеизраильскому ковчегу право на жительство, но, согласно кочевым традициям, установил его в палатке, хотя и купил у иевуссея в Иерусалиме кусок земли (гумно Орны), поставил там жертвенник, а не храм по «чужеземным» образцам. Давид, кажется, не очень тянулся к чужим культовым традициям. В противоположность этому Соломон решительно расставляет акценты. Он делает Садока религиозным авторитетом и открывает для себя «чужеземный» образ, чего мы не видели у Давида.

Остается еще удивляющий всех псалом 109, который дает царю в Иерусалиме вечное первосвященство «по чину Мелхиседека». Какой царь имеется в виду? С большой охотой текст относят к древним временам царствования, ведь трудно себе представить, что позже можно было бы так естественно приобщиться иевуссейской традиции Мелхиседека. В заголовке псалом приписывается Давиду. И если бы это все было исторически верно, то он стал бы тогда не просто царем, но царем-священником. Давид представлял бы собой тогда «сакрального» царя.

Или же псалом 109 имеет в виду Соломона? Не он ли «священник по чину Мелхиседека»? На первый взгляд, такое могло быть, ведь даже в двух

местах говорится о том, что царь Соломон выполняет функции первосвященника: жертвоприношение в Гаваоне и освящение храма. Но выступал ли Соломон как первосвященник «по чину Мелхиседека»? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется внимательнее рассмотреть действия Соломона-первосвященника во время храмового праздника:

«И стал Соломон пред жертвенником Господним впереди всего собрания Израильтян, и воздвиг руки свои к небу... Когда Соломон произнес все сие моление и прошение к Господу, тогда встал с колен от жертвенника Господня, руки же его были распростерты к небу. И стоя благословил все собрание Израильтян громким голосом... И царь и все Израильтяне с ним принесли жертву Господу... В тот же день освятил царь среднюю часть двора... В восьмой день Соломой отпустил народ...» (3 Царств 8.22–54, 62, 64, 66).

Действует ли Соломон здесь как священник «по чину Мелхиседека»? Существенный аргумент говорит против: царь-священник — это воинственный царь: «Господь одесную Тебя. Он в день гнева Своего поразит царей...» (Псалом 109.5).

Такая характеристика царя-священника подходит не Соломону, царю мира, а воинственному Давиду. Таким образом, мы приходим к волнующему результату: Давид принял на себя доизраильскую традицию царя-священника в Иерусалиме. Он был воинственным царем-священником «по чину Мелхиседека». Соломон тоже перенял традицию царя-священника, сглаживает воинственные черты и превращает воинствующее царство священников в духовное мирное царство. Оно ограничивалось мирными акциями: молитвой и заступничеством, благословением и жертвой. Это очень хорошо выражается уже известными нам словами благословения: «Благословен Господь, Который дал покой народу своему Израилю» (3 Царств 8.56).

И ни слова об «уничтожении врагов».

Итог: Соломон делает еще один шаг в сторону от отца Давида, стирая воинственные черты в образе царя-священника.

Чужие боги в Иерусалиме

Наследование Израилем хананейского культа Бога Всевышнего не подвергалось критике в библейской традиции. Ввиду исключительного почитания Господа, который не терпел возле себя иных богов, это удивляет, тем более, что на критику наывается попытка Соломона вобрать

другие элементы хананейской религии. К открытости миру Соломона относится, бесспорно, то, что он терпел чужеземные культы своих жен: единственный случай в древнеизраильской истории. Таким образом, Соломон практиковал религиозную терпимость; ортодоксальные почитатели Господа — к ним относятся также авторы Библии — усматривали в этом отход от веры отцов.

Конечно, Соломону пытались найти оправдания, представляя благосклонное отношение к богам своих жен как старческую глупость. Но такой подход не историчен, поскольку Соломон женился не старым, а как раз молодым царем. В рамках матримониальной политики он начал допускать культы своих жен довольно рано.

Некоторые культовые места чужих богов находятся вне Иерусалима, на Масличной горе, которая позже по этой причине была названа «Гора порчи». На Масличной горе находились капища Хамоса и Молоха, возможно, также Милхома. Удивляет только то, что в предании о Соломоне капища на высотах для Хамоса и Молоха указывались точно — на «горе, которая пред Иерусалимом». Точного местонахождения культовой святыни Астарты не указывается. Может быть, это место замалчивалось специально? И находилось ли оно вообще на Масличной горе?

Не исключено, что «Соломоново» капище Астарты было помещено на «Горе порчи» в более поздних записях (4 Царств 23.13). Эти заметки связаны с яркой культовой политикой царя Иосии, который заставил разрушить капища на высотах спустя триста лет. Триста лет существовало допущенное Соломоном почитание чужих богов в Иерусалиме. Становится ясно, что речь могла идти не только о частных культах жен Соломона. Чужие культы сами просачивались на религиозную почву, находили широкое одобрение и уважение народа.

О характере почитаемых божеств мы знаем очень мало. Бог Хамос был национальным богом моавитян. Он изображен на уже упоминаемой нами стеле Меша, где называется впервые во внебиблейских источниках израильский царь (Омри). Стела датируется IX веком до н. э. и прославляет могущество царя Меша и его бога Хамоса:

«Я Меша, сын Хамоса, царя Моава. Мой отец был царем Моава 30 лет, и я стал царем после моего отца. Я построил эту культовую высоту для Хамоса в Кириафе... потому что спас меня от всего, он дал мне увидеть мое торжество от всех моих ненавистников. И люди Гада жили в стране Аштарот с незапамятных времен. И царь Израиля построил себе Аштарот. Но он напал на город и взял его и убил весь народ (из?) города (как

жертву?) для Хамоса из Моава. И вернул оттуда жертвенник Аре л... и поставил его перед Хамосом в Кириафе... И Хамос говорил мне: «Иди возьми святыню Израиля». Тогда ночью я пошел и нападал с рассвета до полудня. Я взял его и всех их убил: 7000 мужчин, женщин и рабынь, так как я посвятил их Аштар-Хамос. Я взял оттуда (предметы?) Господа и принес их Хамосу. И царь Израиля построил место и жил в нем, когда боролся против меня. Тогда Хамос изгнал его от меня...».

Стела Меша была создана добрых полстолетия после царя Соломона во времена царя Ахава (871–852 до н. э.). Образ бога Хамоса, должно быть, не изменился за это время. Другими словами, царь Соломон ничего не имел против того, чтобы принять культовое божество в Иерусалиме, со всеми его исключительно воинственными чертами. Как и Господь, ведет Хамос священную войну. Осознавал ли Соломон боевой характер моавитянского божества?

Библейское предание не дает ответа. Однако не так уж трудно найти его. К «терпимости Соломона» совсем не подходит возвращать озлобленность чужих богов. В конце концов, это были божества его жен, с которыми он находился в мирном сосуществовании.

Трудно также восстановить допускаемый Соломоном культ Молоха, в честь главного бога аммонитян. Предание о Соломоне переносит капище Молоха на Масличную гору, и пророку Иеремии позже известно место под названием Тофет, в долине сыновей Енно-ма, где, как сообщается, происходило жертвоприношение мальчиков и девочек (Иеремия 7.31). Из этой архаичной традиции принесения в жертву людей, кажется, так и просится имя Молох, которое первоначально означало ни много ни мало «дары посвящения».

Култ Молоха, должно быть, ослеплял израильтян. Сообщается, что иудейский царь Ахаз (742–725 до н. э.) провел «своего сына сквозь огонь» (4 Царств 16.3). Во всяком случае, принятие культа Молоха Соломоном никак не увязывается с человеческими жертвами. Таким образом, подтверждается наша уверенность, что, допустив чужих богов, Соломон не проявлял насилия.

Почитание Астарты

Соломон не побоялся допустить в Иерусалим култ своей финикийской жены, который она исповедовала в своей семье: култ Астарты. Это необычное явление особенно не одобрялось кругом

староверов: принятие бога женской природы, ведь древнеизраильскому Господу были присущи однозначно «мужские» черты. Хотя сам Господь принадлежал к «культу без изображения», однако как «мужской» бог войны он вывел войско Моисея из Египта, как «мужской» бог Завета диктовал заповеди и законы на горе Синай. Он мог почитаться как «Бог отцов», но не как «Бог матерей»; как Бог Израиля он вступил в единоборство с Иаковом (Бытк 32). Только Богу-мужчине могли быть доверены те многочисленные судилища, слова-приказы, призывающие к войне и уничтожению, которые сотни раз встречаются на страницах Ветхого Завета. «Женские» черты, кажется, чужды Господу. Даже там, где он появляется как Бог предсказаний, где он по-доброму обращается к своему народу, «женские» качества не играют никакой роли.

Хотя израильская религиозность обязывала не изображать Бога, кажется, существовала наивная убежденность в том, что Бог — мужчина. В некоторых местах все-таки существуют следы божеств-женщин, почитаемых в Израиле. Один из этих следов ведет нас к Рахили, любимой жене патриарха Иакова. Она, как сообщается, уходя, взяла с собой «бога дома» (терафим). Когда ее отец Лаван, пораженный потерей охраняющего дом божества, угрожает вору смертельным наказанием, Рахиль прячет божество под седлом верблюда и сама садится сверху (Бытие 31.34). Столь неуважительное обхождение с домашним божеством не могло не понравиться библейским авторам. Нам же эта история показывает, что по крайней мере в домашнем обиходе божества чтились, да и речи не могло быть о строгом монотеизме.

И Мелхола, дочь Саула и жена Давида, также имела домашнее божество. Когда Саул преследует Давида, Мелхола кладет статую на постель Давида, чтобы обмануть слуг Саула: «Мелхола же взяла статую и положила на постель, а в изголовье ее положила козью кожу и покрыла одеждою» (1 Царств 19.13). Конечно, библейские авторы рассказывают эту историю скорее в духе «бурлеска о богах», но зато подтверждают почитание терафимов.

Почитание терафимов было преимущественно женским делом. В их изготовлении тоже, кажется, в основном принимали участие женщины. Из времен Судей нам известна жена некоего Миши, которая изготовила терафим, вероятно, вырезала или нарисовала отличное изображение, которое вначале почиталось как «частная святыня», а позже играло некоторую роль в благочестии израильского племени Дана (Судьи 17).

Три истории с терафимами доказывают, что ортодоксальный монотеизм был необязателен ни в ранний период, ни во времена судей, ни

во времена царей. Господь мог вести себя как официальный «государственный» Бог, но в домашней обстановке большой популярностью пользовались и другие божества. Поэтому есть причины трактовать многочисленные найденные статуэтки — преимущественно женские фигурки — как терафимы. Они изображались обнаженными с вытянутыми или скрещенными руками, иногда прижимали руки к животу. Могли изображаться воинственными или божествами-защитницами, сопровождали свадебные церемонии, часто представляли как снимающие покрывало богини.

Соломон шагнул еще дальше. Его занимали не терафимы, он приблизился к одной из великих божеств Древнего Востока, Астарте, которой отвел право жить в Иерусалиме. При этом бросается в глаза, что авторы Библии избегают называть Астарту — в отличие от Милхома, Хамоса и Молоха — «мерзким истуканом».

С Астартой в Иерусалиме был введен культ, который великолепно характеризуют «женские» черты образа Бога. Библия, к сожалению, не дает особенно запоминающегося образа этой богини. Зачем объективно рисовать чужую богиню, если она воспринимается как угроза культу Господа? Но древневосточные источники позволяют нам восстановить эфемерный образ этой богини, так как в ней соединяются многочисленные черты почитаемых на Древнем Востоке «богинь-жен-щин». Астарта — это только одно из множества ее имен. Происходит ее имя от вавилонского «Иштар». На арамейском оно звучит Аттар, или Аштарт, на еврейском — Ашторет.

В предании о Соломоне Астарта называется «божеством Сидонским». Это очень трудно восстановить, так как в сидонско-финикийском пантеоне богов «богиней Сидонской» преимущественно называют Атирату, супругу главного бога Эла. Это подтверждают по меньшей мере найденные в Угарите, античном Рас-Шамре, древнехананейские тексты XII столетия до н. э. Так о царе Керете сообщается, что он совершает паломничества в капище Астарты, чтобы испросить себе невесту, и там дает обет обеспечить себе мужское потомство. После захода солнца, на третий день, добрался он до святилища Атирату, богини Сидона.

Астарта же, напротив, играет важную роль в мире сидонских богов. Царь Керет, например, сравнивает красоту своей невесты с «грацией Астарты».

В пантеоне богов Астарта остается невыразительной, в отличие не только от Атирату, но и от активно действующей Анат, которая играет важную роль в угаритской драме богов. Анат является возлюбленной бога

плодородия Ваала, судьбу которого она разделяет борясь, сострадая и охраняя. Анат считается богиней войны:

*Смотри, Анат борется на равнине,
Она ведет бои между двумя городами,
Она разбивает народ морского побережья,
Уничтожает людей с Востока.
Головы были под ней как комья земли.
На ее руках — как будто саранча,
Как куски коры платанов руки воюющих.
Она прикрепила головы у себя на груди,
Крепко привязала руки к своему поясу,
Она погружала колени в кровь сильных,
Бедрa — в сгустки крови бойцов.*

Анат является одновременно дикой, кровожадной воительницей и любящей женщиной. Она любила Ваала и последовала за ним в мир мертвых:

*Дева Анат искала его,
Как сердце коровы ищет своего теленка,
Как сердце овцы — своего ягненка.
Так любила Анат Ваала.*

Она позволяет взойти на себя быку Ваалу, играет на лире и поет в честь Ваала, «князя земли»:

*Ваал лег голый и схватил нижнюю часть ее живота,
Анат легла голой и схватила его яички.
Ваал стал быком,
Дева Анат стала коровой...
Она вымыла свои руки, дева Анат.
Она хватает лиру,
Сажает Рогатого себе на грудь,
Она воспевает любовь всесильного Ваала,
Любовь «князя земли».*

Жестокая и любящая Анат — часто встречающееся, но наивное представление о «мирном» божестве-женщине. Богини тоже страшны, хотя

характер их злости иной, чем у богов-мужчин. Женские боги убивают, но делают это безудержно, свободно, из жалости. Их злоба органична. Боги-мужчины, наоборот, убивают холодно, даже «бюрократически», в рамках «положенного», например, Священной войны.

О жестокой Анат в Рас-Шамре/Угарит нам хорошо известно. Астарта же проявляется очень скромно. И все-таки скудные свидетельства об Астарте в Рас-Шамре/Угарит дают возможность сделать вывод: Астарта часто называется именем Анат. Так, царь Керет сравнивает красоту своей невесты с «миловидностью Анат», а также с «грацией Астарты». Как и Анат, Астарте присущи воинственные черты. Она оправдывает надежды, как охотница, скачет на коне, и ее проклинают как мстительницу.

Атирату и Анат в мире богов угаритов играют большую роль, чем Астарта. Но привлеченные нами документы относятся к XII и XIII столетиям. Несколько столетий спустя картина, должно быть, изменилась. В первое тысячелетие до н. э. Атирату и Анат уходят на задний план, а передний завоевывает Астарта. Это особенно отчетливо видно, когда мы читаем о конце Саула. Его доспехи были выставлены филистимлянами в храме Астарты (1 Царств 31.10). И в Финикии дела Астарты пошли вверх. Так, царь Хирам из Тира, торговый партнер Соломона, до основания обновил ее храм. В 875 до н. э. — 50 лет спустя после смерти Соломона даже произошло возвышение одного жреца Астарты в цари финикийцев. Речь идет об Итоваале, отце Иезавели, которая позднее вышла замуж за североизраильского царя Ахава. Таким образом, мы приходим к историческим корням, когда говорим, что Соломон распорядился построить капище Астарты для своей финикийской жены.

Черты Астарты станут более явными, если мы рассмотрим ее первый образ, который предстает перед нами в вавилонско-аккадском мифе о «Нисхождении Иштар в преисподнюю» — предание VII столетия до н. э. Иштар, дочь бога Луны Син, покидает свой дом и отправляется в «страну, откуда не возвращаются». Она проходит семь врат загробного мира, где стражники отнимают у нее все украшения и одежду. Далее попадает во владения богини смерти Аллат. Последствия ужасны. На земле засыхают растения, люди и животные теряют способность к зачатию. К счастью, вмешивается бог богов Эя. Иштар освобождают из загробного мира, она возвращается на землю и дает жизнь плодородию и зачатию. Нет сомнения, что Иштар поклоняются как богине природы.

Она олицетворяет вечное «умри и восстань». В ее судьбе отражается круговорот природы, который воспроизводится в культовой мистерии. Но у Иштар есть и отрицательные качества. У ассирийцев она становится

«госпожой борьбы и раздора», которая ведет свой народ к победе. В более поздние времена изображается на многочисленных сирийских и финикийских монетах времен римских императоров с короной — как хранительница города.

Следует выделить еще одну черту Иштар-Астарты — в Сидоне ее воспринимают как богиню неба, из этого города была, вероятно, родом жена Соломона. В надгробной надписи сидонского царя идет речь об «Астарте великого неба». Священной для нее была звезда Венера, что уже известно из вавилонской традиции. Таким образом, не удивительно, что Астарта часто изображается с диском солнца или лунным серпом. На изображении в Кадеше (Северная Сирия) Иштар-Астарта предстает с солнечным диском и лунным серпом на голове, стоя на льве. Иногда из солнечного диска выступают два коровьих рога. Однажды, как сообщается, Астарта надела себе в качестве царского украшения коровью голову. Это напоминает о египетской богине Хатор, «коровья внешность» которой, очевидно, была перенесена на сидонскую Астарту. Ее именем даже названа хананейская местность: Аштарот Кварнаиль («Астарта с рогами»).

Позже и греки почувствовали значительную симпатию к Астарте, «царице неба», они называли ее «Афродита Урания», и даже христиане не могли распрощаться с «небесной» Астартой. Место Астарты заняла Мария — «regina coeli», «царица неба».

Астарте в Древнем Востоке отводилось значительное поле деятельности. Какие черты приняла «Соломонова Астарта», точно сказать нельзя. Поклонялись ли Астарте Сидонской только как «городской богине» жены-финикийки Соломона или она считалась богиней войны? Последнее может оспариваться, потому что к терпимости Соломона воинственные, насильственные черты вряд ли подходили. Но как обстоят дела с поклонением Астарте как богине природы, символу жизни и смерти? Поклонялись ли ей, как богине неба? Свидетельства из более позднего времени указывают на то, что культ царицы неба в Иерусалиме мог быть очень популярным. Во всяком случае пророк Иеремия бичует — спустя 200 лет после Соломона — в своей храмовой речи культ богини неба.

В культе богини неба речь вполне могла идти о частном культе, так как о походе в храм не говорится ничего. В другом месте доходит прямо-таки до настоящей стычки между пророком Иеремией и поклонниками царицы неба. При этом выясняется, что культ осуществлялся только женщинами, которые приносили в дар царице неба жертвы, курили фимиам и давали обеты. Смысл культовых приношений был в обеспечении пищей (Иеремия 55.15). Царицу неба чествовали также как царицу

плодородия.

Стоит, пожалуй, обратить внимание на то, что царь Соломон занимался не только религиозной политикой под знаком взаимной терпимости, которая вела к тому, что из образа чужого божества были удалены все насильственные черты, но для него было так же важно смягчить «мужские» черты древнеизраильского Господа при помощи «женских» черт богини-женщины. Господу Богу была дана Астарта — богиня плодородия и природы.

Эти догадки, столь яростно отвергаемые библейскими авторами, невозможно переоценить. Они создали равновесие между древнеизраильской исторической верой и живыми, принадлежащими природе феноменами, заключенными в зачатии и рождении животных и людей.

Потустороннему Господу Богу добавлен при помощи Астарты образ, который олицетворял явления природы по эту сторону жизни.

Загадочные колонны храма

Соломон построил Астарте капище, но обращает на себя внимание, что среди чужих божеств нет Ашеры, обычно часто упоминавшейся богини, которая пользовалась в Иерусалиме особой популярностью. Действительно ли у Соломона с этой богиней не было никаких дел? Такое вряд ли можно предположить, ведь в более поздних текстах Ветхого Завета Астарту иногда путают с Ашерой. Переводчики еврейской Библии употребляют вместо Ашеры имя Астарты (2 Паралипоменон 15.16; 24.18).

Однако и в более ранних традициях, которые можно отнести к досоломоновым временам, Астарта и Ашера подменяют друг друга: Ваал появляется иногда с Астартой (Судьи 21.3), а иногда с Ашерой (Судьи 3.7).

Это укрепляет впечатление, что в имени Астарты соединены различные женские божества: не только вавилонянка Иштар и угаритки Атирату и Анат, а также хананейская Ашера.

В характере Ашеры много загадочного. Женщины были особенно преданны ей. Для нее создавали культовые образы и разбивали священные рощи, так Ровоам, сын Соломона. Мальчики-любовники выполняли непристойные обряды, допускались формы культовой проституции (3 Царств 14.23). При царе Манассии (696–642 до н. э.) доходило даже до установления изображения Ашеры в Иерусалимском храме (4 Царств 21.7). Конец этому положил только царь Иосия (4 Царств 23).

Иногда именем Ашеры обозначается не только богиня, но и объект ее культа: деревянный столб (Второзак. 16.21), который по высоте мог превосходить алтарь (Судьи 6.25). Все говорит о том, что речь шла о священных деревьях, о древах жизни, которые должны быть «вырваны», по мнению противников Ашеры (Мишна 5.13). Мишна, более поздний иудейский комментарий к Библии, хочет представить Ашеру как нечто большее, чем «живущее дерево».

Поклонение древу жизни — Ашере восходит к Соломону. Когда мы описывали Соломонов храм, мы не останавливались подробно на двух колоннах, которые были расположены перед храмом. Они относятся к самым загадочным элементам храма Соломона. В библейском предании они называются Яхин и Боаз, но эти имена тоже окутаны тайной.

Ссылались на обелиски перед египетскими храмами. Как форма колонн, так и, особенно, украшение Яхина и Боаза говорят против идентификации. Другие вспоминали о скинии на высотах. Третьи исходили из практических соображений. Согласно последнему предположению, обе колонны могли служить канделябрами (ср. с финикийскими алтарными светильниками) или для сжигания ладана, или как колонны-факелы. Но против всех этих теорий говорит их высота. Некоторые исследователи считали колонны инструментами для подсчета ночи и дня, чем они приближались к космическому символизму, который уже господствовал в традиции талмуда. По этому предположению, Яхин должен был изображать луну, а Боаз — солнце. Следующее символическое направление толкования видит в обеих колоннах изображение облака и огня, которые сопровождали и защищали израильтян при исходе из Египта (Исход 13.21; Левит 14.14).

Объяснение сбивающих с толку возможностей содержит неоспоримый факт: обе колонны не несут никакой архитектурной функции. Они ничего не подпирали в храме, и это при том, что были примерно 12 м высотой, а их диаметр — 1,90 м. Свободно стоящая пара колонн перед храмом известна нам не только по Иерусалиму. Так, Геродот сообщает, что в Тире перед храмом Мелькарт стояли две колонны: «Ия видел его (храм), богато украшенный и с многими подарками от освящения, и стояли в нем три колонны, одна из чистого золота, другая из смарагда, который невероятно светился в темноте...».

Раскопки в финикийском Библе тоже выявили свободно стоящие колонны храма времен Среднего царства, и потом еще есть известный нам храм Ваал-Хаддада в Асоре, который был разрушен в XIII веке до н. э. И перед ним тоже стояли две колонны. Параллели доказывают, что пара

колонн перед храмом Соломона соответствовала финикийской строительной традиции. Таким образом, усиливается историческая достоверность, согласно которой кузнец Хирам из Тира велел отлить колонны Соломонова храма из меди.

Важно, что у колонн перед храмом Соломона отсутствует цоколь основания, он растет как дерево из земли. На это указывают еще и другие отдельные, с трудом поддающиеся восстановлению данные. Так, на колонны были помещены капители с узорами, к которым прикреплены 400 гранат — в два ряда вокруг обеих капителей.

То, что речь идет о символах деревьев, не так уж и притянута, и подтверждается многочисленными параллелями: уже у входа в храм Нинхурсаг в Уре стояли две обитые медью деревянные колонны, которые не выполняли несущей функции. В период Ларсы в Уре у входа в крепость были поставлены колонны — пальмы из глиняного кирпича. Насколько живуча была традиция колонн-деревьев, показывает ассирийский храм Сици в Хоршабаде VIII века до н. э., который — как и храм Соломона — украшали две свободно стоящие колонны: стволы пальм с бронзовой обивкой, напоминавшей чешуйчатую кору пальмы.

Мы можем пойти дальше. Священные деревья издавна тесно увязываются с богиней Иштар-Астартой. Это показывает настенная живопись из Мари, которую можно датировать временем царя Хаммурапи, к сожалению, она в сильно поврежденном состоянии. Сейчас находится в Лувре. Справа узнается финиковое дерево с голубем в кроне, символом Иштар-Астарты. Два других стилизованных дерева стоят по флангам дворца, в котором можно видеть Иштар-Астарту, возводящую на трон царя.

Но самое впечатляющее изображение для наших связей — Идалион на Кипре. Там была найдена модель храма Астарты, напоминающая голубятню. Перед храмом есть две колонны, они увенчаны цветами лилии или лотоса. Таким образом, вероятно, найдена убедительная параллель к Соломоновым колоннам, которые свидетельствуют о своем отношении к культу Астарты. Но, и это должно быть сказано, модель храма из Идалиона относится к VIII–VII векам, т. е. является более поздней по отношению к храму Соломона. С другой стороны, религиозные художественные мотивы в своей сути имеют удивительную способность выживания, так что позволительно сделать вывод: колонны храма Соломона представляют собой священные деревья Ашеры-Астарты, согласно древней месопотамской традиции, которая ведет через финикийского мастера Хирама из Тира прямо в Иерусалим.

Теперь мы понимаем удивительное следование преданию о Соломоне, которое хотя и сообщает о культе Астарты Соломона, однако не локализует культовой святыни. Это удивительно, так как она находилась, по нашему предположению, на видном месте перед храмом Соломона в образе двух монументальных колонн-деревьев. Этот факт должен быть столь неприятен верным Господу авторам Библии, что они его опустили.

На Астарту указывают также оба имени, которыми называются колонны, — Яхин и Боаз: «И он (Хирам) установил колонны перед притвором храма; ту, которую установил по правую руку, он назвал Яхин, а ту, что поставил по левую руку, он назвал Боаз» (3 Царств 7.21).

Что бы могли означать эти имена? Боаз означает «сила». Яхин, пожалуй, — «защищать, сохранять». Итак, был предложен следующий смысловой перевод: «Господь установит свой трон навсегда (jachin); в силе (boas) Господа пусть царь радуется!». Но достойно внимание и то толкование, которое предложил Х. Брастон. Он указал на новопуническую надпись, которая возвращает нас к Астарте-Анат. Там богиня Анат называется «дочерью Боаза». Боаз — это еще одно имя для Ваала, того хананейского бога, которого боялись религиозные круги, как несущего угрозу их вере.

Если наша идентификация обеих колонн храма с капищем Астарты убедительна, то это может иметь далеко идущие последствия для восстановления религии Соломона. Пока что мы встречались с божествами женского пола из досоломоновых времен только как с домашним божеством. При Соломоне же, напротив, женское божество — Астарта — переживает значительное повышение. Она выступает уже не в функции богини дома, которая, вероятно, почиталась только в узком кругу семьи, а вырастает до «богини царства» и получает право жительства в главной святыне Израиля, Иерусалиме. Соломон не только уважает традиционный узкий женский семейный культ, но и придает ему общественное значение. Мы должны показать глубокий гуманизм религии Соломона. Женщинам и их религиозности была дана доньше невиданная высокая оценка. Был ли Соломон в этом отношении великим революционером? Или только усилил тенденцию, исподволь всегда действовавшую? Мы можем дать положительный ответ на оба вопроса. Соломон был в состоянии опереться на высокую оценку женщин и их религиозности в древнеизраильском обществе, которая передается также и библейскими авторами. Широко известные примеры — властные женщины времен Судей, например, Девора, которая официально исполняла обязанности судьи и как предводитель войска привела к победе несколько израильских племен в

решающей битве на «водах Мегиддо». Девору называют «пророчицей», личностью, воодушевляемой религией, которая поет песнь о победе израильтян над хананеями (Судьи 5).

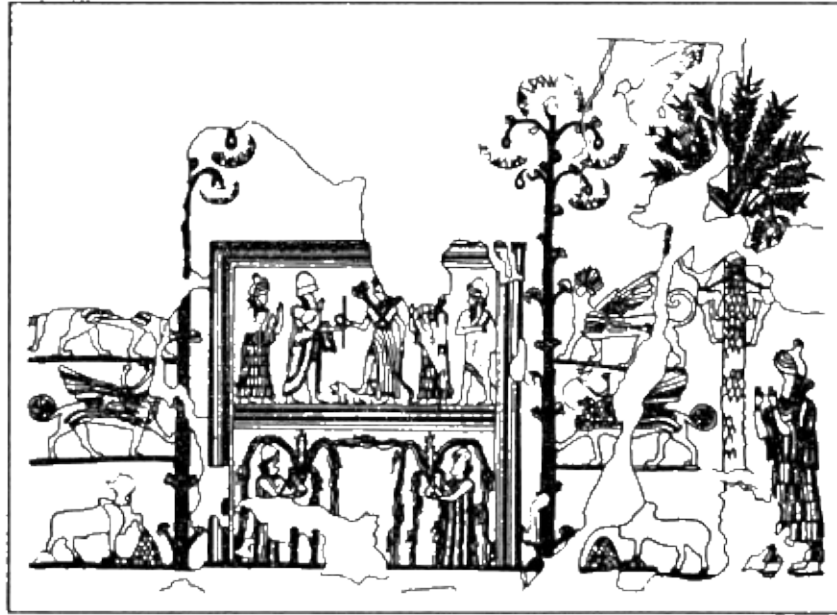

Рис. 27. «Интронизация царя Мари Астартой» Около 1700 до н. э.

Наравне с Деворой вспоминается и другой образ: Иаиль Кенейнка, которой приписывают убийство военачальника Сисары (Судьи 5). И Сепфора, жена Моисея, представляется нам как женщина, проявляющая религиозную активность.

Она провела церемонию обрезания взрослого Моисея: «Ты жених по крови у меня» (Исход 4.25), используя старинный обычай.

И Мариам заявляет о себе в религиозном отношении: она поет знаменитую песнь о спасении людей Моисея после удавшегося исхода из Египта (Исход 15). Остается еще одна простая женщина из народа по имени Анна, которая молится в храме Силома и не только благодарит Господа за рождение своего сына Самуила, но и воспевает Его присутствие (1 Царств 2).

Когда Соломон помещает в Иерусалиме женский культ, то этим он предает гласности тайную традицию древнеизраильского общества и делал

ее официальным государственным культом. Последнее означает больше, чем нам было до сих пор известно, для религиозности женщин. Соломон ставит памятник женской религиозности в Иерусалимском храме в образе двух колонн, он освобождает женскую религиозность от оков домашней тюрьмы. И хотя бы это следовало оценивать как революционный вклад Соломона в религию.

Понятно, что авторы Библии постарались не увидеть восстановленной нами связи и ни одним словом о ней не обмолвились. Они не дают никакого объяснения загадочным именам «Яхин» и «Боаз», за которыми скрываются связи с Ваалом и Анат-Астартой. Таким образом, была предпринята попытка — посредством стратегии умолчания — спасти то, что еще можно спасти в отношении Соломона и строительства храма. Капище Астарты вначале не афишируется (3 Царств 11.5), позже вообще затемнили ее первоначальное местонахождение и, как другие капища, перенесли на Масличную гору (4 Царств 23.13). Но и эта подмена всплывает в связи с яростной реакцией царя Иосии, который жил триста лет спустя после Соломона.

Еще одна возможность подчеркнуть «бесстыдство» культа Астарты — вспомнить об истории с раем, где наряду с деревом познания появляется дерево жизни, гарантирующее вечную жизнь. В нем продолжает жизнь дерево Астарты, просто как символ плодородия, однако людям путь к дереву заказан. И Ашера-Астарта не может помочь.

Ее лишают власти, и херувимы препятствуют доступу к дереву бессмертия. Так, в райских кущах можно почувствовать нечто от борьбы против Ашеры-Астарты, которую развязали библейские авторы, но не Соломон.

Для авторов Библии было важно не связывать слишком тесно Соломона и Ашеру-Астарту. Это становится понятным, если вспомнить, насколько Ашера-Астарта была популярна в Израиле. В раскопках вблизи иудейского города Лахиша были сделаны сенсационные находки. Одна из найденных надгробных надписей, которую можно было датировать VIII веком, была расшифрована следующим образом: «Будь благословен Уриаху Яхве и его Астарта...».

Все указывает на то, что Ашера рассматривалась как супруга Господа. Это значит, что единому Богу-мужчине самым интимным образом в помощь давалась богиня природы. То, что сочетание «Яхве и его Астарта» было не единственное в своем роде, показывают другие археологические находки 1975/76 г. в Кунтилат Адшруд, 80 км к югу от Кадеша. Здесь, на иудейском юге на пересечении торговых путей, которые вели из Газы в

Элат и из него — в синайскую область, группа археологов обнаружила обломки двух кувшинов с удивительными надписями и рисунками. Финикийская роспись оказалась благословением, в которых упоминают и Яхве и Астарту: «Амарийя сказал(а) своему господину: «Будь благословен Яхве и его Астарта...».

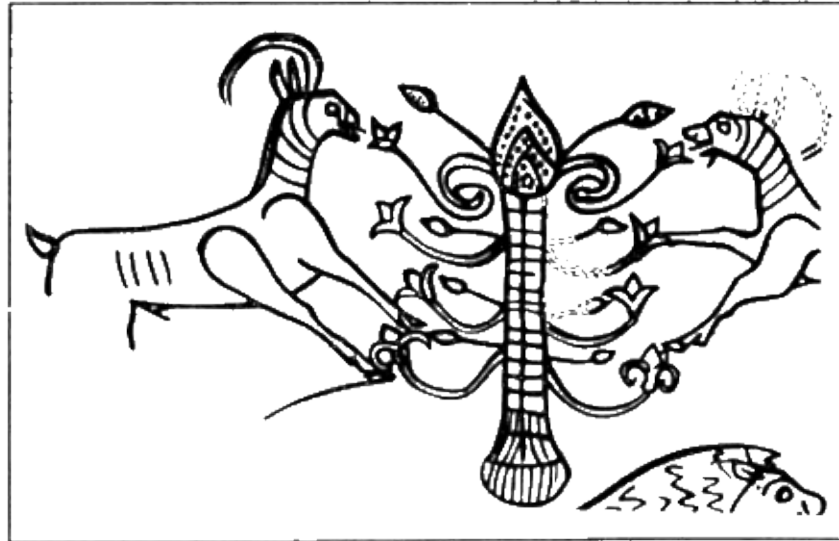

Рис. 28.

Древо жизни, по краям два льва.

Рисунок на сосудах Кунтилат Адшруд.

VIII в. до н. э.

Не удивительно, что один из рисунков демонстрирует древо жизни, по бокам которого находятся два льва — с давних пор символ Астарты. Еще одна надпись называет имя «Обадийу, сын Адна», тоже адресат благословения Яхве. Имя Адна встречается также во 2-й Книге Паралипоменон (17.14), что позволяет нам датировать надписи IX столетием.

Совершенно загадочен еще один рисунок на глиняном кувшине:

играющая на лире женщина, рядом с которой две фигуры с фаллосами. Может быть, речь идет об Ашере, а стоящий слева — это Господь, которого сопровождает оруженосец? Ответ, конечно, гипотетичен. Однако играющую на лире женщину — угаритскую Анат, двойника Астарты — мы уже встречали в воспевании по случаю победы в честь Ваала. Могли ли Анат и Ашера слиться столь тесно, что Анат поднялась до играющей Ашеры? А если бы эта фигура действительно была идентична с Господом, стал бы он похож на бога плодородия Ваала?

Рис. 29 Рисунок на глиняном кувшине

Надписи и рисунки объясняют, что «Яхве и его Ашера» оказывали значительное влияние на израильское религиозное сознание. Не только внушаемая Библией исключительность Господа, а также поклонение «Богу без изображения» в Израиле должны быть переосмыслены по причине найденных надписей, но прежде всего надо, чтобы получила новую оценку роль Соломона в процессе «астартизации» религии.

Итак, подводя итог, мы можем сказать: создание капища Астарты в районе священного храма в Иерусалиме более чем показывает, что для Соломона важно было дополнить строгую религию Господа женскими

чертами и смягчить поклонение Ему, как Богу единому, элементами хананейской языческой религии. Более того, он возвел домашний частный культ в ранг «официального», чтобы религия женщин могла заслужить более высокую оценку. Это глубочайшее стремление Соломона надо понять верно: представлять религию, которая направлена не на фанатичное отделение, а на слияние и дополнение другим божественным опытом. В этом смысле религия Соломона оказывается существенной составной частью концепции мира, которая противилась нетерпимости древнеизраильской эры Господа.

Соломон и Ваал

Чтобы понять религию Соломона, мы были вынуждены выйти за пределы Ветхого Завета. И нам стало понятно, что Соломон имел ярко выраженное открытое понимание религии. Насколько сильно он доверялся чужим богам, демонстрирует его обращение к культу Астарты. Но как обстоят дела с хананейским богом Ваалом, который в Ветхом Завете предстает как противоположность Господу? В предании о Соломоне нет ни одного слова о Ваале, так что, возникает впечатление, тот не доставлял особенных хлопот.

Молчание говорит о многом, ведь Ваал царит во всех религиозных отношениях как до Соломона, так и после него. Вот несколько примеров. После того как войско Моисея пришло в долину Иордана, возник спор с моавитянами, которые поклонялись богу Ваалу на горе Ор. Валаама, ясновидящего Ваала, призывают про-клясть израильтян. Но он не может, ведь Господь ему приказывает прославлять Израиль (Числа 22).

Израильтянам не оставалось ничего лучшего, как броситься на шею Ваалу Пефору. Последствия были ужасны. Господь велит повесить предводителя «перед Господом перед лицом солнца». И по приказу ревнивого, гневного Господа происходит убийство в семьях. При этом немалую роль играет тот факт, что израильтяне сочетались супружескими узами с моавитянскими женщинами (Числа 25.1).

Во времена Судей — примерно за 100 лет до Соломона — обращает на себя внимание Гедеон благодаря своей любви к Господу, ведь он в Офре разрушил жертвенник в честь Ваала а также образ Астарты, которые были сооружены его отцом (!). За это его называли Иероваалом — «Пусть Ваал судится с ним!» (Судьи 6.25).

Но самые мрачные преследования поклонников Ваала происходят при

североизраильском царе Ахаве, примерно через 60 лет после смерти Соломона. Царь Ахав женился на Иезавель, финикийской царевне, которая по-настоящему ввела культ Ваала в Самарии, особенно на горе Кармил. Последствия для нее и 400 пророков Ваала ужасны. Пророки были жестоко убиты пророком Илией (3 Царств 18), а Иезавель приняла позорную смерть от Ииуя (4 Царств 9).

Несмотря на все отвратительные мероприятия, Ваал остается в Израиле божеством, пользующимся расположением. И так происходит, что отношение царей к культу Ваала является для авторов Библии критерием высокой оценки или порицания. Они милостливы только к некоторым царям, например к царю Иезекии, который грубо относился к культу Ваала, и к царю Иосии, ему якобы удалось окончательно разрушить господство культа Ваала.

Господь против Ваала — так можно описать длящиеся столетиями разногласия в древнеизраильской истории религии. Но что же отвращало в Ваале, что вело к его полному ненависти порицанию и оставило широкий кровавый след в Библии? Дать приемлемый ответ трудно, потому что Библия почти не дает материала для полемики.

Однако найденный в Рас-Шамре текст меняет картину. В сирийско-палестинском регионе ему как богу грома и молнии и хранителю дождя придают глубокий смысл. Он царит над людьми и природой

*Я один был как царь над богами,
делал жирными богов и людей,
насыщал толпы на земле.*

Ваал — бог, способный к физическому совокуплению, и связан нежными чувствами со своей возлюбленной Анат. Он входит в нее в образе быка. Кроме того, он впутался в невероятную борьбу за жизнь. Победой кончается его борьба против Иама, бога моря, которая запечатлена в ликующем возгласе

*Иам действительно мертв,
Ваал есть царь!*

Победитель Ваал решает вместе со своей супругой Анат построить храм-дворец. Из Ливана привозят кедры, золото и серебро. Его господство не знает границ.

*Я один царь богов,
Кто на самом деле имеет власть над богами
и людьми,
И я владею толпой на земле.*

В качестве опасного противника Ваала выступает Мот, бог загробного мира. Ваал без борьбы сдается и добровольно спускается в преисподнюю. Его постигает смертная участь, гонец Ваала плачет:

*Мертв Великий Ваал,
Умер царь земли.*

Анат, жена его, находит труп и хоронит его с громкими воплями на святой горе Цафон (Сион). А земля между тем покинута:

*Ваал мертв,
У людей нет жизни,
Жизни у толпы на земле.*

Анат поднимается, чтобы отомстить за Ваала. Мота хватают, режут на куски, сжигают и пепел развевают над полем. И на тебе, Ваал пробуждается из мертвых и снова становится властелином.

Природа просыпается для новой жизни:

*С неба прольется масло,
Ручьи потекут медом,
Великий Ваал жив,
царь, господин, он есть.
Ваал восседает на царском троне,
Сын Дагана на своем месте властителя.*

Каждый год люди отмечают праздник Ваала, вероятно, в связи с тремя праздниками, среди которых самый важный Новый год, отмечаемый осенью. Освящение храма, свадьба с Анат, траур по мертвому Ваалу, его возвращение из царства мертвых, его интронизация на горе Цафон — все отмечалось в том же порядке, праздник угасания и возрождения, отражающий круговорот в природе.

Угаритскому мифу о Ваале принадлежит ключевая роль, но имелся не один Ваал. Он мог воплощаться во многие образы: каждому месту — свой

Ваал! Так происходит, что в Библии говорится о «Ваалах». Вот неполный список библейских Ваалов: Ваал Верит, Ваал Гад, Ваал Хамон, Ваал Зебуб, Ваал Хацир, Ваал Хармон, Ваал Маон, Ваал Перацим, Ваал Шамина, Ваал Татар и Ваал Цафон. Наряду с этим есть еще много семитских имен, которые не упоминаются в Библии. Одним словом, Ваал — это бог, ему поклоняется все древневосточное культурное пространство в Сирии, Палестине и Египте.

И Соломон мог не войти в отношения с Ваалом? Очень сомнительно! В то время как в истории Валаама израильтянам, верным Господу, запрещается брак с моавитянками, даже карается смертью, брак Соломона с женщиной-моавитянкой не подвергается критике. В то время как жена-финикийка Ахава Иезавель становится жертвой верующих в Господа, Соломонова жена-финикийка остается невредимой. В то время как где-то постоянно разрушают капища Ваала, Соломон слывет царем, который первым обеспечил чужим богам доступ в Иерусалим.

Однако какова связь Соломона с Ваалом? Много об этом говорят, но Библия... молчит. А ведь разрешенный Соломоном культ Астарты, в котором поклонялись также Ашере и Анат, немыслим без поклонения Ваалу. Следовательно, вне страниц предания о Соломоне Астарта и Ашера объединяются с Ваалом.

Входило ли в планы библейских авторов идеализировать этот образ? Или существует другое объяснение этой стратегии умолчания? Поиски ответа на вопросы привели нас к смелому предположению: имелось положительное наследие Ваала, которое противостоит полному ненависти порицанию Ваала израильскими пророками и авторами Библии. Чтобы ощутить это, не надо смотреть в исторические книги, следует обратиться к культурным традициям, принятым в Иерусалимском храме. Все зафиксировано в культовых песнях, преимущественно в псалмах Библии.

Совершенно очевидно, что главные черты бога Ваала переносились на Господа.

Подчеркнем сразу же первое и самое важное: царствие Господне! Неоспоримым фактом израильской истории религии является то, что царство Божие первоначально не соответствовало образу древнеизраильского Господа.

Только под влиянием хананейских богов Эла (Бога Всевышнего) и Ваала Господь был введен в должность царя: «Господь — царь», — так постоянно говорится в псалмах, особой группе среди других многочисленных разновидностей псалмов (Псалмы 46, 92, 94, 95–98):

«Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте, ибо Бог —

Царь всей земли; Бог воссел на святом престоле своем» (Псалом 46.8). «Господь царствует: он облечен величием, облечен Господь могуществом и препоясан» (Псалом 92.1). «Ибо Господь есть Бог великий и Царь великий над всеми богами» (Псалом 94.3). «Господь царствует: потому тверда вселенная, не поколеблется» (Псалом 95.10). «Господь царствует: да радуется земля» (Псалом 96.1). «Господь царствует, да трепещут народы! Он восседает на херувимах: да трясется земля» (Псалом 98.1).

Даже эти немногие места показывают, что Господь чествовался как царь в рамках торжества, которое было связано с храмом Соломона. Праздник общин предназначен для восхваления Бога; торжественно звучит призыв: «Господь царствует!». Поэтому ряд исследователей утверждают: праздник восхождения на царство Господа отмечался ежегодно. В этом утверждении есть что-то стоящее, ведь и интронизация Ваала праздновалась в это же время. Во время этой церемонии царь Рас-Шамры на крыше храма приносил жертву и ставил шатры!

Но тезис все же вызывает сомнения, так как нигде в Ветхом Завете не указывают прямо на такой праздник. И потом тут может возникнуть важнейший контраргумент: ни в одном из псалмов о Господе-царе не говорится об интронизации Господа, ведь его господство с самого начала не подвергается сомнению. «Престол Твой утвержден искони», — говорится в псалме (92.2). Именно здесь проявляется решающее различие между царствами Ваала и Господа: в то время как Ваалу приходится бороться за свое царство и иногда его даже отправляют в потусторонний мир, Господь стоит в стороне от борьбы за жизнь и смерть. Ваал становится царем, а Господь является им.

Ваал становится царем посредством борьбы с богом моря Иамом. Его победа с самого начала не бесспорна, хотя к борьбе он побуждает себя таким образом:

*Ха, твои враги, Ваал.
Ха, ты разобьешь своих врагов,
Ха, ты заткнешь им рты.*

Ваал борется не только с Мотом, у него появляются и другие противники, так, например, загадочное существо по имени Таннин или семиголовый змей Левиафан — все они олицетворение сил Хаоса, которые угрожают любому порядку, тем самым и господству Ваала. Хотя Ваал и побеждает силы Хаоса, смерти ему избежать не удастся.

А Господь? Конечно, он остается трансцендентным богом, не позволяя

вовлечь себя в борьбу за власть. Господь гарантирует миру стабильность. И все же, следы борьбы с Хаосом, жертвой которой падет Ваал, накладывают отпечаток и на образ Господа:

*Возвышают река, Господи,
Возвышают реки голос свой,
Возвышают реки волны свои.
Но паче шума вод многих
Силен в вышних Господь.*

(Псалом 92.3)

В шумных потоках воды живет, без сомнения, хананейский бог моря Иа. Так же ясно, что Господь справляется с силами Хаоса, не отдавая себя, как Ваал, изнуряющей борьбе. Наверняка царство Господа, эпизод борьбы с Хаосом были взяты из хананейской религии Ваала, но в Иерусалиме обрели другую форму, так что Господь остается трансцендентным богом, хозяином жизни и смерти.

Еще одну особенность Господа можно отнести к Ваалу: представление о Боге, «едущем на облаках». Мы помнили, что Господь в Соломоновом храме восседает на херувимах и летит на «крыльях ветра», окутанный темными облаками (2 Царств 22.11; Псалом 17.11). В другом псалме говорится: «...делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра...» (Псалом 103.3; также Второзак. 33.26).

А как называют Ваала? «Едущий на облаках» (rkn'rpt); под дождь, дарующий жизнь, становится Анат: «Она (Анат) черпала воду и мылась росой неба и маслом земли, моросящим дождем едущего на облаках, росой, пролитой небом, моросящим дождем, пролитом для нее звездами».

Так Господь связывается с Ваалом мотивом «едущего на облаках». Но замена происходит не только в небесном регионе, о «месте жительства» на земле тоже можно так сказать. Местом жительства Ваала считалась гора Цафон, по названию которой Ваал часто называется Ваал Цафон. На Цафоне Анат торжественно хоронит Ваала, когда он становится жертвой Мота, на Цафон Ваал возвращается после своего воскрешения; и на Цафоне строится Ваалов храм-дворец, на его освящение Ваал приглашает так:

*Посреди моего убежища, бога Цафона,
на священном месте, моем убежище,*

на любимом мной месте, на холме победы.

Цафон долгое время оставался загадкой, в нем видели Гору Севера. После исследований Отто Ейсфельда стало ясно, что речь идет о горе высотой 1770 м, Джебель Эль-Аква, на побережье Средиземного моря, на севере Сирии, 30 км севернее Рас-Шамры. И тут происходит удивительное, оказывается, что и Господь живет на Цафоне, как можно прочесть в псалме 47.3:

*Прекрасная возвышенность,
Радость всей земли гора Сион;
на северной стороне
ее город великого Царя.*

Сомнений нет, гора Сион, на вершине которой находится храм Соломона, идентифицируется с местом жительства Ваала. Но там уже живет не Ваал, а Господь. Господь взял себе Цафон-Сион и лишил власти Ваала.

Есть еще и другие черты хананейской религии Ваала, которые влились в теологию Иерусалимского храма. Так, царство Ваала слывет «вечным царством»: «Ты (Ваал) получить вечное царство, царство твое от поколения к поколению».

О царстве Господа говорится почти то же самое: «Царство Твое — царство всех веков, и владычество Твое во все роды» (Псалом 144.13).

Насколько глубоко миф о Ваале проник в религию Господа, показывает псалом 28, в основе которого лежит хананейский гимн Ваалу:

*Глас Господень над волнами:
Бог славы возгремел,
Господь над водами многими.
Глас Господа силен,
Глас Господа величествен.
Глас Господа сокрушает кедры,
Господь сокрушает кедры Ливанские и Сирион,
подобно молодому единорогу.
Глас Господа высекает пламень огня.
Глас Господа потрясает пустыню;
потрясает Господь пустыню Кадес.
Глас Господа разрешает от бремени ланей*

*и обнажает леса;
и во храме Его все возвещает о Его славе.
Господь восседал над потоком,
и будет восседать Господь царем вовек.
Господь даст силу народу Своему,
Господь благословит народ Своим миром.*

(Псалом 28.3-11)

Господь в этом псалме создан по образу Ваала. Его гремющий голос приводит в волнение все. О Ваале же говорится: «И поднимет он свой голос к облакам, молнии засверкают... Ваал подает священный громopodobный голос».

Ливан и Сирион встречаются также в мифах о Ваале, ведь оттуда идет кедр для храма-дворца Ваала. Однако Господь сокрушает кедры из Ливана и Сириона, как будто нужно сокрушить храм Ваала. Нет сомнения, что стилизованный под Господа гимн Ваалу пропет в Иерусалимском храме. Там прозвучал призыв чести, но он уже относился не к Ваалу, а вечному царю — Господу.

В этом месте мы прервем наше исследование проникновения мифа о Ваале в религию Господа. Оно показывает, что Ваал не только вызывал ненависть и с ним боролись, но и то, что его черты были унаследованы. Превращение Ваала нужно рассматривать в непосредственной связи с иерусалимским культом храма.

И, наконец, вопрос: когда произошло это проникновение? Наш ответ: начало ему положил Соломон. Смелый тезис, так как в предании о Соломоне об этом ничего не говорится. Однако мы уже знаем, что авторы Библии преподносят образ Соломона в рамках дозволенного.

Кто же еще кроме Соломона мог бы взять на себя ответственность за подобные вещи? После него шансы для позитивного пересмотра образа Ваала были бы почти сведены к нулю. Уже через 60 лет после Соломона в Самарии вспыхивает кровавая война против Ваала и поклоняющихся ему. Она отражена, например, в борьбе Илии против пророка Ваала (3 Царств 18) или в политической борьбе Иоаса (845–818 до н. э.), который будучи радикальным яхвистом уничтожил с корнем пророчицу Иезавель и всех наследников Ахава (4 Царств 9).

Насколько стало проще приобщаться к позитивному наследию Ваала после Соломона? Цари Аса (908–868 до н. э.) и Иосафат (868–847 до н. э.) характеризуются как верные яхвисты; Иорам и Агасия, следующие за ними

цари в Иерусалиме, описываются как приверженцы Ваала, за что они и были убиты ревнителем Господа Ииуем.

Уже эти небольшие по количеству замечания показывают, что борьба между сторонниками Господа и Ваала приняла острейшие формы непосредственно после смерти Соломона и не щадила царей тоже.

В Иерусалимском храме времена благоденствия для Ваала скоро закончились. Очевидным это делает тот знаменитый союз (840 до н. э.), который заключил первосвященник Иода между народом, царем и Господом (4 Царств 11). Он оказался при этом строгим последователем Господа, ведь храм Ваала и алтари были разрушены, а пророки Ваала убиты.

Вражда между Господом и Ваалом не угасала. Об этом свидетельствует борьба пророков против Ваала, а также враждебная по отношению к нему реформа царей Иезекии и Иисуса. Невероятно, чтобы в атмосфере ненависти, создавшейся после Соломона, Ваал мог быть позитивно унаследован. Только лишь Соломонова эпоха не вела борьбы против него. Это прямо указывает на то, что позитивное проникновение Ваала припадает на время Соломона, то время, которое отличалось невиданной ни до ни после терпимостью по отношению к чужим богам.

Хотя Библия замалчивает эту связь событий, есть несколько достойных внимания моментов, которые подкрепляют наш тезис. Мы уже упоминали колонны Яхин и Боаз, следы культа Ваала-Астарты. Другой культовый объект Соломонова храма приведет нас тоже к культу Ваала: «Медное море», колоссальный водный бассейн, который стоял на 12 быках. По три быка указывали, соответственно, на четыре стороны света (3 Царств 7.23).

Воспроизведение этого культового сооружения хотя и спорно, но в его культовом символическом значении сомнений не содержит. Сакральные водные бассейны, священные пруды и озера неоднократно зафиксированы в Древнем Востоке.

Энеи Ур-Нанс, резиденция которого находилась ок. 2700 до н. э. в шумерском Лагаше, сообщает, что он построил сакральный водный бассейн Апсу. Хозяином Апсу был бог Энки/Эа, храм которого в Эриду называется «Дом океана». В Вавилоне и Ассирии в храмах тоже сооружали Апсу. Иногда они представляли земное море, иногда подземное, иногда подземный океан, которые, будучи миром Хаоса, угрожали мировому порядку. Древнемесопотамские традиции продолжали действовать вплоть до культа Ваала, в котором хаотические силы воды представляются в борьбе между Ваалом и Иамом, богом моря.

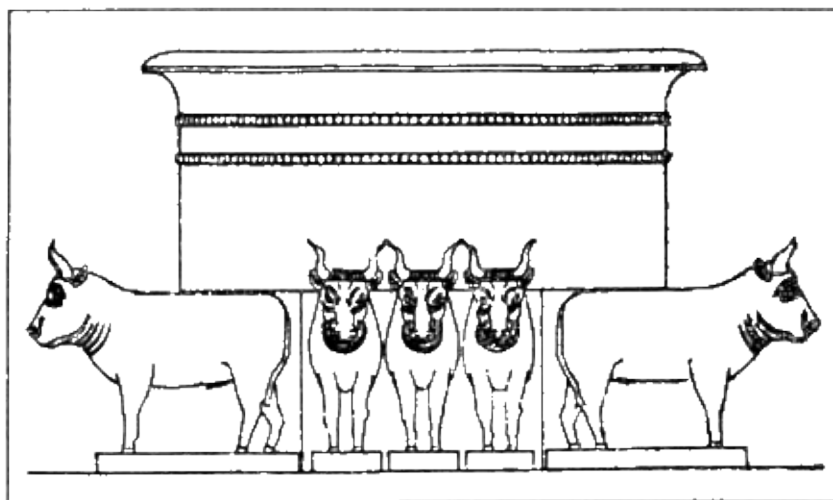

Рис. 30. «Медное море» перед храмом Соломона

Ограждения прудов у храма Ваала в Баальбеке тоже украшены морскими мотивами, среди которых тритоны и nereиды воплощают волны и ветры. И статуи быков указывают на Ваала. Как и его отец Эл, он представлен быком. В этой связи следует вспомнить о раскопанных Ядином фрагментах базальтового фундамента статуй из Асора (XIII в. до н. э.) с быками, на котором стоял первоначально Ваал-Хаддад. Более поздние изображения показывают Ваала тоже стоящим на быке. Одна из статуй была найдена во дворце ассирийского царя в Арслан Таш, другая происходит из Дъекке, 30 км от Алеппо, и датируется VIII или VII веком до н. э.

Имеются еще более близкие параллели «Медному морю», в котором объединены друг с другом мотивы быка и моря. У нас есть изображение одного, к сожалению, пропавшего рельефа храма Музазира в Урарту, северо-восточнее Ашшура, VIII столетие до н. э., на котором видны два бассейна, стоящие на бычьих ногах. Диаметр бассейна 2,2 м; у Соломонова моря диаметр в два раза больше.

По нашему мнению, «Медное море» перед храмом Соломона — дань мощному потоку влияний, имевших место по всему Востоку, и прежде всего в культе Ваала. Если в некоторых псалмах о Господе-царе говорится, что «Его престол над водой», то это высказывание имеет свое

символическое выражение в воде «Медного моря».

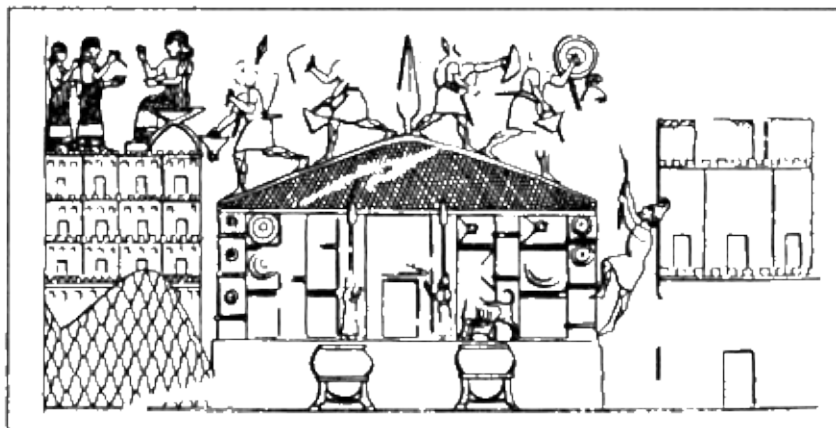

Рис. 31.

Бассейн на бычьих ногах времен Саргона II

Музазир (721–705 до н. э.)

Кто входил в храм, миновал укрощенные воды Хаоса, дальше была Святая Святых, где восседал Бог. Библия молчит на эту тему, поскольку она во власти мифической религии Ваала. Но какая иная символика могла быть у «Медного моря»? Для практических целей, для очищения священников оно было более чем возвышенным.

Мифические познания о хаотической силе вод и о дающих жизненную силу священных деревьях Астарты-Ашеры были введены Соломоном в храмовый культ в Иерусалиме и несколько изменены. Повелитель Хаоса уже не Ваал, не Астарта-Ашера, а Господь. Вода и дерево выступают как символы человеческого глубинного опыта.

Перспективы ослепительны и бесконечны одновременно. Они делают храмовую гору похожей на рай. Обычно не задумываются над тем, что библейский рай мог находиться на горе, как как, если верить географии рая, там есть не только Древо жизни, но берут начало четыре реки — Евфрат, Тигр, Гион и Фисон (Бытие 2.10). Гион является единственным источником, который берет начало на юго-восточном склоне города

Соломона, и здесь Соломон был возведен на престол. Так обнаруживается удивительная связь: храмовая гора идентифицировалась не только с божественной горой Цафоном, но и раем.

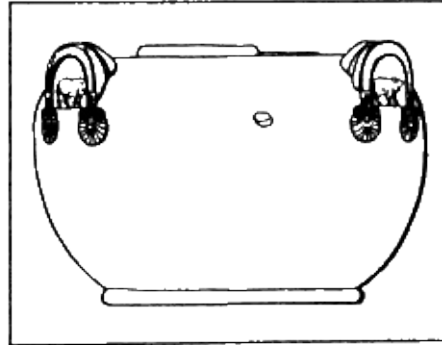

Рис. 32. Бассейн из Амматонта (Кипр). VI век до н. э.

Библия только указывает на эту связь. Ее изложение четко придерживается древневосточной традиции.

Уже во II тысячелетии до н. э. появляется рельеф из гипса, который прикреплен к колодцу храма в Ашшуре. В центре стоит Горный бог, его можно узнать по чешуйчатому рисунку в виде скал на юбке и головном уборе. От его бедер отходят плодоносящие стебли, а в руках он держит другие «дерева жизни», которые жуют ягнята. По обе стороны от него две нимфы, они держат в руках сосуды, из которых бьют водные струи. Все вместе это изображает горный рай, который свидетельствует о дарующей жизнь силе воды и деревьев.

Маленькая ассирийская статуэтка из слоновой кости XV столетия до н. э. напоминает нам о библейском рае. Горный бог в платье из камней выливает из сосуда четыре потока райских рек. И в настенной живописи из Мари объединяются мотивы священной горы, рек, дарующих жизнь, и плодоносящих деревьев жизни. Справа и слева от деревьев стоят быки, они ставят свои копыта на груды камней, символ священной горы... У подножия дворца — две богини источников, из сосудов которых четырем потоками вытекают реки.

Рис. 33. Горный бог с нимфами (Ассирия).

II тысячелетие до н. э.

Эти примеры показывают, что по существу некоторые моменты в теологии Иерусалимского храма имеют древневосточные корни: Сион — храмовая гора, Гион — райская река жизни, колонны храма — символы древа жизни. Все это свидетельствует об удивительной открытости религии Соломона к явлениям обычной жизни.

Может быть, стоит уделить немного больше внимания язычеству Соломона. Дело в том, что мы знаем, куда могут завести слепая вера людей и общественные системы. Скорее, чем когда бы то ни было, необходимо опомниться, чтобы спасти и сохранить изувеченную и разрушенную

природу. Конечно, перенос Соломоном в историческую религию Господа природных явлений воплощает все черты проекта, обусловленного временем, который выражался в формах, сегодня нам чуждых, — в тенденции к обожествлению природы и стремлению объяснить природное божественным. Соломон видел взаимодействие исторической религии и язычества. Такой взгляд сегодня уже не актуален. Тем не менее мы говорим об крупнейшей идее содействия: восстановление равновесия между историей, творимой людьми, и изуродованной этими же людьми природой. Религиозная мудрость Соломона могла бы принести свои плоды, почувствуй человек свою эпохальную ответственность.

Глава 7

«...ВСЕ СУЕТА» — ТРАГЕДИЯ ЦАРЯ

Жизнь Соломона началась под недобрым знаком: мать-прелюбодейка, отец — убийца, брат обречен на гибель. Вся надежда в его имени. Вход в историю запятнан кровью и связан с жестоким архаичным миром. И все же Соломон-убийца меняется.

Нам удалось проследить причины, на фоне которых происходило это изменение, пройти по его следам. Обнаружилось достойное удивления дело мира, многогранности которого мы стали свидетелями. Возникло предположение, что библейские авторы еще не доросли до понимания этого. Они подстригли дело его жизни! Мир при Соломоне казался им просто отсутствием войны, а не творческим жизненным принципом.

Поэтому в наиболее важных местах приходилось прерывать библейское предание о Соломоне, чтобы осознать его концепцию мира.

Нам стало ясно, как и почему в Гаваоне Соломон обеспечил победу мирному царству, для которого триумф над врагом больше ничего не значил. Мы поняли, что Соломон при помощи праздника жертвоприношения в Гаваоне и строительства храма в Иерусалиме хотел покончить с человеческим насилием. Мы видели, как он освободил правовые отношения от религиозной опеки, заменив право Бога на исключительное право царя. Вместо войны Соломон опирался на дипломатию и торговлю, экономическое развитие, вообще на все, что могло процветать только в мире. Что касается внешних отношений, то это были мирные сделки, последовательное «разоружение», чего так и не поняли авторы Библии.

Делом мира оказалась и удивительная открытость и терпимость к чужим культурам и религиям — явление, которое авторами Библии было даже фальсифицировано. Его деяние получило великолепную оправу, но то, что библейскими авторами прославлялось как мудрость, нами могло быть восстановлено с большим трудом. Мы открыли, что мудрость Соломона можно описать как «добродетель одаривания». Соломон стал основателем культуры. Он жил и создавал изобилие, не был статичной фигурой с оборонительными установками, обуреваемым страхом перед жизнью или ненавистью к ней. Он растрачивал свою жизнь в возможности творить, посвятив ее мудрости и поэзии, архитектуре, которая сделала его строителем городов и храмов, религии, которой он придал любезный человеку облик.

На этом мы могли бы закончить. И последние слова о Соломоне были бы сказаны. Но как это всегда происходит у творческих личностей, наряду с блеском в жизни Соломона существовала трагическая сторона. Теперь мы увидим Соломона «человеком, открывающимся во всех своих противоречиях».

Вначале о его политических делах. Библия в этом вопросе очень расположена к Соломону: «Соломон владел всеми царствами от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта; они приносили дары и служили Соломону во все дни жизни его» (3 Царств 4.21).

Мы не разделяем мнения о «великом Израиле», ведь на границах царства еще существовала опасность. Царю идумеян Хададу на юге Израиля удавалось отвоевывать независимость, да еще царю Рисону на севере Сирии. Нужно добавить, что Соломон обязан был уступить 20 галилейских городов Хираму из Тира, дабы заплатить свои долги. Уловка

отдать Хираму неплодородные земли вызвала у последнего резкий отклик (3 Царств 9.11). Короче, царство, которое Соломон получил от Давида, уже дало трещины. И мирная политика представляется нам мудрым самостоятельным решением, ограждающим его от бессмысленной и авантюрной игры сил. Но мы-то хорошо знаем, что и позже войны Израилю никогда не приносили пользы. В таком свете мирная политика Соломона напоминает подход тех пророков, которые снова и снова выступали против политики силы царей после Соломона. Соломон действовал по принципу, о котором пророк Исаия напомнил царю Ахазу через добрых 20 лет после Соломона: «Наблюдай и будь спокоен; не страшись и да не унывает сердце твое...» (Исаия 7.4).

Чем бы стал Израиль, если бы мирная концепция Соломона и пророков победила? Сложилась бы история Израиля по-другому, если бы во главу угла поместили творческую политику? Обошелся бы по-другому Навуходоносор с Соломоновым наследием? Пустая затея заниматься такими экзерсисами, но вопросы должны прозвучать. Возможно, трагедия Соломона в том, что у него не было последователей, которые бы развили и продолжали его дело мира.

Тени трагедии ложатся и на внутренние дела, рассчитанные на соглашение. Искусная форма управления Соломона не имела прочного фундамента. Сразу же после его смерти произошел раскол Северного Израиля, но надо ли это приписывать Соломону? Библейское предание тем не менее так и делает. Оно видит в расколе Израиля Божие наказание Соломону за отход от Бога отцов. Но вывод неубедителен, так как при развале Соломонова царства религиозные причины не играли решающей роли. Скорее речь шла о силовых интересах: североизраильские племена поднялись против налогов и дани, которым успехи Соломона немало обязаны. Когда Ровоам, сын Соломона, в Сихеме ждал согласия североизраильских племен на интронизацию, представители от народа просили его: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего... и тогда мы будем служить тебе» (3 Царств 12.4).

Ровоаму дали плохой совет — не идти навстречу требованиям. Раскол североизраильских племен стал делом решенным.

А теперь мы подошли к истинной трагедии Соломона, к моменту, в котором он, вероятно, был повинен. Своими творческими жизненными возможностями он обязан не только торговым сделкам и умной экономической политике, но также и эксплуатации наемной рабочей силы. Строительство храма, дворца и крепостей, материальное снабжение двора

требовали ее применения; развитие процветающего двора стоило много денег.

Так появилось неустрашимое противоречие. То, что воспринимается, с одной стороны, как культурный расцвет, было, с другой стороны, выжато из подданных. Творческие затраты, которые мы уже отмечали как важную черту Соломона, строились на сокращении условий жизни большей части населения.

Библейское предание билось над этим болезненным противоречием, но не смогло его разрешить. Этим объясняет и довольно путанное сообщение о системе подневольного труда. Так, известно, что Соломон призывал на поденную работу людей со всего Израиля. 30 тыс. человек были привлечены к валке леса, добавим к ним 70 тыс. носильщиков и 80 тыс. рабочих в каменных карьерах (3 Царств 5.27). Количество может быть преувеличено, но в реальности работ сомневаться не приходится. Поэтому вполне понятно, что многие при Соломоне жаловались на «тяжкое ярмо».

Библейское же предание, напротив, пытается несколько смягчить это: «Весь народ, оставшийся от Аморея, Хеттея, Фересея, Хананея и Ивусея, которые были не из сынов Израилевых, детей их, оставшихся после них на земле, которых сыны Израилевы не могли истребить, Соломон сделал оброчными работниками до сего дня. Сынов же Израилевых Соломон не делал работниками, но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесниц» (3 Царств 9.20).

Тут, конечно, приложил руку льстец. Хотя при Соломоне оброк и не оспаривался, но те, кого коснулась эта тяжелая участь, не израильтяне. Те, наоборот, возвысились до надсмотрщиков, а отсюда вытекает, что мирное царство Соломона стало военным государством. В другом месте говорится, что в Иудее и Израиле «каждый мог сидеть под своим деревом» (3 Царств 5.5), а теперь, кажется, весь народ вовлечен в военную повинность. Библейская «попытка снятия вины» в делах оброка слишком эфемерна, чтобы выстоять. Совершенно ясно, что израильтяне тоже обязаны были работать на оброк.

Можно ли как-нибудь спасительно объяснить оброк при Соломоне? Или здесь возникают границы для его мирных дел, которые приходится принять? Противоречие представляется более чем глубоким. Когда это творческая организация жизни протекала в безвоздушном пространстве?

Великие творения культуры, так же как и малые дела, основываются на жестоких требованиях к самому себе и другим. Ни одна пирамида, ни

один храм, ни один замок без этого трагического принципа творческих затрат не были бы возведены. Ни Микеланджело, ни Гете — да и Соломон тоже — не были бы ими без творческого начала, темная сторона которого — тяжкий труд.

Трагическая противоречивость, нависшая над делом Соломона, обострилась еще при его жизни. И это не случайно, что в поздние годы царя произошел бунт Иеровоама (3 Царств 11). Иеровоам не был представителем иерусалимской придворной партии, он происходил не из иудейского племени, которому обязаны своим происхождением Давид и Соломон, а был выходцем из североизраильского племени Ефрема. Возможно, он представлял североизраильские оппозиционные круги, которым не нравилась односторонняя направленность на иерусалимскую царскую культуру. При этом для Иеровоама все складывалось удачно. Соломон продвигал молодого человека, на которого обратил внимание, когда строили крепости. Он сделал его «оброчным управляющим» над самой могущественной группой племен Северного Израиля, «Домом Иакова», т. е. коленами Ефрема и Манассии.

Но любимец Соломона стал бунтовщиком. Возможно, решающую роль сыграл тот печально знаменитый символический поступок пророка Ахии Силомлянина, когда он и Иеровоам случайно встретились вне Иерусалима. Ахия рвет на куски свою одежду и дает Иеровоаму десять частей, олицетворение десяти племен, над которыми он будет стоять. А царством Соломона станет только одно племя — Иудея.

Но антисоломонова оппозиция возникла не только из-за оброка и налогов, речь шла о различных идеологиях царей, которые противостояли друг другу. Здесь Соломон — представитель династии, там Иеровоам — представитель североизраильских племен, которые не могли примириться с иудейской династией. Здесь Соломон, царствование которого легитимизировано отцовством Давида, там Иеровоам — от пророков. Здесь Соломон финансирует дело своей жизни оброком, там Иеровоам, которого, вероятно, возмущает система поденных работ при Соломоне, — особенно если вспомнить, что старое родовое право освобождало израильтян от унижительных работ и оброка.

К трагедии Соломона отнесем то, что ему не удалось привлечь оппозицию царя североизраильских племен на свою сторону. А потому царь Соломон вынужден убить бунтаря Иеровоама (3 Царств 11.40). Тот чудом избегает смерти и скрывается в Египте.

Последние годы Соломона сильно омрачены. Дело всей его жизни, терпимость, культурное развитие, строительство храма — их блеск мог

стать олицетворением счастливой эпохи. Но с возрастом Соломон прячется за свои дела. Как это иногда приходится наблюдать у стареющих людей, Соломон приходит не к зрелой мудрости жизни, а наоборот, к регрессу. Решение убить Иеровоама, кажется, отбрасывает Соломона во времена его мрачного кровавого начала, когда он был подвержен идее мести и братоубийства. Библейское предание не может обойти молчанием подобное превращение. Из царя Соломона лепят «проповедника» (Екклесиаст), и делают его автором трезвых, лишенных иллюзий сентенций, которым в Библии посвящена целая книга. Соломон знает закон «преходящего времени»: «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки... и нет ничего нового под солнцем... Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме; и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!.. Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екклесиаст 1.1).

Сегодня мы знаем, что эти слова вложены в уста Соломону. Но ничего не меняется в их силе. В конце концов нам придется отвечать на вопрос: «Что важнее?» Отдать себя единственному в своем роде делу мира, которое послужило освобождению людей, научило терпимости, вызвало к жизни творчество, или трезво оценивать прошлое, преходящность и суетность человеческих стремлений? Ответив на него, мы сможем вырваться из заколдованного круга, того самого знаменитого круга, куда нас поместил царь Соломон.

О царе Соломоне знают все. Он вошел в мировую историю как обладатель несметных богатств, строитель Иерусалимского храма, автор поэтической «Песни песней» и носитель великой Мудрости. Мало кому известна другая сторона этой незаурядной личности: мрачный мститель, запятнавший себя убийством брата и кровной местью. Его

*слава покоится на подневольном труде народа, из которого он
выжимал все возможное для своих блистательных дел. Что
стоит за легендой — сказочный образ или историческая фигура?*

О царе Соломоне знают все. Он вошел в мировую историю как обладатель несметных богатств, строитель Иерусалимского храма, автор поэтической «Песни песней» и носитель великой Мудрости. Мало кому известна другая сторона этой незаурядной личности: мрачный мститель, запятнавший себя убийством брата и кровной местью. Его слава покоится на подневольном труде народа, из которого он выжимал все возможное для своих блистательных дел. Что стоит за легендой — сказочный образ или историческая фигура?

ISBN 5-222-00693-X

9 785222 006931

*FB2 created by
mefysto*

notes

Примечания

Здесь и далее названия книг и цитаты из Библии приводятся по русскому синодальному изданию (прим. ред.).

Правдиво, объективно (досл.: Без гнева и пристрастия). Выражение принадлежит римскому историку Тациту, «Анналы» 1,1 (прим. ред.).

Э ф о д — магический квадрат из двенадцати чисел и двенадцати слов, вырезанных на драгоценных камнях. Совещались при помощи терафима, урима и туммима. Терафим на ивр. означает «иероглиф», или «знак в виде фигурок»; урим и туммим — «верх и низ», «восток и запад», «да и нет». Терафимы выбирались жрецом наугад и раскладывались вокруг эфода (*прим. ред.*).